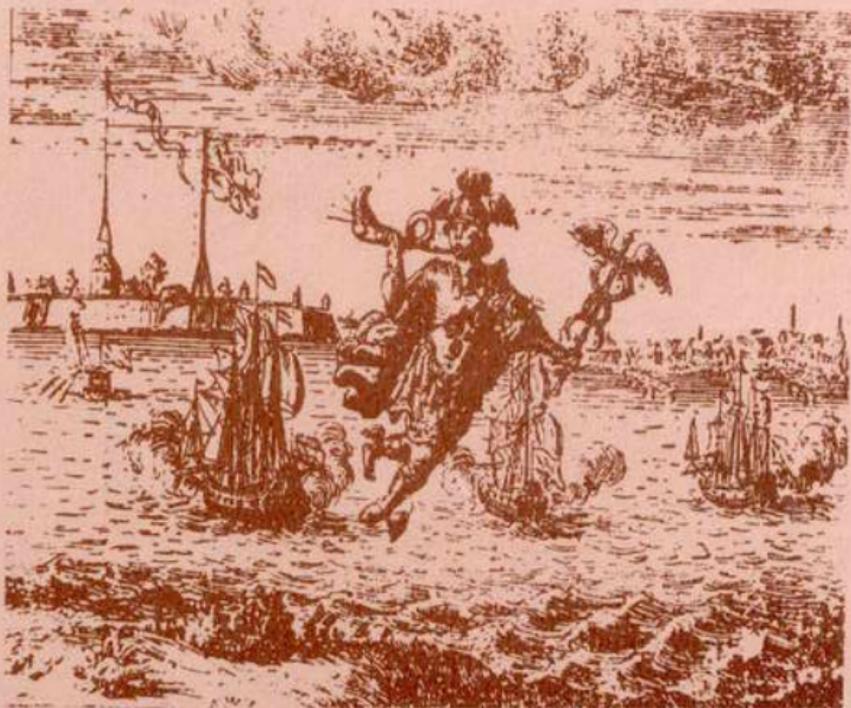

В. Н. Захаров

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ
КУПЦЫ В РОССИИ.
ЭПОХА ПЕТРА I**

Издание

осуществлено при финансовой поддержке

*Российского гуманитарного научного фонда**(РГНФ)*

проект № 96-01-16063

Захаров В.Н.З 38 **Западноевропейские купцы в России. Эпоха****Петра I.** — М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. — 346 с., ил.

В монографии рассматривается деятельность западноевропейских (английских, голландских, немецких, датских и пр.) купцов в России в условиях преобразований Петра I, сопровождавшихся значительным расширением контактов со странами Западной Европы. Приводятся данные о численности, национальном составе иностранного купечества. На основании массовых архивных источников исследуются торговые и кредитные операции западноевропейских купцов, их связи с российским и зарубежным купечеством. Выявляется роль иностранных купцов в преобразованиях Петра I, рассматриваются поставки ими по заказам правительства оружия, военного снаряжения, денежного металла, различного оборудования, книг, предметов роскоши.

Книга предназначена для специалистов-историков, преподавателей, студентов.

ISBN 5-86004-056-3

© "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996.

© Захаров В.Н., 1996.

Введение

Правление Петра I вошло в историю России как эпоха грандиозных преобразований. Они сопровождались резким расширением всевозможных контактов со странами Западной Европы, что характерно для проведения реформ в России и в иные исторические периоды. По воле великого реформатора Россия решительно порывала с изоляцией, в той или иной мере сохранявшейся в XVII в., поворачивалась лицом к Европе. Были широко открыты двери для зарубежных специалистов: ученых, мастеров, военных, а также — для иностранных коммерсантов. Петр I стремился сделать все возможное для облегчения и расширения торгово-экономических контактов на Западе: строились дороги и каналы, гавани и верфи, более двадцати лет Россия вела тяжелую войну со Швецией, чтобы пробиться к Балтийскому морю, выйти на удобные коммуникации со странами Западной Европы. Ценой огромных усилий и жертв эта цель была достигнута. На берегах Балтики строилась новая столица, которая должна была стать и главным внешнеторговым портом, где Петр I же-

лал видеть корабли многих наций. «Все флаги и гости будут к нам» — так великий поэт сказал о мечте царя-преобразователя. И эта мечта была созвучна одной из основных задач его реформ: преодолеть отсталость страны, используя зарубежный опыт, расширяя контакты с западноевропейскими странами.

Так в эпоху Петра I, как никогда ранее, активизировалось проникновение в Россию иностранного торгового капитала, существенно расширилась деятельность на русском рынке купцов из стран Западной Европы. Каковы же были результаты этой деятельности, как протекала она в условиях реформ, какое имела значение в развитии внутренней и внешней торговли России — обо всем этом пойдет речь в данной книге.

Конечно, о Петре I, его преобразованиях, а также о российской торговле, внутренней и внешней, написаны многие книги и статьи. Их авторы не раз касались различных аспектов, а иногда и отдельных сюжетов деятельности торговых иноземцев. Выказано немало интересных мыслей, наблюдений в отношении их деятельности в России, актуальных и ныне. Еще в конце XVIII в. М.Д.Чулков, первопроходец в изучении истории российской коммерции, в своем многотомном труде обобщил обширный, главным образом законодательный, материал, высоко оценил заслуги Петра I в развитии внешней торговли России¹. Его современник, потомственный архангелогородский купец В.В.Крестинин стоял у истоков изучения истории Русского Севера. Его родной город был ос-

новным центром деятельности западноевропейских купцов в России и до Петра I, и в течение почти всего его царствования. В своих сочинениях В.В.Крестинин приводит разнообразные сведения о торговых иноземцах в Архангельске, основанные на обнаруженных им архивных документах, говорит об активных контактах казны, правительства, самого Петра I с иностранными купцами².

Столетие спустя К.Лодыженский рассмотрел историю русского таможенного тарифа, подчеркнул протекционистские и меркантилистские тенденции во внешней торговле Петра I³. В XIX в. берет начало отечественное «иноземноведение» — если так можно назвать изучение историками жизни и деятельности иностранцев в России. Еще в первой половине XIX в. И.Гамель обобщил известные сведения об англичанах в Московском государстве. Крупный вклад в разработку этой темы внесли Д.В.Цветаев, изучавший жизнь в России выходцев из Западной Европы, преимущественно протестантского вероисповедания, а также А.С.Мулюкин, который подробно рассмотрел правовое положение иностранных купцов в России. Однако эти работы посвящены в основном допетровской эпохе⁴.

В целом ряде обобщающих трудов по истории торговли говорится о соперничестве крупных русских купцов и западноевропейских коммерсантов за преобладание на внутреннем русском рынке, о засилье торговых иноземцев во внешней торговле России. Об этом подробно пишут Н.И.Костомаров, П.П.Мельгунов, И.М.Кулишер, С.Ф.Огород-

ников⁵. Так, им удалось отметить, что к началу XVIII в. внутренний рынок был большей частью уже в руках русских купцов. Вместе с тем, известный исследователь истории Архангельска С.Ф.Огородников подчеркивает, что в начале XVIII в. иноземцы пользовались покровительством Петра I, захватили в свои руки торговлю ценными продуктами русского экспорта. В начале XX в. появляются и специальные исследования, посвященные западноевропейским купцам в России. И.Н.Любименко обстоятельно изучила деятельность английских купцов в России, их конкуренцию с голландцами в течение XVI-XVII вв.; из ее работ мы узнаем о соотношении сил на русском рынке, во внешней торговле России с западноевропейскими странами к началу петровских преобразований⁶. П.А.Остроухов рассмотрел англо-русский торговый договор 1734 г., т.е. сосредоточился уже на событиях после Петра I⁷. Но мало кто из авторов, писавших в конце XIX — начале XX в., широко использовал архивные материалы, массовые данные о торговых операциях иностранных купцов. Многие их оценки являются скорее предположениями, чем вполне обоснованными выводами.

В последние десятилетия историки обратились к архивным фондам. Изучены целые комплексы массовых источников, поставлены и решены многие вопросы внешней торговли России со странами Западной Европы в начале XVIII в. Наибольшее значение имеют работы С.М.Троицкого, И.П.Шаскольского, Г.А.Некрасова, Р.И.Козинцевой, Э.Д.Рухмановой, Х.Пиримяэ, Н.Н.Репина и др. ими рассмотрены

отдельные вопросы политики России в сфере внешней торговли, динамика экспорта и импорта во взаимосвязи с развитием отечественной экономики, участие русских купцов и казны во внешне-торговых связях, торговля в отдельных портах и на отдельных направлениях и т.д.⁸

В работах А.В.Демкина приводится разнообразный интересный материал о торговле западноевропейских купцов в России в XVII в. Его данные за последние десятилетия XVII в. важны и для изучения торговли иностранцев в петровскую эпоху⁹.

Немало сделано и в зарубежной историографии. Книги и статьи иностранных авторов по истории внешней торговли крайне разнообразны по тематическим, географическим, хронологическим рамкам исследования, его задачам и методам. Есть обстоятельные, скрупулезные, основанные на архивных данных исследования конкретных сюжетов. Например, книга американского историка Д.Прайса о деятельности в России английской табачной компании¹⁰. Немецкий историк Э.Амбургер тщательно исследует происхождение, деятельность в России, родственные и деловые связи многих коммерсантов, промышленников западноевропейского происхождения, оказавшихся в России в XVI-XX вв.¹¹ Таких авторов, как Г.Келленбенц, С.-Э.Острем, А.Аттман, больше интересуют общие тенденции в развитии мировой торговли и европейского рынка. Для нас важны их выводы о месте России в системе торговых взаимоотношений в Европе, значении балтийского и северного торговых путей, изменениях в ориентации торговли ведущих держав в этом ре-

гione¹². В серии исследований А.Кагана рассматриваются общие тенденции в эволюции внешней торговли самой России, но во взаимосвязи с развитием экономики ведущих европейских стран¹³. Хронологические и тематические рамки работ такого рода достаточно широки, они основаны главным образом на исследованиях других авторов, посвященных более конкретным вопросам.

В ряде крупных работ рассматривается история торговли отдельных европейских стран, их контакты с Россией. Классическим и донные во многих отношениях непрезойденным является четырехтомный труд голландского историка Я.Схелтмы о русско-голландских связях, созданный еще в начале XIX в.¹⁴ Д.Герхард и Д.Ридинг в 30-е гг. нашего столетия выступили с обширными работами по истории русско-английской торговли. Они указали на особую заинтересованность Англии в русском рынке, поскольку оттуда поступали исключительно важные для этой морской державы «корабельные материалы», отметили факторы, способствовавшие усилению позиций англичан в России: использование кредита, комиссионной торговли и т.д. Однако эти книги посвящены в основном середине и второй половине XVIII в.¹⁵ Обстоятельно изучила торговлю Любека, одного из ведущих портов Северной Германии, его связи с российским рынком Э.Хардер-Герсдорф. Большой интерес представляет ее исследование о торговле русской юфтью через Гамбург и Любек во второй половине XVII — начале XVIII вв.¹⁶ Грандиозный труд предпринял Д.Кнопере — он обработал с помощью ЭВМ дан-

ные о тысячах рейсов торговых кораблей между Голландией и Россией со времен Петра I до Александра I¹⁷. Автор преднамеренно отказался от изучения таможенных документов, так как из-за коррупции чиновников, контрабанды они не дают полной и точной картины внешнеторгового оборота. С этим трудно спорить, однако и нельзя в полной мере оправдать подобный нигилизм в отношении использования данных таможен. Все же они содержат массовые данные об участниках сделок, номенклатуре товаров и незаменимы при изучении качественной стороны внешней торговли. Другое дело, что при выявлении общих тенденций, использовании суммарных данных необходимо иметь в виду, что какая-то часть товаров прошла мимо таможни.

Всесторонне изучил движение торговых судов между Архангельском и Амстердамом в первом десятилетии XVIII в. исследователь из Нидерландов П. де Бук. На основании архивных данных о страховании кораблей он выявил имена многих судовладельцев и торговых людей Амстердама, поддерживавших регулярные связи с Архангельском¹⁸.

Из зарубежных работ, специально посвященных жизни и деятельности иностранных купцов в России, необходимо отметить исследования голландского автора Я.В.Велувенкампа. На основании документов из архивов Нидерландов, а также России (в первую очередь — Государственного архива Архангельской области) исследователь дает конкретную картину торговли в России отдельных купцов и торговых семейств, прослеживает родственные и

деловые связи, изучает условия жизни и деятельности общины голландских купцов в Архангельске, Петербурге¹⁹.

Во многих книгах и статьях зарубежных авторов мы встречаем различные оценки деятельности торговых иноземцев в России в XVIII в. Если отечественные исследователи нередко пишут о засилье иноземцев во внешней торговле России, привилегиях, которые они получили при Петре I, некоторые иностранные авторы, напротив, подчеркивают исключительные трудности, с которыми сталкивались западноевропейские купцы на русском рынке — это и отсутствие надежных торговых партнеров (часто приходилось иметь дело не с обычным купцом, а с государством или его агентами), и неустойчивость рыночной конъюнктуры, взяточничество и произвол властей и т.д. По мнению В.Кирхнера, западный коммерсант, решившийся действовать в России, должен быть не столько обычным предпринимателем, сколько «авантюристом», искателем приключений²⁰.

Таким образом, многие вопросы, связанные с торговлей иноземцев в России, уже поставлены, но решены далеко не полностью, встречаются противоречивые оценки и суждения, некоторые выводы нуждаются в дополнительном обосновании. Очевидно, что для исчерпывающего ответа на эти вопросы необходимо изучение и обобщение множества сведений о сделках иностранных купцов на русском рынке во всех сферах деятельности, в различных регионах и пунктах, со многими партнерами. Сведения такого рода хранятся глав-

ным образом в архивах. В основном это фонды учреждений, ведавших торговлей, финансами, снабжением армии и флота, внешней политикой: Коммерц-коллегии, Камер-коллегии, Юстиц-коллегии, Ближней канцелярии, Оружейной палаты, Военной коллегии, Адмиралтейц-коллегии, Приказа артиллерии, Сената, Посольского приказа и т.д. Весьма важна и документация местных властей городов, которые являлись центрами торговли западноевропейских купцов в России. В первую очередь это сохранившиеся документы Архангелогородской губернской канцелярии, основной массив которых за первую четверть XVIII в. находится ныне в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории.

Особую ценность представляют как раз те материалы, где отражены сотни конкретных операций западноевропейских купцов. Это таможенные документы, где фиксировались сделки по купле-продаже товаров с указанием их наименования, количества, цены и стоимости, имен продавца и покупателя, причитающихся пошлин. В нашем распоряжении счетные выписи Архангелогородской 21 таможни за 1710 г. и аналогичные документы той же таможни за 1725-1726 гг. Это заемные и товарные книги крепостных контор, где регистрировались операции по выдаче в долг денежных сумм и товаров с обозначением участников сделки, ее условий и гарантий; а также подрядные книги, где записывались подряды на поставку или перевоз товаров. Мы располагаем крепостными книгами по Москве за 1701-1703 и 1714-1725 гг. и по

Санкт-Петербургу за 1717-1725 гг. Это многочисленные записи о поставках иностранными купцами всевозможных товаров в казну, сохранившиеся в фондах центральных учреждений за весь период правления Петра I. Массовые данные этих источников легко поддаются систематизации, могут суммироваться, сводиться в таблицы, из чего можно делать выводы об основных тенденциях в развитии торговли иностранных купцов в России при Петре I.

Есть немало дел, посвященных торговле отдельных иноземцев, рассмотрению их просьб, жалоб, исков по невозврату долгов; большей частью они сохранились в фондах Сената, Коммерц-коллегии, Посольского приказа, здесь же рассматривались и общие вопросы деятельности иностранных коммерсантов. Все это дает разнообразную информацию об условиях и организации торговли западноевропейских купцов, их связях на внутреннем рынке и за рубежом, об их коммерческой биографии, о политике властей по отношению к торговым иноземцам. Большой интерес представляют и такие источники, как записные книги торговых кораблей, прибывавших из-за моря; книги Печатного приказа, где регистрировались грамоты на разного рода привилегии, полученные торговыми иноземцами; записи об использовании палат и амбаров на гостиных дворах.

Однако при работе с этими материалами исследователь сталкивается с существенными трудностями. Основные массовые источники сохранились далеко не полностью. Это видно и из приве-

денного выше их перечня: практически нет таможенных документов по Петербургу (за исключением одной-двух случайно сохранившихся выписей), нет крепостных книг по Архангельску. Это весьма ограничивает возможности изучения торговли иноземцев в Петербурге в начальный период его истории, развития кредита в Архангельске, который до начала 1720-х гг. являлся основным центром деятельности западноевропейских купцов в России. Многие дела не завершены, сведения о торговых иноземцах расплывлены и рассредоточены по десяткам архивных фондов, зачастую носят отрывочный, фрагментарный характер. Наконец, в нашем распоряжении крайне мало документов самих иностранных торговых компаний и фирм, которые наиболее адекватно раскрывают их деятельность. В отечественных архивах фрагменты такой документации (счета, векселя, накладные, деловые письма, выписки из бухгалтерских книг и т.п.) лишь изредка встречаются в составе делопроизводства государственных учреждений.

Известные проблемы возникают и при идентификации тех или иных торговых иноземцев. Многие из них названы в соответствии с русской традицией с указанием имени, «отчества» и фамилии. Например, «Христофор Игнатьев сын Брант» или «Андрей Рыцарев сын Стельс». При этом фамилии иногда опускаются, иногда искажаются и в разных источниках пишутся по-разному. Например, английский купец Даниил Калер именуется то Калер, то Карел, то Вакалер. Подлинные имена и фамилии иноземцев в их иностранной транскрипции

известны далеко не всегда. Мы приводим фамилии иностранных купцов в транскрипции, принятой в большинстве русских источников. Именно с этими фамилиями многие из них вошли в российскую историю. Также в соответствии с русскими источниками воспроизводятся здесь и имена иноземцев, которые могут совпадать с их подлинными иностранными именами, а часто лишь соответствуют или созвучны им.

Таким образом, трудности в работе с архивными документами, имеющиеся проблемы преодолеваются на основе комплексного подхода к их изучению. Суммируя и обобщая данные сотен дошедших до нас дел из более чем сорока фондов пяти архивов Москвы и Санкт-Петербурга, дополняя недостающие или отрывочные сведения каких-либо документов аналогичными данными из других дел и фондов, привлекая и опубликованные источники (законы, указы, донесения иностранных дипломатов и др.) — мы все же надеемся получить достаточно объективную картину торговой деятельности западноевропейских купцов в России во всем ее многообразии.

Сначала, видимо, следует установить, сколько всего было торговых иноземцев в России, какие страны они представляли, как менялась их численность в течение первой четверти XVIII в. При этом следует сказать и о их связях со своей родиной, различными регионами европейского и мирового рынка, и, напротив, о степени вовлеченности их в жизнь русского общества, влиянии процессов ассимиляции.

Весьма важно рассмотреть политику правительства по отношению к иностранным купцам, организацию и условия их торговли, реальные трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, выяснить, насколько «рискованной» была для иностранцев их коммерческая деятельность в России.

В нескольких главах данной книги мы намереемся обобщить сведения о торговле иноземцев в порубежных портах и во внутренних городах и уездах, установить ассортимент товаров в их обороте, рассмотреть основные типы коммерческих, кредитных, подрядных сделок западноевропейских купцов с их партнерами в России. Вопрос о взаимоотношениях русского и западноевропейского купечества исключительно интересен, ведь в данном случае речь идет о взаимодействии различных по уровню и характеру развития торгово-экономических миров. К началу XVIII в. торговые компании и фирмы ведущих стран Западной Европы уже в полной мере пользовались плодами великих географических открытий, имели фактории во всех регионах земного шара. Их могущество основывалось не только на мощи армий и флотов их стран, а в первую очередь — на силе их капиталов, тесных связях с прогрессирующей капиталистической промышленностью ряда стран, определялось передовыми для того времени формами организации коммерческой деятельности (банковский кредит, акционерные общества и т.п.). О развитии в России подобных форм капиталистической промышленности и торговли говорить еще не приходится. Конечно, русские купцы в ту эпоху вели достаточ-

но обширную торговлю, осваивали обширный российский рынок, проникали со своими товарами вглубь Евразии, но их практически не было в странах Западной Европы, тем более — на заокеанских рынках. Таким образом, именно российский рынок был главной ареной взаимодействия иностранного торгового капитала, опиравшегося на всю мощь экономики передовых стран Европы, с российским купеческим миром, оставшемся во многом еще в традиционных рамках. Каковы были результаты этого столкновения или взаимодействия? Как повлияло оно на формы и методы деятельности отечественных и зарубежных коммерсантов? Каково было соотношение сил тех и других во внутренней и внешней торговле? Какие способы использовались торговыми иноземцами для проникновения на российский рынок? Мы надеемся в той или иной мере осветить эти актуальные и ныне вопросы.

Хорошо известна активная роль государства в экономической жизни России. Это весьма характерно и для эпохи Петра I. В его правление существенно усиливаются позиции государства как субъекта экономической, торговой деятельности, поэтому оно было крупным деловым партнером иностранных купцов. В связи с этим нам предстоит рассмотреть и контакты западноевропейских коммерсантов с государственной казной, выявить их роль в финансовой деятельности правительства, в поставках различных материалов на нужды армии и флота, двора и самого царя. Это позволит поставить вопрос и о значении деятельности за-

падноевропейских купцов в преобразованиях Петра I в целом.

Таким образом, мы надеемся рассмотреть деятельность западноевропейских купцов в России в условиях ее активизации в связи с преобразованиями Петра I, выявить характерные ее черты, которые в данных условиях проявились наиболее ярко. Очевидно, что эти черты наиболее характерны и для иных эпох в истории российско-западноевропейских экономических контактов, которые всегда активизируются, когда приходит период очередных реформ в истории России.

Хронологическими рамками данного очерка является период преобразований Петра I, т.е. 90-е гг. XVII в. и вся первая четверть XVIII в. Географические рамки — прежде всего территория России начала XVIII в., те города и уезды, где фиксируется деятельность купцов из стран Западной Европы. По возможности, мы коснемся и их связей на зарубежном рынке. Нас интересуют в первую очередь представители ведущих в мировой торговле стран. К началу XVIII в. — это Англия, Голландия, Франция. Заметная роль в международной торговле принадлежала и купцам различных городов Германии и Италии. Для России были важны контакты с соседними Скандинавскими странами, с купечеством Восточной Прибалтики. Генуэзцы и датчане, гамбургцы и баварцы, а также жители Данцига, Ревеля, Нарвы, несмотря на существенные различия в экономическом развитии своих стран, уровне торговой активности в различных регионах мирового рынка, были тесно связаны с

Западноевропейское купечество в России:

численность, национальный состав,
ассимиляция, побочные виды
деятельности

торговым и промышленным капиталом Западной Европы, обеспечивая связи России с европейским рынком, широко использовали распространенные там формы организации коммерческой деятельности. Поэтому купцы всех стран от Балтики до Атлантики, оказавшиеся в России, представляли здесь западноевропейский торговый мир, их деятельность и станет предметом нашего изучения.

Эта книга выходит в свет при поддержке Российского гуманитарного фонда, которому автор выражает глубокую благодарность.

За неоценимую помощь в работе над данной монографией автор сердечно благодарит своего наставника проф. Н.Б.Голикову, своих коллег проф. Н.В.Козлову, проф. Н.Н.Репина, доц. В.А.Ковригину, доц. П.А.Кротова, историков из Архангельского филиала Русского географического общества, коллег по кафедре отечественной истории Московского педагогического университета. Никогда не забудет автор поддержки и помощи, оказанной доц. В.Р.Тарловской, проф. И.П.Шаскольским, доктором исторических наук А.И.Юхтом.

Особо признателен автор доктору исторических наук Ю.Н.Беспятым, который взял на себя труд познакомиться с рукописью до ее публикации, высказал ряд ценных советов и замечаний.

Купцы из стран Западной Европы составляли в России весьма многочисленную группу как среди иноземного купечества, так и среди всех иностранцев вообще. Совершенно очевидно, что в эпоху Петра I их количество существенно увеличилось по сравнению с XVII и тем более с XVI в. Сколько их было? С абсолютной точностью ответить на этот вопрос нельзя. Систематического учета торгующих в России иноземцев в начале XVIII в. не велось. Известно лишь, что в 1719 г. Коммерц-коллегия распорядилась представить из разных городов сведения о торгующих там иностранных купцах. Из Архангельска поступил полный список торговых иноземцев с подробнейшим перечнем купленных ими товаров, из Петербурга прислали только перечень купцов, из Москвы никаких сведений так и не пришло, несмотря на неоднократные напоминания из Коммерц-коллегии¹. Несколько списков торговых иноземцев приводятся в разного рода публикациях и исследованиях. В.В.Крестинин в статье о казенных торгах XVIII в. приводит перечень иностранных купцов, торговав-

ших в Архангельске в 1693 г.; в «Записках» Ю.Юля и в исследовании Я.Схелтемы содержатся сведения о договорах с участием торгующих в России голландских и гамбургских купцов 1708 и 1724 гг., перечислены лица, их подписавшие². Но ни один из этих списков не является полным. В других источниках за те же годы встречаются имена купцов, в данные списки не попавшие. Кроме того, необходимо выявить иностранцев, торговавших в России и в иные годы. Для этого необходимо привлечь все сохранившиеся за период Петра I массовые архивные источники, где могли отразиться их торговые и кредитные операции.

В результате просмотра существующих таможенных документов, записных книг крепостных контор по Москве и Петербургу, различных материалов из делопроизводства Посольского приказа, Оружейной палаты, Сената, Коммерц- и Камер-коллегией, других ведомств удалось выявить имена 540 купцов западноевропейского происхождения. В их число входят и 15 женщин, которые после смерти своих мужей продолжили их торговые дела. (См. приложение 1). Конечно, и эта цифра не является исчерпывающей — ведь какие-то имена могли и не попасть на страницы сохранившихся источников, многие массовые источники, как уже отмечалось, не сохранились. Так, явно недостает информации о торговле иностранцев в Петербурге в начале 20-х гг. XVIII в. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют вполне определенно судить о численности и национальном составе находившихся в России западноевропейских купцов.

540 — это общее количество торговых иноземцев, деятельность которых отмечается в России с 1693 по 1726 гг. Крайние даты здесь не случайны — 1693 г. датирован уже упоминавшийся список В.В.Крестинина, а в 1726 г. в Коммерц-коллегию поступили подробные сведения из Петербургской таможи о торговле иностранцев на берегах Невы. Одновременно на русском рынке находилось от 50 до 100 и более западноевропейских купцов. Их численность неуклонно возрастает в течение царствования Петра I. В 1693-1700 гг. зафиксировано всего 57 имен, в 1701-1705 гг. — 105, в 1706-1710 гг. — 167, в 1711-1715 — 162, в 1716-1720 — 184, в 1720-1726 гг. — 183. Рост численности торгующих в России иноземцев явился результатом политики правительства Петра I, направленной на резкое расширение внешнеторговых связей страны с европейским рынком. Уже Великое посольство 1697-1698 гг. способствовало привлечению иностранных купцов в Россию, недаром их численность в первые годы XVIII в. практически удвоилась по сравнению с 90-ми годами XVII в. В дальнейшем неоднократно издаются указы о привлечении в страну иностранных купцов. Большое значение имел Манифест от 16 апреля 1702 г. В нем говорилось о свободном доступе в Россию иностранцев: военных, мастеров, других специалистов, а также купцов. Правительство заявляло о своей готовности «учинить»... соответствующие «приказания, распоряжения и учреждения... к споспешествованию торговли с иноземцами»³. Вместе с тем всемерно поощрялась деятельность русских купцов, достав-

лявших к портам экспортные товары, ширилась внешнеторговая деятельность казны, с момента выхода на Балтику Россия стремится развить свою балтийскую торговлю. В эпоху Петра I не делалось предпочтения купцам какой-либо одной страны перед прочими. Уже не существовало льгот, предоставленных купцам той или иной нации или торговой компании, как это имело место в XVI-XVII вв. Петр I искренне стремился к расширению внешнеторговых связей со всеми западноевропейскими странами и желал видеть в России флаги торговых кораблей всех государств.

Однако на самом деле представительство различных национальных групп западноевропейского купечества в России было далеко не равномерным. Оно зависело от уровня экономического развития, мощи торгового и военного флота той или иной державы, ее заинтересованности в русском рынке, а также давности и прочности торговых контактов в этом регионе. Большое влияние оказывали международная обстановка, внешняя, также внутренняя политика самого российского правительства.

Подавляющее большинство среди торгующих в России западноевропейских купцов составляли представители всего трех стран: Англии, Голландии, Германии. В общей сложности их насчитывается примерно 400 человек — 75% всех западноевропейских купцов, торговавших в России при Петре I. Эти страны являлись традиционными и основными торговыми партнерами России на европейском рынке, связи с которыми имеют давнюю историю. Достаточно сказать о древних торговых

контактах Новгорода, Смоленска, других русских городов с немецкими портами на Балтике, в XIII в. объединившимися в Ганзейский союз. В середине XVI в. возникли непосредственные торговые связи с Англией. Это произошло несколько случайно. В 1553 г. из Англии отправилась экспедиция в составе трех кораблей во главе с Х.Уиллоби, которая намеревалась пройти вдоль северного берега Европы и далее на восток, чтобы отыскать новый путь в Китай и Индию. Но отважным мореплавателям не удалось достигнуть своей цели. Видимо, они и не представляли себе в полной мере, насколько сложна их задача. Уже в Баренцевом море мощная буря разметала корабли. Два из них пристали к берегу Кольского полуострова в районе Нокуевской губы. Их экипажи, отчаявшись из-за непогоды пройти дальше на восток, решили зимовать здесь. Но английские моряки совершенно не были готовы к суровым условиям полярной зимы в безлюдной тундре и все погибли. Лишь один корабль добрался до Неноксы, что на южном берегу Белого моря, недалеко от устья Северной Двины. От местных жителей моряки узнали, что они находятся во владениях Московского государства. Группа англичан во главе с Р.Ченслером, капитаном корабля, составила своего рода посольство, которое направилось в Москву и было принято Иваном Грозным⁴. Это положило начало дипломатическим и торговым контактам между обеими странами. Практически был открыт и новый морской торговый путь из Западной Европы в Россию — через Баренцево и Белое моря. В начале 80-х гг.

XVI в. в устье Северной Двины был основан Архангельск, надолго ставший главным внешнеторговым портом страны. Открывшие этот путь англичане получили от Ивана Грозного привилегии на торговлю в России, которыми пользовалась основанная в Англии в XVI в. торговая компания, называемая обычно «Русской компанией». У себя в стране эта компания получила монопольное право на торговлю с Россией.

Привилегии, данные англичанам Иваном Грозным, подтверждались и Борисом Годуновым, и Михаилом Федоровичем. «Русская компания» имела право вести беспощинную торговлю на всей территории страны, устраивать свои гостиные дворы в Архангельске, Москве, Вологде, других торговых центрах. Основными конкурентами английских купцов в России, как и во многих других регионах земного шара, были голландцы. Со второй половины XVI в. они также активно используют северный торговый путь через Белое море и Архангельск. Активно торгуют они и на Кольском полуострове, проникают во внутренние города страны, хорошо известны на московском рынке⁵. Однако голландцы не имели тех льгот, что принадлежали английской «Русской компании», платили пошлины, как и прочие иноземцы. Все их попытки либо добиться привилегий для себя, либо лишить англичан их преимуществ долгое время не имели успеха.

Но в середине XVII в. ситуация меняется. В 1649 г. царь Алексей Михайлович издает указ о лишении английских купцов всех привилегий и вы-

сылке их из внутренних городов страны. В это время в Россию пришло известие о казни в Англии короля Карла I. И именно за то, «...что англичане всею землей учинили большое злое дело, Государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое в Московском государстве вам быть не довелось», — говорится в указе⁶. Но очевидно, что не только чувство монархической солидарности Алексея Михайловича было главной причиной изгнания англичан. Царь воспользовался этими событиями как поводом, чтобы наконец-то пойти навстречу многочисленным просьбам русских купцов, жаловавшихся на засилье англичан в русской торговле, их злоупотребления. О жалобах одних и злоупотреблениях других также подробно говорится в указе 1649 г. В условиях резкого обострения внутривластной обстановки в стране правительство нуждалось в поддержке торговой верхушки. Этот курс на поддержку крупных русских купцов продолжался и в дальнейшем. В 1667 г. был издан Новоторговый устав, в соответствии с которым иностранным купцам, в том числе и англичанам, разрешалось торговать только в порубежных портах, на внутренний рынок они могли попадать только по специальным жалованным грамотам.

Все это привело к резкому сокращению деятельности английской «Русской компании», ее упадку. Она никак не могла приспособиться к торговле без привилегий, на равных с прочими иностранцами условиях. Число членов компании неуклонно сокращалось. Деградировала и ее организационная форма. Из акционерного (joint-stock) об-

щества она превратилась в закрытую компанию старого типа, где каждый торговал на собственный счет. У себя в стране компания по-прежнему сохранила монопольное право на торговлю в России. Пользуясь им, ее члены ни шатко, ни валко продолжали вести торговые операции в Архангельске. Кроме того, монополия компании распространялась и на торговлю с Россией через Нарву. Те из англичан, которые хотели торговать здесь, должны были купить в компании лицензию за изрядную сумму. Продажа лицензий составляла существенный доход компании, благодаря этому связь с русским рынком устанавливали купцы-«аутсайдеры», т.е. не входившие в число членов компании⁷.

Упадком английской «Русской компании» немедленно воспользовались голландские купцы. Они имели большой опыт торговли в России без особых привилегий и льгот, некоторые из них сумели добыть лично для себя разрешение торговать на внутреннем рынке. Увеличилось число голландских купцов среди населения московской Немецкой слободы, некоторые из них, постоянно поселившись здесь, принимали русское подданство. Активизации деятельности голландцев на русском рынке способствовали в целом неплохие отношения, установившиеся между правительством в Гааге и московским двором, который был весьма заинтересован в доставке из-за моря многих необходимых товаров, с чем лучше всех справлялись голландские купцы, прекрасно знавшие европейский и мировой рынки. В результате во второй половине XVII в. голландцы добились преобладания над

англичанами в их конкурентной борьбе за русский рынок. Голландские купцы имели здесь и численное превосходство, которое им удалось сохранить и в эпоху Петра I.

Но общая ситуация на русском рынке вновь начала меняться уже к концу XVII в. Английская торговля и промышленность, преодолев все смуты и революции XVII в., вышла из них окрепшей и еще более сильной. Уже в 70-е гг. было нанесено военное поражение Голландии, началось ее отступление перед английскими конкурентами в ряде важных регионов мирового рынка. Англичане неуклонно следовали принципам Навигационного акта, изданного еще Кромвелем, в соответствии с которым товары в Англию могли доставляться только на английских судах или судах тех стран, откуда товары получены. Голландские купцы лишались выгодного посредничества в торговле Англии и третьих стран. Общее соотношение сил к началу решающей схватки за русский рынок было явно не в пользу голландцев. На рубеже XVII и XVIII столетий англичане предприняли энергичные меры для восстановления своего былого влияния на русском рынке. Этому способствовала и международная обстановка, вступление Англии в войну за испанское наследство. Так как флот составлял основу военного могущества Англии, начало войны резко обострило ее потребности в материалах для строительства и оснащения кораблей (лес, пенька, смола, парусина и т.д.). Ранее значительная часть корабельных материалов поступала из Швеции, которая в этой войне оказалась на сторо-

не противников Англии. Так же осложнились торговые контакты с принадлежавшими Швеции портами Восточной Прибалтики, куда пенька, лен поступали из внутренних районов Прибалтики и Польши. Попытки наладить производство пеньки в североамериканских колониях не увенчались успехом⁸. В связи с этим резко повысилась заинтересованность Англии в русском рынке, который мог поставлять корабельные материалы в изобилии. Под воздействием наиболее влиятельных торгово-промышленных кругов страны усиливается борьба за ликвидацию монополии «Русской компании». Несмотря на отчаянное сопротивление компании, парламент в 1699 г. принял билль о ее реорганизации в открытое общество, членом которого мог стать каждый, заплативший взнос в 5 фунтов стерлингов⁹. Это открывало путь на русский рынок всем желающим и имеющим соответствующие возможности. Возникают новые объединения торговцев, например, табачная компания, о которой подробный рассказ впереди. Так «Русская компания» из узкой группы привилегированных купцов превратилась в своего рода «крышу», под которой объединились многие фирмы, акционерные общества, устремившиеся на русский рынок. Интересно, что Петр I не питал особых симпатий к старой компании и в письме к королю Вильгельму III приветствовал ее реорганизацию¹⁰.

Это привело к резкому увеличению количества английских купцов в России. Они вновь стали влиятельнейшей, хотя и не самой большой по численности, группировкой иноземного купечества.

Всего в период правления Петра I в источниках отмечается деятельность в России 92 английских купцов. Среди них можно отметить Осипа и Филиппа Вульфов — представителей одной из старейших в то время торговых семей в Англии на русском рынке, которые торговали еще в XVII в. в Нарве. Хорошо известна и фамилия Менварингов: Роман Менваринг появляется в России в начале XVIII в., его торговые операции продолжают здесь около 20 лет, деятельность его сына Родиона отмечается вплоть до начала 30-х гг. XVIII в. Но наиболее крупными масштабами торговли в эпоху Петра I отличались такие английские купцы, как Андрей Стейлс, входивший в близкое окружение молодого царя, Карл Гутфель — агент английской табачной компании, Андрей Блант, торговавший с 1697 по 1714 гг. в Архангельске, Москве и Нарве, Самойла Гарцын, который появился в России в 1708 г. и действовал здесь до своего разорения в 1719 г., Яков Spellman, чьи торговые операции отмечаются с 1704 по 1720 гг. в Архангельске, Нарве, Москве и Петербурге. В 20-е гг. XVIII в. по мере развития торговли Петербурга здесь обосновались английские купцы, ранее на русском рынке не известные: Богдан Веккель, Роберт Неттелтон, Гил Эванс, Иван Эдвардс, Вилим Элмсалл и др. Для этих купцов именно Петербург стал основным центром их торговых операций, в отличие от предыдущего поколения англичан в России, ориентировавшихся на Нарву, Архангельск.

Говоря об англичанах в Петербурге в петровскую эпоху, нельзя не упомянуть о прелюбопыт-

ном «Объявлении о Великобританском славном монастыре», опубликованном и прокомментированном С.Ф.Платоновым в 1926 г.¹¹ Оно датируется 1720 г., в нем идет речь о «сумасбродном братстве», пародии на монастырь, аналогичной «всешутейшему и всепьянейшему собору», знаменитой забаве Петра I и его окружения. В «братстве Великобританского монастыря» наряду со специалистами, учеными, в большинстве своем англичанами, немало и английских купцов, избравших местом своего пребывания Петербург. Так, С.Гарцын исполнял в «сумасбродном братстве» должность «архиепископа», Я.Гут — «епископа», Р.Неттелтон — «архимандрита». Здесь же значатся А.Ачкин («поп»), В.Лойд («архидьякон»), В.Вейд («протодьякон»), Я.Спеллман («оратор»), Д.Салман («инспектор»), И.Эдвардс и Г.Эванс («стряпчие»). Скромную должность «инатариуса» (нотариуса) занимал Яков Вульф. Он происходил из Риги, торговал в Петербурге, поддерживал тесные контакты с Англией и английскими купцами. Впоследствии он стал одним из крупнейших торговых иноземцев в России, активно сотрудничал с казной и правительством во времена Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В 1745 г. он получил должность консула Великобритании, а в 1748 г. удостоен титула барона Священной Римской империи¹². Так или иначе участие многих видных английских купцов в игре-пародии «Великобританского монастыря», о которой знал и в которой, наверняка, участвовал Петр I со своими приближенными, свидетельствует о большом влиянии англичан и английских купцов на берегах Невы к началу 20-х гг. XVIII в.

Однако голландские купцы так и не уступили численного превосходства англичанам. И в период правления Петра I они составляли самую многочисленную группировку иностранного купечества в России, в которой насчитывалось 172 человека. Примерно каждый третий западноевропейский купец в России являлся голландцем. Это было следствием того преобладания голландских купцов на русском рынке, которое они имели еще в XVII в. И в начале XVIII в. среди них мы видим представителей многих торговых семейств, действовавших в России еще в допетровскую эпоху. Настоящим патриархом среди торговых иноземцев можно считать голландца Адольфа Гутмана, который торговал в России более 50 лет и вернулся на родину в 1703 г. в 80-летнем возрасте¹³. В настоящее время на восточной окраине старой Вологды сохраняется небольшой аккуратный особняк, который показывают туристам как «домик Петра I». На самом деле хозяином этого дома был Адольф Гутман, гостем которого был и молодой царь Петр. Кроме Адольфа Гутмана, в конце XVII — начале XVIII вв. на русском рынке известны его братья Исаак, Авраам, а также сын Андрей, торговавший до 1719 г., его дело продолжила вдова Екатерина, чьи торговые операции прослеживаются до середины 20-х гг. Подобная семейственность весьма характерна для голландского купечества в России и в гораздо большей степени, чем для англичан. Можно отметить в этой связи братьев Авраама и Исаака Кинсиусов, Даниила и Анания Пелей, Павла и Ивана Тамесов. Также немало примеров, когда дело сво-

их отцов на русском рынке продолжают сыновья: Лаврентий Гарлант передал дело сыну Юрию, Владимир ван Гевер — Андрею, Кондратий Канигитер — Даниилу, Родион Мейер — Еремееу, Андрей Свелленгребел — Андрею Свелленгребелу «младшему», Степан Элеут — Степану Элеуту «младшему». Деятельность одного из известнейших иностранных купцов петровской эпохи Ивана Петрова Любса продолжал его племянник Иван Петров Любе — «младший». Говоря о семейственных связях торговавших в России голландцев, мы назвали уже почти всех крупных купцов этой страны. Необходимо добавить еще Даниила Артмана, одного из старейших голландских купцов, который вел обширные торговые операции во второй половине XVII в., а также Христофора Бранта, наряду с И.Любсом закупавшим всевозможные товары по заказу Петра I; хорошо известны на русском рынке и И.Герментузен, Е.Клюк, Н.Фаруфа и др. Интересно, что среди купцов Голландии не все были «природными» голландцами. Так, И.Любе происходил из Рейнланда (Германия), С.Вернизобр, вероятно, был выходцем из Франции. Штеттин (ныне Щецин) был родиной А.Свелленгребела и И.Табберта¹⁴. Портовые города Голландии, как центры мировой торговли, привлекали немало купцов из сопредельных стран. Кроме того, Голландия являлась практически единственным государством в Европе, где господствующей религией был кальвинизм. Это влекло сюда купцов-единоверцев, в том числе и французских гугенотов, возможно среди них был и С.Вернизобр или его предки.

Весьма многочисленным было в России немецкое купечество. Удалось выявить 138 имен купцов Германии, т.е. по численности они немного уступали голландцам. Однако Германия в то время была разделена на множество земель и княжеств, «вольных» имперских городов, которые не составляли не только политического, но и экономического единства. Поэтому можно говорить о представителе в России отдельных отрядов немецкого купечества. Наиболее влиятельными и многочисленными среди них были купцы Гамбурга. Когда-то ведущая роль в европейской торговле России принадлежала купцам Ганзейского союза, могущественного торгового объединения северо-германских городов с центром в Любеке, крупнейшем порту на Балтике. К началу нового времени ганзейская торговля приходит в упадок. Тяжелый урон несет она и в ходе разрушительной для Германии Тридцатилетней войны и установившейся к середине XVII в. гегемонии Швеции на Балтике. В связи с присоединением к шведским владениям Восточной Прибалтики усложнился доступ ганзейских городов на русский рынок кратчайшим путем через Балтийское море. Путь в Архангельск из этого моря был весьма далек, кроме того, он лежал через Зундский пролив, в котором взималась высокая пошлина в казну датского короля. Гамбург также издавна являлся одним из ведущих ганзейских городов, но его судьба была иной. Еще в 1618 г. Гамбург освободился от власти голштинских герцогов и датского короля и стал вольным имперским городом. Благодаря осторожной политике сво-

их правителей он избежал разрушительных последствий Тридцатилетней войны¹⁵. Расцвету торговли Гамбурга способствовало его выгодное географическое положение. Широкое устье Эльбы, в начале которого стоял город, вело в Северное море, откуда открывался практически свободный путь во все моря и океаны, в том числе и в обход Скандинавии — в Архангельск, ведущий порт России XVII — начала XVIII вв. В то же время вверх по Эльбе, которая как бы по диагонали пересекает большую часть Германии, можно было подняться до крупных торговых городов Саксонии, других регионов внутри страны. Так к концу XVII в. Гамбург стал крупнейшим портом Германии и вторым в континентальной Европе, уступая по товарообороту только Амстердаму¹⁶.

В России в начале XVIII в. гамбургцы среди немецких купцов составляли больше половины, а именно — 84 человека. «Семейственность» для них характерна почти в той же степени, что и для голландцев. Наиболее известна в начале XVIII в. семья Поппе. Матвей Поппе, чья деятельность отмечается в Архангельске еще в 90-е гг. XVII в., вскоре заслужил доверие Петра I, выполняя его поручения по доставке товаров в Россию и переводу денег за рубеж. После его смерти в 1711 г. на русском рынке продолжали действовать другие члены этого семейства: Иоганн, Лаврентий, Франц. В самом начале XVIII в. известны также отец и сын Фарьюсы (оба Иваны), отец и сын Шхунеманы (оба Андреи), Юрий Конов. К середине 10-х гг. XVIII в. на первые роли среди гамбургских купцов

выдвигаются Франц Гиз, Петр Конов (племянник Ю.Коновы), а также Франц Поппе (племянник М.Поппе).

Второе место после гамбургцев на русском рынке среди купцов Германии все же удерживали выходцы из Любека. Ганзейская столица в начале XVIII в. сохранила здесь около 10 своих представителей. Наибольшей активностью среди них отличаются Каспар и Тимофей Родде, Еремей Кизл. Из купцов прочих северо-германских городов можно отметить представителей Бремена братьев Ариста и Петра Мартисенов, торговавших в Архангельске в 1705-1719 гг. В таможенных документах бременские, а нередко и любекские купцы названы гамбургцами. Видимо, это объясняется стремлением таможенников упростить делопроизводство: выделив отдельно купцов английской и голландской «статей», выходцев из Северной Германии они объединяли в гамбургскую «статью». К концу первой четверти XVIII в. в России появляются торговцы и из многих других немецких земель. Так, в 1720-1726 гг. в Петербурге действуют 6 купцов из Пруссии (среди них наиболее активен Иоганн Пеллутье — видимо, выходец из французских гугенотов), а также 4 голштинца (в том числе купец из Киля Андрей Шлитор, торговавший в 1717-1724 гг.), 2 мекленбуржца — Марк Вент из Штральзунда и Якоб Рогенбау из Ростка, саксонец Иван Ток и Марк-Йозеф Тазер из Нюрнберга¹⁷. Большинство этих земель имели порты на Балтийском море, появление их купцов на русском рынке обусловлено завершением Северной войны,

крушением гегемонии Швеции на Балтике, развитием внешней торговли Петербурга, существенное влияние на развитие торговых контактов оказывали и крепнущие дипломатические и династические связи с этими землями, особенно с Пруссией, Голштинией, Мекленбургом. Известно, что племянница Петра I Екатерина Ивановна была замужем за герцогом Мекленбургским, свою дочь Анну Петр намеревался выдать за голштинского герцога, в Северной Германии искали жениха и для Елизаветы Петровны.

Весьма своеобразную группу немецкого купечества в России составляли так называемые «цесарской земли торговые иноземцы». Под ними подразумеваются, очевидно, жители различных городов Германии и Австрии, так или иначе находившихся в составе Священной Римской империи, во главе которой тогда стояли Габсбурги, по традиции называемые в России «цесарями». В источниках отмечена деятельность 28 купцов «цесарской земли». Но почти все они появлялись на русском рынке эпизодически и вели торговлю в незначительных масштабах.

Вопрос о немецком купечестве в России своеобразно связан и с представительством на русском рынке подданных Швеции. Дело в том, что шведские подданные среди торговых иноземцев были представлены в основном купцами-немцами из прибалтийских городов, входивших в состав Швеции до Северной войны: Нарвы, Ревеля, Дерпта, Выборга и др. Они активно действовали в России во второй половине и в конце XVII в., перепрода-

вая здесь товары, полученные в своих портах у английских и голландских купцов, и скупая русские товары для отправки на Запад. Купцы из собственно Швеции в Россию практически не приезжали¹⁸. Как только началась Северная война, оказавшиеся в России шведские подданные были интернированы, т.е. была ограничена свобода их передвижения, во всяком случае до окончания войны они не могли поехать на родину. Некоторые из них (А.Минтер, Т.Книппер, Я.Рейнгольд) продолжали заниматься кое-какой торговлей или иными операциями на внутреннем рынке. В 1708 г. вглубь России были выселены жители Нарвы и Дерпта, захваченных русскими войсками. Среди них было немало купцов, которые по возможности продолжали заниматься торговлей. Так, известна торговля в Вологде И.Ланга и С.Крапа, выселенных сюда из Дерпта. С.Крап занялся еще и судовым промыслом. В той же Вологде жили и торговали выходцы из Нарвы Н.Местьмакер и Каспар Кервидер, которые регулярно появлялись со своими товарами и в Архангельске. В Ярославле оказался Вилим Кетлевель, по происхождению англичанин. В начале Северной войны он жил и торговал в Нарве, затем был выселен оттуда вместе с нарвскими жителями. Находясь в Ярославле, он, как и «вологжане» Н.Местьмакер и К.Кервидер, вел довольно обширные торговые операции в Вологде и Архангельске¹⁹. Видимо, этим торговым иноземцам удалось сохранить свои связи с заморскими купцами и поддерживать их теперь уже через Белое море. Русское правительство рассматривало их как ино-

странных купцов, требуя повышенные пошлины. Лишь после нескольких настойчивых челябитных жителей Нарвы и Дерпта, высланных во внутренние города, с них стали взимать пошлины на тех же основаниях, что и с русских купцов²⁰. По окончании Северной войны Эстляндия и Лифляндия, а также Выборг вошли в состав России, здешние купцы стали российскими подданными. В большинстве случаев здешние города сохранили свои торговые и таможенные привилегии. Наиболее крупные купцы сохранили также торговые связи в Амстердаме и Лондоне, действовали в Петербурге и Архангельске. Поэтому в известном смысле их можно рассматривать как представителей европейского торгового мира на русском рынке. Таковы нарвские купцы Я.Ролфинк, Б.Эренс, выходец из Любека Т.Родде, поселившийся в Ревеле, житель Выборга Г.Гавеман и др.

Что касается купцов самой Швеции, то и после Северной войны их деятельность на русском рынке почти не прослеживается. В 20-е гг. XVIII в. в Петербург прибывало некоторое количество торговых кораблей из Швеции, но были ли на их борту шведские купцы или их товары, неизвестно. Источники почти не сохранили имен купцов этой страны. Известен лишь Яков Фогель из Стокгольма, взявший в долг тюленье сало у тверского купца П.Кононова в 1723 г.²¹ Зато русские купцы гораздо лучше знали путь из России в Швецию и регулярно бывали в Стокгольме еще в XVII в. Возобновили они свои поездки туда и после окончания войны. Сразу после подписания Ништадского мира

произошел почти анекдотический случай: русский резидент в Стокгольме М.П.Бестужев-Рюмин обнаружил на местном торгу группу русских купцов с... калеными орехами. Посчитав, что торговля столь примитивным товаром наносит урон авторитету державы, только что победившей шведов, он приказал соотечественникам немедленно сворачиваться и возвращаться в Россию²².

Более широко на русском рынке были представлены купцы других скандинавских стран, а именно Дании и Норвегии. В источниках те и другие названы «датской земли торговыми иноземцами», поскольку Норвегия в то время входила в состав владений датских королей на началах личной унии. Всего их удалось выявить 19 человек. Из норвежцев можно отметить купцов из Бергена братьев Андрея и Ивана Шитов, торговавших в Архангельске в 1711-1719 гг. Известно также о торговых связях Архангельска и Тронхейма. Кроме того, издавна в торговле на русском Севере участвовали купцы из соседних областей заполярной Норвегии: Финнмарка, Тромса²³. Купцы собственно Дании торговали как на Балтике, так и в Архангельске. В Архангельске наиболее известны Тимофей и Иван Лофтусы, Петр Фрейс, а также Вилли Эдингер, операции которого отмечаются и в Нарве. В конце 10-х и начале 20-х гг. несколько датских купцов появляются и в Петербурге, в том числе Христиан Лерс, Яков Рышлов.

Торговля в России купцов остальных европейских стран в эпоху Петра I была весьма незначительной, прослеживается лишь эпизодически. Это

относится и к торговле столь крупной европейской державы как Франция. Хотя первые непосредственные торговые контакты между Россией и Францией были установлены еще в конце XVI в.²⁴, в последние десятилетия XVII в. и вплоть до середины 10-х гг. XVIII в. торговля французов в России в источниках не отмечается. И это несмотря на то, что французские товары регулярно доставлялись в Россию купцами третьих стран, а русские товары — во Францию, где они пользовались большим спросом, как и везде в Европе. Сами французские купцы из-за преобладания англичан и голландцев в северной торговле не могли пробиться непосредственно на русский рынок. Тем более, что основные силы французского торгового капитала были ориентированы на рынки в колониях, Средиземноморье, в том числе в Леванте. Установлению непосредственных торговых контактов России и Франции долгое время препятствовали также неприязненные отношения между ними. В ходе войны за испанское наследство Россия больше симпатизировала противникам Франции — Англии и Голландии. В Северной войне Франция оказывала дипломатическую и иную поддержку Швеции. Переговоры о заключении торгового договора между Россией и Францией не увенчались успехом, так как французы требовали для себя особых преимуществ. Тем не менее Петр I указал принимать французские корабли в русских портах. В 1703 г. один из них почти дошел до Архангельска, но в устье Северной Двины был захвачен английскими военными кораблями²⁵. В свою

очередь французские каперы неоднократно нападали на торговые суда России и торгующих с ней стран. Лишь в середине второго десятилетия XVIII в. после решающих успехов России в войне с Швецией и окончания войны за испанское наследство начинается потепление в русско-французских отношениях. В 1715 г. в Петербург пробился французский корабль, который вышел из Дюнкерка и принадлежал компании Бодевина, созданной для торговли с Россией. Но в Петербурге в то время не было ни одного французского купца, корабль принимал дипломат, консул А.Лави²⁶. В том же году несколько кораблей в Россию вышли из французского порта Сен-Мало, но на Балтике были захвачены шведами и отведены в Стокгольм²⁷. В 1717 г. в результате визита Петра I в Париж был заключен договор между Россией, Францией и Пруссией, где в самой общей форме говорится и о развитии торговых связей. В 1718 и 1719 гг. в Петербурге побывало еще по одному кораблю из Франции²⁸. Наконец-то здесь появляются и французские купцы. В 1719-1726 гг. отмечается торговля на берегах Невы 8 французов (Шарль Перно, Мишель Ярт, Жан Делорм и др.). Однако их деятельность широкими масштабами не отличалась и носила, видимо, эпизодический характер.

Давние традиции имели торговые контакты России и Италии. Достаточно вспомнить гостей — «сурожан», появившихся в Москве еще в XIV в. Они вели торговлю с заморскими странами через генуэзские колонии в Крыму, среди них наряду с греками, представителями других торговых наро-

дов были и итальянцы²⁹. Однако в дальнейшем торговля итальянцев в России никогда не отличалась ни широкими масштабами, ни широким представительством. В 90-е гг. XVII в. в Москве торговали флорентийцы Антонио и Франко Гва-скони³⁰. Вероятно, они поддерживали торговые связи с европейским рынком через Архангельск. Но в первые два десятилетия XVIII в. торговля итальянцев здесь на севере практически не отмечается. Итальянские товары в изобилии доставляют сюда голландские и гамбургские купцы³¹. Но по мере развития торговли Петербурга там появляется несколько итальянских купцов. Причем деятельность Джованни Бюстелли, Джузеппе Мариотти, Жан-Батисты Ноли была весьма систематической. Д. Мариотти появляется в Петербурге уже в 1712 г. Нередко он, а также Д. Бюстелли, названы в источниках гамбургскими купцами. Это объясняется обширными контактами этих купцов с Гамбургом, который имел обширные торговые контакты в странах Средиземноморья. Через Гамбург, видимо, эти итальянцы и оказались в России. Находившиеся в России гамбургцы не без оснований считали их своими. А Д. Мариотти в конце 20-х гг. XVIII в. стал даже «бурмистром» гамбургской компании.

Что касается Испании и Португалии, то деятельность купцов этих стран в России не отмечается вовсе. Лишь в 1713 г. в Астрахани объявился португальский купец Б. Льюис, который держал путь из Индии на родину³². С 1724 г. Россия установила прямые торговые связи с Испанией, однако они осуществлялись только при участии казны

и некоторых русских купцов³³. В 20-е гг. XVIII в. на русском рынке появляются представители Швейцарии. Так, в 1726 г. в Петербурге торговали три швейцарца: Христиан Мейер, Йозеф и Карл Торшены³⁴.

Характеристика национального состава торговавших в России иноземцев будет неполной, если не сказать еще об одной своеобразной их группе, о так называемых «московских торговых иноземцах». Представители этой группы купцов являлись либо давними выходцами из стран Западной Европы (чаще всего из Голландии, Германии, Дании), либо их сыновьями и внуками, родившимися уже в России. Иногда их рассматривают как особую группу русского купечества. Но в отличие от русских купцов московские торговые иноземцы имели особый правовой статус, не входили ни в состав посадского населения, ни в состав корпораций привилегированного купечества — гостей и гостинной сотни. Они не несли многих обычных для русских купцов служб и повинностей, как правило, проживали наряду с прочими иностранцами в иноземных слободах. Наконец, что очень важно, эти купцы сохраняли регулярные и непосредственные связи с западноевропейским рынком, пользовались кредитами зарубежных банков. Как установил А. В. Демкин, эта категория была весьма многочисленной и типичной на русском рынке в XVII в. Однако он полагает, что к началу XVIII в. эта группа фактически перестала существовать. По его подсчетам, в начале 90-х гг. XVII в. московских торговых иноземцев было всего 5 человек³⁵. Но в

начале XVIII в. многие иностранцы, постоянно проживавшие в Москве и занимавшиеся торговлей, часто именуются «московскими торговыми иноземцами», иногда просто «торговыми иноземцами». Среди них не только активно действовавшие купцы, но и владельцы заводов, ремесленники, служащие государственных учреждений, также занимавшиеся торговлей. Всего их выявлено более 40 человек (См. приложение 1). Очевидно, группы иноземного купечества с таким статусом существовали в течение длительного времени. Для купцов, давно и прочно осевших в России, пребывание в составе этих групп было определенной ступенью, необходимым этапом на пути инкорпорации в состав собственно русского купечества. Так как процесс ассимиляции части иностранного купечества в России происходил и до Петра I, и в его царствование, и после него — то в течение всего этого времени сохранялись условия для существования подобных категорий торговых иноземцев, занимавших промежуточное положение между собственно иностранными купцами и собственно русскими.

В начале XVIII в. продолжают торговые операции Томаса Келдермана (Келлермана), одного из известнейших московских торговых иноземцев второй половины XVII в. Он принадлежал к купеческой фамилии, происходившей из Лифляндии³⁶. Еще в правление Алексея Михайловича Т.Келдерман, используя свои обширные связи за рубежом, выполнял различные заказы русского правительства по закупке оружия, иных вещей, сбыту за границей русских товаров. За эти заслуги в 1682 г.

Т.Келдерман получил чин гостя. В 1685 г. ему был пожалован новый и весьма уникальный титул: «Московского государства поверенный и чести достойный»³⁷. В жалованной грамоте на этот титул ничего не говорится о причислении Т.Келдермана к дворянству. Тем не менее он часто именуется как «фон Келдерман». Но лишь при Павле I правнук Т.Келдермана получил потомственное дворянство. Об этом сделана запись в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», где говорится о заслугах Т.Келдермана, сообщается о том, что одному из его сыновей, включенному в посольство во Францию, было «велено быть во дворянах»³⁸. После смерти Т.Келдермана его торговую деятельность продолжал сын Иван.

Не менее известна семья московских торговых иноземцев Вестовых. Еще в первой половине XVII в. в Москве действовали несколько представителей этой многочисленной фамилии³⁹. Среди них Павел Иванов Вестов, сын которого Яков упомянут в переписной книге московской Немецкой слободы за 1665 г.⁴⁰ В начале XVIII в. сын Якова — Павел Яковлев Вестов исключительно активно действует на русском рынке, ведет обширные торговые и кредитные операции, поддерживает регулярные непосредственные связи со своими зарубежными партнерами. Примечательно, что его товары в Архангельске хранились не на русском, а на иноземском гостином дворе. Павел Вестов имел прямые торговые контакты с Англией, по некоторым сведениям, получил даже английское подданство, в связи с чем приобрел там некоторые льготы в тор-

голе. О его связях с Англией свидетельствует и его прозвище «великобританского архиерея», которое он имел в окружении Петра I⁴¹. Очевидно, именно он назван «митрополитом Великобританским Павлом» в пародийном патенте на чин «архидьякона» для английского купца В.Лойда, выданном в 1709 г. и подписанном среди прочих Петром I. Этот патент опубликован С.Ф.Платоновым вместе с упоминавшимся выше «Объявлением о Великобританском славном монастыре». Далеко не последнюю должность ризничего в «славном монастыре» занимал Павел Павлович Вестов. Это сын П.Я.Вестова, умершего около 1714 г. Кстати, во главе этого «сумасбродного братства» в качестве «митрополита» находился ни кто иной, как Иван Келдерман, а его отец Томас Келдерман, весьма почтенный в то время старец, занимал важную должность «игумена и духовника всему монастырю»⁴². Это свидетельствует об обширных связях Келдерманов и Вестовых в придворных кругах, личном знакомстве их с Петром I. Павел Павлов Вестов продолжал активную торговую деятельность своего отца, занимался предпринимательством и в сфере производства. Среди московских торговых иноземцев в первой четверти XVIII в. известны также вдова П.Я.Вестова — Екатерина, другой его сын — Яков, сестра Елена (Алена), занимавшиеся по преимуществу ростовщичеством.

Аналогичные группы купцов иностранного происхождения существовали и в некоторых других русских городах, связанных с внешним рынком. В Архангельске в конце XVII и в начале XVIII вв.

проживал Денис Гоутоналлов, близким было положение переселенных в Вологду купцов Нарвы и Дерпта. В ходе петровских преобразований количество торговых иноземцев, оседавших в России навсегда, увеличивается, идет процесс и вовлечения их в ряды собственно русского купечества. В 1716 г. «св.петербургским гражданином» был признан Борис Дистервалт из Гданьска. В дальнейшем источники называют его «св.петербургским торговым иноземцем». Как и московские торговые иноземцы, он не платил обычных для русских купцов налогов. Таможенные пошлины он платил наравне с русскими торговыми людьми, если продавал товары, полученные из-за моря на свое имя. Если он торговал товарами, купленными в России у иностранных купцов, он платил пошлины наравне с иноземцами. В эту же категорию св.петербургских торговых иноземцев позднее вошли и многие выходцы из немецкого купечества Восточной Прибалтики: Яков Ролфинк, Каспар Кервидер, Христиан Вольф и др.⁴³ Таким образом, и в новой столице шли процессы аналогичные тем, что ранее привели к образованию группы московских торговых иноземцев. В дальнейшем некоторые представители этой группы еще больше укореняются в России, переходят уже и в русское купечество. Так поступил в 1731 г. Я.Ролфинк, после чего он получил все права русских купцов, но обязался наравне с ними «службы служить и подати платить»⁴⁴. Перехода в русское купечество, торговые иноземцы стремились получить возможность торговать в России повсеместно, с уплатой обыч-

ных, а не повышенных пошлин. Получив эти права, они нередко под своим именем сбывали товары, принадлежавшие другим иностранным купцам⁴⁵.

Как бы то ни было, купцов этой группы, по крайней мере до перехода их на положение русского купечества, нельзя отождествлять с русскими купцами. Правильнее видеть в так называемых московских торговых иноземцах, аналогичных им купцах иностранного происхождения в Петербурге, других городах, особую группу иностранных торговцев, наиболее глубоко укоренившихся в России. Да, они постоянно жили в России, имели русское подданство, вели активную торговлю на внутреннем рынке — это сближало их с русскими купцами. Но они сохраняли регулярные связи с западноевропейским торговым миром, имели особый правовой статус. Это, а также общее происхождение, религия, приверженность определенным традициям в быту и торговых делах сближали их с остальными иностранными купцами. Большинство из них, составляя или подписывая необходимые в торговле документы, пользовались чаще родным языком, чем русским. Все они принадлежали к той части иностранного населения в России, ассимиляция которой шла достаточно далеко, но до полного обрусения оставалось еще несколько шагов.

Иностранные купцы различались не только по происхождению, национальности или давности проживания в России. Наряду с торговлей они могли иметь разные виды побочной деятельности. Иногда эта деятельность расширялась, становилась основной, а в побочное занятие превращалась тор-

говля, которая в ряде случаев прекращалась совсем. Несмотря на это данный иностранец еще долгое время в источниках именовался «торговым иноземцем».

Некоторые иностранные купцы сочетали занятия торговлей с предпринимательской деятельностью в сфере промышленности. Это характерно не всегда для самых богатых купцов, а скорее для тех, кто долгое время проживал в России, имел здесь обширные связи, знал язык и местные обычаи. Большое значение имели контакты при дворе, поскольку поддержка правительства имела решающее значение при организации завода. Поэтому среди владельцев заводов было немало московских торговых иноземцев. С другой стороны, владение заводом способствовало оседлости того или иного иноземца в России. Поэтому, открыв промышленное дело, многие западноевропейские купцы переходили в разряд «московских торговых иноземцев». Таков, например, жизненный путь голландца Варфоломея (Вахрамеев) Меллера. С 50-х гг. XVII в. он активно торговал в Архангельске, как и многие другие иностранные купцы. Затем он женился на вдове Филимона Акемы-младшего и унаследовал железные заводы, основанные в середине XVII в. Филимоном Акемой-старшим и Петром Марселлисом в Боровском уезде на реке Истье⁴⁶. В начале XVIII в. Меллер известен больше как владелец железных заводов, чем купец. После его смерти заводы унаследовали сыновья — Варфоломей и Петр, которых источники также иногда называют «торговыми иноземцами». Во второй половине XVII в. в

России торговал также выходец из Гамбурга Андрей Бутенант. Но в конце XVII в. он унаследовал известные заводы в Олонецком уезде, которые перешли в казну в начале XVIII в.⁴⁷ Среди московских торговых иноземцев известен также Болдвин Андрис, сын Томаса Андриса, одного из управителей заводов Ф.Акемы-старшего. В 1703-1705 гг. Б.Андрис арендовал Сорокинский и Павловский заводы под Звенигородом⁴⁸. Еще в первой половине XVII в. Юлиус Коет из Брабанта основал под Москвой стекольный завод. В начале XVIII в. половиной этого завода, унаследованного от деда и отца, владел Петр Коет, внук Ю.Коета. Другая половина завода за долг перешла к купцу из Прибалтики, подданному Швеции Андрею Минтеру⁴⁹.

Не менее активно иностранные купцы принимали участие в организации заводов и при Петре I. Многие из них занялись производством пороха. Еще в 1696 г. голландец Родрион Мейер унаследовал пороховой завод на реке Яузе после своего тестя. В 1701-1704 гг. этот завод был передан Е.Избранту, а затем до 1707 г. им вновь владел Р.Мейер. С 1708 г. монопольное право на производство пороха получил англичанин А.Стейлс. Он владел двумя пороховыми заводами на реке Клизьме. После смерти А.Стейлса в 1712 г. его вдова продала заводы голландцу Л.Руттеру и гамбуржцу Д.Беркуну⁵⁰. С 1709 г. другой английский купец В.Лойд владел зеркальным заводом на Воробьевых горах, который в 1717 г. сгорел. Известно также о картонной фабрике голландца Н. ван дер Стамма, канатной — англичанина Г.Эванса⁵¹. При непосред-

ственной поддержке Петра I в Москве была организована полотняная мануфактура, принадлежавшая голландскому купцу Ивану Тамесу. Павел Вестов-младший в начале 20-х гг. XVIII в. основал сахарный завод. Его компаньоном являлся выходец из Любека Еремей Кизл⁵². Завод Вестова, как и многие другие предприятия пользовался льготами, поддержкой государства, защищался от иностранной конкуренции высокими таможенными пошлинами. Однако деятельность иностранных купцов в качестве владельцев заводов выходит за рамки темы данной книги, которая посвящена главным образом их торговым операциям. Кроме того, о российской промышленности в эпоху Петра I написаны многие книги и статьи, где подробно говорится и о заводах, принадлежавших иностранцам⁵³. Весьма интересен еще и вопрос о связи торговой деятельности иностранных купцов с их предпринимательством в сфере промышленности. Но он весьма трудноразрешим, так как для этого необходимо изучить текущее делопроизводство самих купеческих фирм и заводов, а эти материалы, к сожалению, почти не сохранились.

Некоторые торговые иноземцы сочетали свои торговые дела с дипломатической службой. Так, А.Бутенант, купец и заводчик, являлся комиссаром датского короля. Возможно, в связи с этим он енискал дворянство и именовался Бутенант фон Розенбуш. Томас Книппер известен в качестве резидента шведского короля, который при производстве в дворянство получил фамилию Книппер-крон⁵⁴. С 1699 г. резидентом Голландских Статов был

Андрей ван дер Гульст. Он принадлежал к известному в России семейству, из которого вышли врачи, купцы, дипломаты, военные. Был ли он сам купцом, точно неизвестно. Но это вполне вероятно, так как в источниках иногда встречается «торговый иноземец, галанской земли» Андрей ван дер Гульст⁵⁵. Резидентами, комиссарами в то время называли дипломатических агентов невысокого ранга. Более солидный дипломатический пост занимал английский купец Карл Гутфель. В 1699 г. он стал консулом Англии в России⁵⁶.

Целый ряд иностранных купцов привлекался на дипломатическую и иную службу русским правительством. Наиболее замечательной была миссия Елизария Избранта Идеса, который в 1692-1695 гг. совершил поездку в Китай в качестве русского посла, о чем он написал и издал книгу, являющуюся ценным источником по истории русско-китайских отношений. (Кстати, не менее интересную книгу написал об этом посольстве Адам Брант, купец из Любека, известный на русском рынке, сопровождавший Е.Избранта в той поездке)⁵⁷. Сам Е.Избрант был выходцем из Глюкштадта, что в Голштинии, недалеко от Гамбурга. С 1677 г. он торговал в России, а с 1687 г. поселился здесь постоянно. Его нередко называют в русских источниках датчанином или датским купцом, хотя трудно сказать, почему. Может быть, потому, что родина Е.Избранта — Голштиния — являлась объектом притязаний со стороны Дании. Может быть, сказались его регулярные торговые связи с Данией, которые он мог иметь, нередко бывая в Гамбурге по

торговым делам до своего окончательного переезда в Россию. Но после поездки в Китай Е.Избрант отошел от активной деятельности на внешнем рынке. Лишь изредка встречаются записи о его кредитных сделках на московском рынке. Однако в начале XVIII в. Е.Избрант активно участвует в экономических предприятиях правительства в качестве агента казны или подрядчика, заведует сбором пошлин в Архангельске, строит корабли там же на Соломбале, содержит пороховые и железные заподы.

Русское правительство использовало также иностранных купцов в качестве своих агентов за рубежом. Мы уже упоминали о Т.Келдермане, который получил чин гостя благодаря такого рода деятельности. С 1703 г. торговым агентом казны в Амстердаме был Иван ван дер Бург, около 1705 г. в том же качестве туда прибыл Христофор Брант. Х.Брант настолько удачно выполнял различные поручения русского правительства, что заслужил благосклонность Петра I, в 1712 г. он был пожалован шпагой, а в 1717 г. получил потомственное российское дворянство и чин надворного советника⁵⁸.

Благодаря своему опыту, специальным знаниям иностранные купцы привлекались на службу в учреждения, ведавшие торговлей, финансами, внешними сношениями. Так, Андрей Крефт, Петр Коест числились переводчиками в Посольском приказе⁵⁹. Впоследствии, когда была создана Коммерц-коллегия, на службе в ней находились голландские купцы Ян (Иван) ван Акер и Андрей Свелленгребел, датчанин Тимофей Лофтус, англичанин Ф.Коллингс и его соотечественник Самойла Мюкс,

являвшийся маклером. Неплохую карьеру совершил на службе в этой коллегии английский купец (точнее выходец из Шотландии, из Эдинбурга) Яков Гут (Гювигт). Еще в начале XVIII в. он торговал в России совместно со своим братом Юрием. С 1719 г. Я. Гут состоял в Коммерц-коллегии в чине советника, принимал активное участие и в работе Комиссии о коммерции, ему поручалась подготовка важных законопроектов, в частности им разрабатывался один из первоначальных вариантов Вексельного устава, принятого в 1729 г.⁶⁰ Наконец, торговые иноземцы могли состоять на службе и у частных лиц. Правда, это встречалось крайне редко. Например, английский купец В. Эмсалл состоял управителем в доме вице-адмирала М. Х. Змаевича⁶¹.

Итак, западноевропейские купцы, находившиеся на русском рынке, составляли не только многочисленную, но и весьма пеструю, многоликую группу энергичных, предприимчивых коммерсантов, действовавших как в порубежных городах страны, так и в Москве. Среди них были представители по меньшей мере десяти европейских стран и, примерно, того же числа национальностей с их разным темпераментом, привычками, религиозными убеждениями, и — что еще важнее для нас — по-разному ориентированных в своей торговой деятельности, конкурирующих друг с другом. На протяжении всей первой четверти XVIII в. среди них преобладали англичане, голландцы, гамбургцы. Но по мере развития и углубления реформ Петра I, успехов его внешней политики представи-

тельство купцов разных стран на русском рынке расширяется. К началу 20-х гг. XVIII в. в России появляются купцы Франции, Швейцарии, Гданьска, Пруссии, Голштинии, Баварии, Мекленбурга, других немецких земель, возобновляется торговля купцов Италии, налаживаются прямые торговые связи со странами Пиренейского полуострова, активизируется деятельность купцов Дании и Норвегии, которые всегда были заметны на русском рынке; окончание Северной войны создало предпосылки для восстановления прямых торговых контактов со Швецией. Сбывалась мечта Петра I: видеть у себя в новой столице флаги торговых кораблей многих стран.

Иноземные купцы в России различались не только как представители разных стран. Неоднородна была продолжительность их деятельности в России. Кто-то появлялся здесь эпизодически. Так, имена 230 иностранных купцов зафиксированы в источниках всего один-два раза на протяжении всей первой четверти XVIII в. Но большинство иностранных купцов торговали в России несколько лет подряд, нередко и до десяти лет и дольше. Всего более чем десятилетний «стаж» торговли в России имели 125 западноевропейских купцов. Это наиболее характерно для голландцев и гамбургцев, в меньшей степени для англичан и еще в меньшей степени — для всех остальных. Немало иностранных купцов оставались в России навсегда, находили здесь свою вторую родину. В этом смысле из общей массы торговых иноземцев можно, во-первых, выделить западноевропейских

купцов, являвшихся таковыми без всяких оговорок — это торговавшие здесь подданные западноевропейских государств, рано или поздно возвращавшиеся на родину. Во-вторых, можно выделить группу торговых иноземцев, уже двигавшихся к слиянию с русским купечеством, но еще сохранивших связи с европейским рынком. Это московские торговые иноземцы и схожие с ними группы. Грань между ними и собственно западноевропейскими купцами весьма условна, подвижна, ее без труда переходили все новые и новые иностранные торговцы, сначала надолго, а затем навсегда поселившиеся в России.

В качестве особой группы торговых иноземцев, связанных с западноевропейским рынком, можно выделить наиболее крупных купцов из портовых городов Восточной Прибалтики (Нарва, Ревель, Дерпт, в какой-то степени Гданьск и др.). По многим параметрам их можно рассматривать как представителей торгового мира Запада в России — прежде всего по степени их вовлеченности в деловой мир Европы, использованию принятым там форм и методов торговли и т.д. Но они занимали промежуточное положение между западноевропейским и русским рынками — и в географическом смысле, и как торговые посредники. Однако грань между этой группой и собственно западноевропейскими купцами тоже не была абсолютной. Ведь среди торговцев Нарвы, Ревеля мы видели уроженцев Англии, Любека.

Различались находящиеся в России торговые иноземцы и по своей побочной деятельности, ко-

торая нередко способствовала оседлости многих из них. Но именно торговая деятельность, которую вели на русском рынке представители всех групп западноевропейского купечества, опираясь на свои связи за рубежом, позволяет рассматривать их как некое единство. Прежде, чем приступить к всестороннему и конкретному рассмотрению торговли западноевропейских купцов в России, необходимо познакомиться с условиями и организационными формами, в которых она протекала.

Организация и условия торговли западноевропейских купцов в России

Условия торговой деятельности иностранных купцов в России, ее организационные формы определялись их связями с западноевропейским рынком, а также правами и возможностями, которые предоставляло им российское законодательство.

К XVIII в. внешняя и особенно морская торговля ведущих держав Западной Европы достигает высокого уровня развития и организации. Как важнейшая и весьма прибыльная отрасль экономики, она привлекает значительные средства и, в свою очередь, сама становится источником накопления крупных капиталов. Повсеместно в Западной Европе укрепляются ее связи с банками, кредитом, а также с промышленным производством. Во многих странах существуют крупные фирмы, компании, которые доминируют во внешней и морской торговле. Иностранные купцы, действовавшие на русском рынке, являлись членами, а чаще — агентами, факторами или корреспондентами торговых компаний или торговых домов европейских стран. Многие компании специально создавались для торговли с Россией. Мы уже говорили о

«Русской компании», созданной в Англии в середине XVI в. Несмотря на реорганизацию компании в 1699 г., что открыло доступ в нее многим «аутсайдерам», продолжалась деятельность старых и авторитетных ее членов. Среди них столь влиятельные лица, как Джон Вульф — в конце XVII в. шериф Лондона, Томас Стейлс, у которого во время своего визита в Лондон обедал царь Петр I¹. Их интересы на русском рынке представляли младшие братья — Филипп Вульф и Андрей Стейлс, практически постоянно находившиеся в России. Кроме старых и новых членов «вывеску» «Русской компании» использовали целые корпорации, например: Табачная, Восточная (Eastland), Гренландская компания, представители которых также проникают на русский рынок. Эти компании были организованы большей частью по принципу акционерного общества. Каждый из членов имел свой пай, в соответствии с которым он получал дивиденды от прибыли компании, которая вела торговые операции на общий счет. На русском рынке она могла иметь своих агентов или факторов. Так, К.Гутфель с 1695 г. действовал в России как фактор компании Гудзонова залива, а с 1699 г. стал еще и агентом Табачной компании. Факторы и агенты не имели своего пая, не могли торговать от себя лично, ввели операции от имени компании, получая от нее либо жалованье, либо комиссионные. Лишь К.Гутфель, в порядке исключения, мог кое-что продать и купить на собственный счет².

В отличие от Англии в Голландии и Гамбурге акционерная форма организации торговых компа-

ний не получила столь широкого распространения. Во всяком случае связи с Россией здесь осуществляли десятки фирм и торговых семейств, которые вели торговлю на собственный счет, во многом независимо друг от друга. Среди торговых домов Гамбурга постоянные связи с Россией имели Бекманы, Розены, Говертсы, Фансоммы, Поппе и др., в Амстердаме — это Гутманы, Ромзвинкелы, Тессинги, Тиммерманы и др.³ На русском рынке зафиксирована деятельность многих иноземцев, носивших эти фамилии. Как правило, это младшие члены данных семейств (за исключением, может быть, Адольфа Гутмана). Хотя каждая из этих фирм вела торговлю самостоятельно, они все же объединялись в компании или корпорации, которые вырабатывали общие принципы торговли в России, представляли интересы всех членов корпорации перед правительством, обеспечивали фрахт судов, вели переговоры с адмиралтейством об охране торговых кораблей, оказывали поддержку купцам, пострадавшим от стихийных бедствий и т.д. Так, в 1703 г. подобное объединение возникло в Гамбурге под названием «Общество купцов, торгующих с Архангельском»⁴. Аналогичная организация возникла около 1693 г. (а возможно, и ранее) в Амстердаме, за которой впоследствии закрепилось название «Дирекция (Directie) Московской торговли». Она представляла интересы купцов, торгующих с Архангельском через Белое море, а также купцов-голландцев, проживающих в России. В 1702 г. основана «Дирекция Восточной торговли и мореплавания». Она защищала интересы купцов,

торгующих в Прибалтике и Скандинавии. После выхода России на Балтику и в связи с развитием торговли Петербурга между этими организациями началась острая конкуренция. Лишь к середине XVIII в. сферы влияния были разделены: «Дирекция Московской торговли» закрепила за собой, кроме Архангельска и всего северного региона, также Петербург и Кронштадт; присоединенные к России Эстляндия и Лифляндия остались за «Дирекцией Восточной торговли и мореплавания». Основной их заботой была организация конвоев военного флота для сопровождения торговых судов. Занимались они и другими вопросами, в частности, сбором денег на расходы по встрече в Амстердаме Великого посольства из России в 1697 г. Среди директоров «московской торговли» во втором десятилетии известны Х.Брант и А.Дике, которые до этого активно торговали в России⁵. Этот же пост в разное время занимали и Маттиус Ромзвинкель и Ян Тиммерман — в начале XVIII в. на русском рынке действовали Николай Ромзвинкель и Андрей Тиммерман, очевидно, их родственники.

Компании разного рода для торговли в России создавались и в других странах. В 1714 г. в Тронхейме (Норвегия) возникла «Архангельская торговая компания». В середине второго десятилетия существовала компания для торговли с Россией во Франции. В 20-е гг. XVIII в. здесь предпринимались попытки создать новую компанию, но без особого успеха. В 1724 г. в Берлине была организована компания для поставки сукон в Россию для оснащения армии. Эта компания объединяла куп-

цов, действовавших совместно, т.е. по своей организации она была близка к акционерным обществам, как и большинство торгово-предпринимательских корпораций в Англии⁶.

Таким образом, крупнейшие предприниматели на Западе, которые вели торговлю с Россией, могли образовывать компании и объединения разной степени прочности, с различными правами, компетенцией и ответственностью. Но в их руках находилась торговля данной страны с Россией, и все торговавшие на русском рынке западноевропейские купцы были тесно с ними связаны и фактически от них зависели. Это касается не только состоявших на службе у зарубежных компаний факторов или агентов, или младших членов торговых семейств, подчинявшихся своим отцам и старшим братьям, находившимся за морем. Это относится и к тем иностранным купцам, которые в русских источниках называются корреспондентами каких-либо заморских предпринимателей. Формально они были независимы от своих зарубежных партнеров. Но фактически европейские торговые корпорации предоставляли кредит своим корреспондентам в России, присылали товары из-за моря, указывая цены, по которым они должны продаваться, точно так же из-за границы поступали деньги и заказы на русские товары, при этом предписывались предельные цены, которых следовало добиваться при их покупке. В одном из докладов в Сенат сообщалось, что «... находящиеся в Москве торговые иноземцы имеют в своем торге многие комиссии и покупают товары не все на свой счет, а больше по

письмам своих корреспондентов и на их счет». Сами иноземцы, торговавшие в России, заявили, что ничего не могут покупать или продавать «мимо ордера» своих заморских партнеров⁷. Следовательно, находившиеся в России западноевропейские купцы, даже те, кто выделялся внушительными товарооборотами, не были крупными капиталистами, обычно действовали от имени зарубежных партнеров или в качестве их комиссионеров, представляли на русском рынке интересы заморских торговых корпораций, хотя степень их зависимости от зарубежных компаний и фирм могла быть различной. Масштабы торговли иностранных купцов в России определялись не только и не столько их наличными капиталами, сколько связями с ведущими торгово-капиталистическими фирмами Европы, возможностью пользоваться кредитом коммерческих банков и банков Лондона, Амстердама, Гамбурга, Вены, Берлина.

Именно эти контакты открывали торгующим в России иностранцам выход на европейский и мировой рынки. Полной картины их торговых связей за рубежом мы не имеем. На этот счет в отечественных источниках сохранились только отрывочные сведения. Но и они достаточно красноречивы. Так, по ряду архивных дел можно проследить торговые контакты англичанина Самойда Гарцына (Гартсайда), который с 1708 по 1719 гг. находился в России. Его корреспонденты в Англии Р.Робинсон и И.Эдвардс отправляли ему товары из Лондона, Ньюкасла, Ливерпуля. Нередко они действовали от имени Д.Гартсайда, старшего брата С.Гарцы-

на, который сбывал сукна из Ланкашира, имел связи и в Ирландии, а также от имени С.Пери, основной сферой деятельности которого была торговля с колониями в Северной Америке. Р.Робинсон действовал также во Франции, известно о его операциях в этой стране в 1717 г. С.Пери и И.Эдварде поддерживали контакты с английскими купцами, торгующими в Ливорно и Лиссабоне, пользовались кредитом банков Амстердама и Гамбурга⁸. Весьма обширными были связи К.Гутфеля. Он отправлял товары из России не только в Англию, но и в Амстердам, Венецию. Компания Гудзонова залива, в качестве фактора которой он появился на русском рынке, специализировалась на торговле пушниной из Канады⁹. Разветвленные контакты имел Франц Коллинс, торговавший в России до своей смерти в 1719 г. Он был связан с группой лондонских предпринимателей-банкиров (Ф.Дорли, Р.Макарти), которые имели клиентов в Средиземноморье, в частности в Ливорно, Венеция, Аликанте. Кроме того, Ф.Коллинс продавал в России соль, которую он получал из Амстердама и Роттердама, куда она поступала из Испании¹⁰.

Некоторые сведения о связях на зарубежном рынке имеются и в отношении торговавших в России голландских купцов. Многие из них — братья Квинсусы, И.Любе, Е.Клюк, Л.Гарлант и др. поддерживали контакты с влиятельной группировкой коммерсантов из Амстердама во главе с Н.Витзенном, тесно связанной с голландской Ост-Индской компанией, которая торговала во всем мире. Сам Н.Витзен, долгие годы являвшийся бургомистром

Амстердама, пользовался доверием и уважением Петра I, внес большой вклад в развитие торговых, дипломатических, культурных связей России и Голландии¹¹. Некоторые голландские купцы поддерживали контакты с банкирами Центральной Европы: Х.Брант пользовался кредитом в Вене, Р.Мейер — в Праге¹². Датский купец Х.Лерс, торговавший в Петербурге в начале 20-х гг. XVIII в., пользовался кредитом у берлинского банкира Лежена. С ним Лерс поддерживал связи через своего отца, находившегося в Копенгагене¹³. Гамбургские купцы имели налаженные связи с Данией, Норвегией, а также с Швецией, что имело особое значение, поскольку Россия находилась с этой страной в состоянии войны. Ф.Гиз, М.Поппе, Е.Кизл переводили деньги в Стокгольм при посредничестве гамбургских банкиров. Этим каналом в случае необходимости могло воспользоваться и русское правительство, в частности для помощи своим пленным. О связях московских торговых иноземцев на европейском рынке уже говорилось. Следует сказать и о том, что П.Вестов пользовался кредитом в Гамбурге, Б.Андрис — в Любеке¹⁴.

Достаточно определенно можно судить о зарубежных связях находившихся в России иностранных купцов и на основании списков и записных книг кораблей, прибывавших в русские порты. В письме архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия боярину Ф.А.Головину приводится список торговых кораблей, прибывших в Архангельск в 1701 г., правда, только до 11 июля (так наз. «вешние корабли»)¹⁵. Всего здесь отмечено 85 ко-

раблей, из них — 21 английский, 44 голландских, 3 гамбургских, 2 бременских, 1 датский, 1 французский и 3 «шкоцких» (шотландских). Два «шкоцких» корабля и единственный французский пришли «торговать собой», т.е. ни французских, ни шотландских купцов в Архангельске не было, находившиеся на этих судах торговые люди сами доставляли сюда товары, сами намеревались их здесь и продавать. Все прочие корабли пришли к находившимся в Архангельске иностранным купцам, доставив товары от их заморских корреспондентов. Интересно, что третий «шкоцкий» корабль принимал голландец Н.Ромзинкель.

Из записных книг кораблей, прибывавших в Архангельск, за начало XVIII в. сохранилась книга 1705 г.¹⁶ Она содержит сведения за весь год, здесь указаны не только страны, но и порты откуда прибыли корабли, поэтому ее данные следует рассмотреть более подробно. В том году в Архангельск прибыло 147 кораблей из-за моря. Только один пришел из Амстердама к русскому купцу, архангелогородцу Осипу Баженину. Все остальные 146 прибыли в адрес находящегося в Архангельске иностранцев (в том числе один — к П.Я.Вестову). Уже это более, чем очевидно, свидетельствует об абсолютном преобладании иностранных купцов в европейской торговле России. Из Англии прибыло 68 кораблей: 43 вышли из Лондона, остальные из портов ее восточного побережья — из Рамсейта — 11, Ньюкасла — 5, Линна — 3, Стоктона и Слутэнда — по 2, Маргита и Скарборо — по 1. Один корабль из Лондона принимал П.Вестов, все прочие

суда из Англии пришли в адрес английских купцов. Среди них выделялись А.Блант, который принимал 13 кораблей, в том числе 6 из Лондона, 5 — из Рамсейта, 2 — из Ньюкасла; К.Гутфель, к которому прибыли 8 кораблей из Лондона, 3 — из Линна, по одному — из Рамсейта и Ньюкасла, а также А.Стейлс, принимавший из Англии 11 судов, в том числе 8 из Лондона. Таким образом, английские купцы полностью обеспечивали торговые связи России и Англии.

52 корабля прибыло из Голландии. Как видим, в отличие от 1701 г. голландцы уже уступают англичанам по числу кораблей, и скорее всего и по товарообороту, поскольку английские суда по грузоподъемности обычно превосходили голландские. Все 52 корабля пришли из Амстердама. Следовательно, в начале XVIII в. торговля Голландии с Россией непосредственно через Архангельск была полностью сосредоточена в руках амстердамских торговых фирм. Но контакты с ними поддерживали в этой торговле не только голландские купцы. К ним пришло только 36 кораблей (в том числе 10 — к Л.Гарланту, 9 — к И.Любсу и Х.Бранту). Четыре корабля из Амстердама пришло к английским купцам: 1 — к К.Гутфелю и 3 — к А.Стейлсу. Для А.Стейлса регулярные торговые связи с Голландией были весьма характерны, что вызывало зависть и упреки со стороны большинства английских купцов, которые подозревали его в сговоре с голландцами, серьезными конкурентами англичан на русском рынке¹⁷. 10 кораблей из Амстердама пришло к гамбургским купцам, в том числе к Ивану Поппе

— 3, Ф.Гизу — 2. Таким образом, в отличие от англичан голландские купцы не пользовались монополией в торговле России со своей страной. И в начале XVIII в. давало себя знать действие Навигационного акта, который защитил английских купцов, промышленников, судовладельцев от конкуренции иностранных торговых и судовых компаний. В Голландии законов, подобных Навигационному акту, не существовало, поэтому торговые связи России и Голландии наряду с голландскими купцами обеспечивали купцы третьих стран.

Всего 11 кораблей прибыло из Гамбурга. Все — к гамбургским купцам (в том числе 4 — к И.Поппе, 4 — к П.Шхунеману). Единственный корабль, прибывший в том году из Бремена, принимал бременец П.Мартисен. Очевидно, что купцы этих северо-германских городов в полной мере обеспечивали их торговые связи с Россией. Заметны и торговые контакты находившихся в Архангельске иноземцев с Данией и Норвегией. В 1705 г. из Копенгагена прибыло 2 корабля, 2 — из Кристиансанда, 2 — из Бергена, 1 — из Дростена. Один из них доставил груз сельдей для английского купца А.Бланта, остальные 6 принимали гамбургские купцы. Находившиеся в Архангельске датские купцы Петр Оксен и Андрей Скелесен встречали корабли с товарами не со своей родины, а из более отдаленного французского порта Бордо. Всего в 1705 г. из Бордо в Архангельск прибыло 8 судов, в том числе 2 — к датчанам, 3 — к голландцам и 2 — к гамбургцам. Очевидно, что находившиеся в России англичане, голландцы, гамбургские купцы

поддерживали регулярные торговые контакты не только со своими странами, в их руках находилась и торговля России с Францией, скандинавскими странами. Для датчан в 1705 г. характерна только посредническая торговля.

Таким образом, связи иностранных купцов в России были весьма обширны и не ограничивались теми странами, откуда они происходили. Контакты с ведущими фирмами и банками европейских стран открывали им выход и в страны Северной Европы, и в Средиземноморье, а возможно и в колонии за пределами европейского континента.

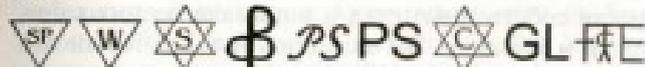
Организация торговли между Россией и странами Западной Европы была непростым делом. Основная масса товаров перевозилась морем. Между иностранными купцами в России и их зарубежными партнерами существовали хорошо налаженные почтовые связи, которым принадлежала немалая роль в обеспечении торговых контактов между ними. Недаром Иван Посошков считал использование иноземцами почты одним из средств усиления влияния их на русском рынке, сравнивая ее с «дырой», которую они «... прорубили из нашего государства во все свои земли... что вся наша государственные и промышленные дела ясно зрят»¹⁸. В связи с чем Иван Посошков предлагал почту с зарубежными странами запретить.

Тем не менее письма регулярно пересылались иноземцами по суше или с торговыми кораблями. Так, из Голландии почта приходила, как правило, еженедельно. Если военные действия препятствовали регулярным почтовым связям, иностранные

купицы пересылали письма за рубеж с оказией или с нарочным. Зимой они извещали друг друга о конъюнктуре русского и европейского рынков, курсе валют и вексельном курсе, о видах на летнюю ярмарку в Архангельске. Из Европы поступали заказы на русские товары, сообщались цены, которых следует добиваться, чтобы гарантировать прибыль при сбыте их на европейском рынке. Весной в письмах из-за рубежа сообщалось об отправке кораблей в Россию, их грузе. Переписка продолжалась круглый год, но наибольшей интенсивности она достигла летом, в период работы архангельской ярмарки. В июне 1710 г. С.Гарцын, Р.Робинсон, их приказчик Д.Букар и их компаньоны в Англии переслали друг другу более 20 писем, где сообщалось о колебаниях цен в Европе, ценах в Архангельске, передавались распоряжения, кому направить закупленные товары, на чей счет перевести деньги и т.п.¹⁹ Эти во многом обыкновенные письма, с обычными приветствиями, пожеланиями здоровья и успехов, вместе с тем являются и деловой документацией иностранных купцов. При возникновении каких-либо споров и недоразумений они использовались в суде в качестве доказательств наряду с официальными документами.

По почте вместе с письмами пересылались и различные документы, как то: векселя, консоменты, расписки в получении денег и т.д. Соответствующим образом оформлялась и отправка товаров на корабле. Каждый груз сопровождался консоментами или фактурами (накладными), где указывалось наименование, количество и вид упаковки

товара. Эти документы составлялись в трех экземплярах: первый пересылался по почте получателю товара в Россию, второй передавался капитану корабля, третий — отправитель оставлял у себя. Товары запечатывались, на печатях изображалось клеймо, которое обычно заключало в себе монограмму с инициалами владельца груза. Образцы клейм указывались в консоментах. В 1710 г. англичанин Д.Эдвард прислал своим корреспондентам в Архангельске С.Гарцыну и Р.Робинсону ростись товаров от 9 владельцев с указанием следующих клейм²⁰:

По прибытии корабля получатель доставленных на нем товаров являлся на борт с консоментом в руках и в присутствии таможенных чиновников проверял целостность груза.

В денежных расчетах со своими заморскими партнерами торговые иноземцы использовали как наличные деньги, так и векселя. Для уплаты за полученные товары купец мог направить за море их поставщику вексель на свое имя. Поставщик предъявлял его к оплате в банк или в торговую фирму, где получатель товаров пользовался кредитом. Чаше находившиеся в России иностранцы расплачивались со своими европейскими поставщиками товарами, закупленными на русском рынке. Но так как в целом за море вывозилось товаров на большую сумму, чем продавалось в России, зарубежные торговые фирмы должны были направлять сюда наличные деньги. По векселю они пере-

вести их не могли, так как в России коммерческий кредит практически отсутствовал. Нередко большие суммы денег поступали из-за моря на тех же кораблях, что и товары. В 1722 г. гамбургские купцы П. Конов и Ф. Поппе получили 13 мешков сфимков весом около 12 пудов, а англичанин Ф. Морли в 1719 г. — 63 мешка сфимков²¹.

Особых забот требовал наем кораблей. Так как практически все суда, прибывавшие в Россию из-за моря, были иностранными, то этим занимались обычно европейские партнеры торговавших здесь иноземцев. Наиболее крупные купцы и компании имели собственные суда и нанимали на них капитанов и команду. В Голландии, флот который и в XVIII в. пользовался славой «морского извозчика», в других странах существовали специальные фирмы судовладельцев, сдававших корабли в наем купцам. Фрахт в то время обходился недешево и составлял существенную часть накладных расходов. Известно, что доставка одного ласта (около 72 пудов) пеньки из Петербурга в Амстердам стоила 30-35 гульденов (примерно, 12% стоимости товара)²². Иностранцы могли и поднимать корабли друг у друга. Далеко не всегда купец, имевший или нанявший корабль, мог заполнить его собственным грузом. В этой связи интересна тяжба, которую затеяли в 1721 г. в Коммерц-коллегии англичане В. Парсонс и В. Вейд против голландца А. Бодиска²³. В распоряжении А. Бодиска было 4 торговых корабля. Кроме него на эти суда погрузили свои товары голландцы И. ван Акер, В. Борет, англичане К. Хогел, О. Вилкинс, Б. Веккель, курляндцы

П. Миль. Договорились о погрузке и Вейд с Парсонсом, но когда они доставили свою пеньку в порт, оказалось, что все места на кораблях уже заняты. После длительного разбирательства Коммерц-коллегия признала виновным Бодиска, обязав его выплатить истцам стоимость неотправленной пеньки, так как в соответствии с правилами, принятыми во всей Европе, он не имел права поэле договоренности с определенными лицами о погрузке отдавать места кому-то еще.

Морская торговля была в то время весьма рискованным предприятием. Известно немало случаев гибели судов на пути к Архангельску или на Балтике. В 1703 г. выбросило на мель корабль Х. Бранта; все товары погибли. В 1714 г. от кораблекрушения в Норвежском море большой урон понес С. Гарцан. Это во многом способствовало его разорению и банкротству. В 1721 г. у острова Даго (Хийумаа) разбился корабль И. ван Акера, а в 1725 г. в устье Северной Двины погиб вместе с товарами корабль гамбуржца Л. Бекена²⁴. Еще больший урон, чем непогода, наносили военные и каперские суда враждебных держав. В 1707 г. французы (напомним, что в то время Франция состояла в войне с Голландией и Англией) напали у Нордкапа (Северная Норвегия) на караван торговых судов, направлявшихся к Архангельску. Они сожгли 14 английских кораблей и 17 голландских. В том же году уже в непосредственной близости от русских берегов, у острова Кильдин, они взяли в плен 5 английских кораблей и еще захватили 12 голландских судов, стоявших на якоре в Варгусе, норвежском

порту на границе с Кольской землей²⁵. Примеры легко умножить. Русское правительство иногда выдавало иностранцам на их корабли специальные «пассы», где сообщалось, что данное судно находится под его высоким покровительством. В 1703 г. такого рода охранную грамоту получил М.Поппе, пользовавшийся расположением Петра I²⁶. Но далеко не каждый иноземец мог рассчитывать на получение подобного документа, да и он вряд ли мог защитить от нападения кораблей враждебных держав. Особенно напряженная обстановка сложилась на Балтике в середине 10-х гг. XVIII в., что препятствовало развитию торговли Петербурга. В 1714 г. шведское правительство заявило, что будут задерживаться все торговые суда, идущие к русским портам. Было захвачено несколько голландских кораблей, направлявшихся в Ригу. Агент в Голландии И. ван дер Бург доносил, что «...торговые люди Амстердама от сего случая zelo печальны и для того не желают впредь никаких кораблей к русским берегам отправлять». Владельцы судов потребовали за фрахт по 70 и 80 гульденов с лафта. Голландское адмиралтейство отказалось выделить военные корабли для проводки торговых судов²⁷. В конце Северной войны обстановка обострилась в результате ввода в Балтийское море английской эскадры адмирала Ф.Норриса. В 1719-1720 гг. судами эскадры было задержано несколько торговых кораблей, направлявшихся из Любека и Амстердама в Петербург и Ревель²⁸.

Поэтому торговые корабли нуждались в охране военного флота. Обычно они объединялись в це-

лые караваны, которые сопровождала эскадра военных кораблей, называемых «опасными». При этом в караване могли объединяться суда разных стран, как и сопровождала их эскадра, составленная из кораблей нескольких государств, о чем велись переговоры между заинтересованными адмиралтействами. Так, в 1708 г. караван английских, голландских и гамбургских кораблей сопровождали до Архангельска 9 военных судов, в том числе 5 английских²⁹. Организацией караванов и сопровождения занимались обычно крупные торговые фирмы на западе или целые объединения всех предпринимателей данной страны, торгующих с Россией, о чем речь шла в начале этой главы. Они же собирали с участников каравана средства, которые шли в казну, в оплату услуг военного флота. Иногда использовалась и помощь российского флота. Так, в 1716 г. генерал-адмирал Ф.М.Апраксин приказал взять под защиту корабль английского купца Ф.Коллинса, который был близок дому А.Д.Меншикова, оказывал некоторые услуги и семейству Апраксиных³⁰.

Конечно, никакая охрана не могла гарантировать сохранности кораблей и их грузов. Поэтому иностранные купцы широко использовали страхование товаров, отправляемых морем. Страховые расходы составляли от 0,5 до 6% стоимости товара³¹.

Определенные расходы иноземцы несли и в порту по прибытии кораблей: на разгрузку, погрузку, складирование товаров. Кроме того, большие морские суда не всегда из-за мелководья могли подойти непосредственно к пристаням, где выгру-

жались товары. Так, у Петербурга они, как правило, не могли пройти дальше острова Котлин и бросали якорь у Кроншлота. В Архангельске многие суда останавливались у входа в Березовское устье Северной Двины. От места их стоянки до пристани товары перевозились в малых судах, которые в Архангельске назывались карбасы, а в Петербурге — эверсы или лихтеры. Их владельцами были местные русские купцы, которые платили с этого промысла в казну пошлину (оброк). В Петербурге за провоз до Кроншлота они брали 1,5 деньги с пуда, в Архангельске — 2 алтына 2 деньги³² (1 алтын = 3 копейки, 1 денга = 0,5 копейки).

Важнейшей статьёй накладных расходов, которые несли торговые иноземцы, были таможенные пошлины. До 1724 г. основополагающим документом, регламентирующим сбор пошлин с внешне-торговых операций, был Новоторговый устав, принятый еще в 1667 г. по инициативе выдающегося государственного деятеля России того времени боярина А.Л.Ордина-Нащокина³³. Он уже тогда пытался проводить в жизнь принципы меркантилизма, ратовал за всестороннее развитие внешней торговли России, вместе с тем стремился к разумному ограничению деятельности иноземцев, чтобы защитить от их конкуренции русских купцов, особенно страдавших от нее на внутреннем рынке. В соответствии с уставом обложение торговли иностранцев в порубежных пунктах и на внутреннем рынке существенно различалось.

В порубежных портах иностранные купцы могли торговать без всяких ограничений с уплатой по-

шлины в 5% с весовых товаров и 4% — с невесовых. В том же размере взимались пошлины и с русских торговых лядей. Но иностранцы были обязаны платить их только золотыми или серебряными монетами европейской чеканки³⁴. Обычно это были серебряные талеры, широко распространенные в германских государствах, странах Северной Европы и активно использовавшиеся иностранными купцами в русской торговле. В России эти монеты получили название ефимков. (Впервые монеты такого типа были выпущены в XIV в. в Изахимстале в Богемии — ныне Яхимов в Чехии — отсюда их полное название — иоахимсталер. Русское слово «ефимок» произошло от первой части этого наименования, вторая его часть сохранилась в названии ряда зарубежных валют — талер, далер, доллар).

Пошлины взимались с каждой торговой сделки, но только с продавца. Имелось в виду, что покупатель будет платить пошлины, когда в свою очередь станет сбывать данную партию товара. Иностранные купцы, закупив в России товары, оплаченные пошлиной русскими продавцами, обычно отправляли их за границу. В Новоторговом уставе ничего не говорится о взыскании с них в этом случае специальной пошлины. Однако там есть статья об освобождении иностранцев от уплаты пошлин с вывоза русских товаров, если они куплены на деньги, вырученные от продажи в России европейских товаров. Следовательно, они оплачивали пошлиной отпуск за море только тех товаров, которые были куплены на свободные

деньги, полученные ими из-за рубежа. Так сложилась практика сбора пошлин «с большого конца», которая применялась и в начале XVIII в. Пошлины рассчитывались либо со стоимости вывезенных за море товаров, либо со стоимости проданных в России, в зависимости от того, какой сумма больше. Если больше стоили проданные товары, то все вывозимое за море приобреталось на вырученные в России деньги, освобождалось от пошлин, и достаточно было оплатить продажу импортных товаров. Если больше стоили товары, отправляемые за море, то с них и взималась пошлина, так как их стоимость включала выручку от продажи в России и свободные деньги, истраченные на закупку русских товаров.

Подобная практика была возможна потому, что по Новоторговому уставу пошлины взимались в виде определенного процента стоимости товара, вне зависимости от его номенклатуры. Такой принцип расчета пошлин не позволял эффективно влиять на структуру экспорта или импорта, поощрять или сдерживать ввоз и вывоз определенных видов готовых изделий, сырья, полуфабрикатов в зависимости от потребностей экономического развития страны. Это возможно при установлении пошлин для каждого товара отдельно. Они могут взиматься как определенный процент с цены (адвалорные пошлины), так и в расчете с количества или меры того или иного товара (специфические пошлины).

Тенденция к введению такого рода дифференцированных пошлин намечается уже в Новоторго-

вом уставе и усиливается в эпоху правления Петра I. С целью защиты казенной монополии на торговлю вином устав вводил очень высокие пошлины на импорт иностранных вин, всегда дорогих, а при увеличении пошлины ставших еще дороже и доступных только для узкого круга самых богатых людей. С алкана, малвазини, мушкетеля взималось по 60 ефимков с бочки, с романен — 40 ефимков, с ренского — 20 ефимков. Эти пошлины достигали половины стоимости вина, что привело к значительному сокращению его ввоза к концу XVII в. В начале XVIII в. потребление иностранных вин в среде боярства и дворянства в связи с «европеизацией», проводимой Петром I, возрастает, возникает необходимость расширения его ввоза. Это приводит к уменьшению пошлин на импорт вина. На ренское вино они были сокращены в четыре раза и составили 2,5 руб. (или 5 ефимков с бочки)¹⁵. Ренское невысокого качества стоило 20 руб. бочка, следовательно пошлина составляла 12,5% цены. Лучшие сорта ренского продавались по 40 руб., в этом случае пошлина не превышала 6%. Тем самым в наибольшей степени затруднялся доступ на русский рынок дешевых вин, дабы обеспечить незаблемость казенной торговли спиртным, предназначенным для широких слоев населения.

Но по мере развития отечественной промышленности в таможенном законодательстве необходимо было предусмотреть ее защиту от иностранной конкуренции, т.е. ввести высокие покровительственные (протекционистские) пошлины на ввоз изделий, которые производились и на рос-

сийских мануфактурах. Первые шаги правительства в направлении протекционизма последовали далеко не сразу и были весьма осторожными. В 1718 г. было решено ввести запрет на ввоз позументов, как только их производство будет налажено на фабрике Алексея Милюткина. В 1719 г. была установлена заградительная пошлина в 100% на ввоз иголок, так что их легальная поставка в Россию потеряла всякий смысл. Также был запрещен ввоз краски-бакан³⁶. Наибольшего развития протекционистские идеи в таможенном законодательстве достигают в конце правления Петра I. В 1724 г. был принят первый в истории России Таможенный тариф³⁷. В отличие от предыдущих узаконений он представлял собой роспись всех экспортных и импортных товаров с обозначением пошлины по каждому из них. На ввоз многих изделий, которые, по мнению правительства, в достаточном количестве можно было производить в России, устанавливались очень высокие заградительные тарифы. При продаже скатертных полотен, парчи, тафты иностранцы должны были платить пошлину в 75% стоимости. 50%-ной пошлиной облагался ввоз бархата, тонких полотен. Весьма высокими (до 25%) были пошлины и на бумагу, табак, чулки, шляпы, многие виды сукон. К ввозу в Россию поощрялись лишь сырье для отечественных мануфактур и некоторые нужные товары, здесь не производившиеся — сахар-сырец, медикаменты, чернила и др. На них была установлена пошлина в 3%, т.е. чуть ниже, чем взималось ранее по Новоторговому уставу. Также в основном 3%-ной по-

шлиной были обложены русские товары при отправке за море. Это предпринималось для поощрения русского экспорта, поскольку как и прежде в соответствии с принципами меркантилизма правительство стремилось к достижению активного торгового баланса, т.е. к превышению экспорта над импортом, чтобы иметь внутри страны как можно больше звонкой монеты. В увеличении денежных доходов была крайне заинтересована и государственная казна, поэтому Тариф 1724 г. отличается не только своим ярко выраженным протекционизмом, но и четкой фискальной направленностью. Он издавался с расчетом на резкое повышение поступлений в казну из таможен: общая сумма пошлин по Тарифу 1724 г. возросла по сравнению со сбором, рассчитываемому по Новоторговому уставу в 2,3 раза³⁸.

Этот Тариф вызвал волну жалоб и протестов со стороны иностранных купцов. Они указывали, что многие пошлины чрезмерно высоки, грозили сокращением привоза в Россию зарубежных товаров, а следовательно и сокращением экспорта. В некоторых представлениях говорилось и о неминуемом всплеске контрабанды. Иностранные компании жаловались и на то, что они не были своевременно предупреждены о введении нового Тарифа. Правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки. Некоторым иноземцам, как например англичанину Ф.Гардиеру, по его просьбе, уплата пошлин была отложена. Всем иноземцам было разрешено продать с уплатой пошлин по Новоторговому уставу товары, привезенные до 1724 г.³⁹

После смерти Петра I уступки продолжались. Становилось очевидным, что многие ставки Тарифа завышены, русские мануфактуры еще не в состоянии насытить рынок многими товарами. Ширилась контрабанда, поступали новые жалобы со стороны иноземцев⁴⁰. Была создана Комиссия о коммерции, которая занялась пересмотром таможенного тарифа. Новый Тариф был издан в 1731 г.⁴¹ Он оказался весьма умеренным, на большинство импортных товаров пошлины не превышали 10%. Те товары, производство которых в России налаживалось, облагались не слишком высокой покровительственной пошлиной в 20% (бумага, краски, парусина и т.д.). Пошлины по большинству товаров в этом Тарифе рассчитывались не в зависимости от цены, а с единицы меры, веса или счета. Комиссия о коммерции отказалась от адвалорного принципа обложения, так как во время действия и Новоторгового устава и Тарифа 1724 г. русские и иностранные купцы с целью уменьшения сумм пошлин объявляли цены на товары ниже фактических.

Определенные проблемы существовали и в практике таможенных сборов с иностранных купцов. Так как долгое время применялся принцип расчета пошлин «с большого конца», торгующие в Архангельске иноземцы платили пошлины обычно в зимние месяцы после подведения итогов торговли за год. Нередко они откладывали уплату, ссылаясь на неимение наличных ефимков, и оставляли в таможе долговые письма с обязательством расплатиться позже, иногда в Москве, куда наме-

ревались отправиться «для торговых дел». В Москве иностранцы расплачивались ефимками, которые они получили где-либо в России, а не из-за моря. Казну это не устраивало, так как она была заинтересована в поступлении серебряной монеты из-за рубежа. В 1707 г. Петр I в письме обер-инспектору Ратуши, известному прибыльщику А.А.Курбатову требовал брать с иноземцев ефимки только в Архангельске, «а в Москве и других городах отнюдь не брать»⁴². Вряд ли это распоряжение выполнялось. В 1710 г. 12 иностранных купцов (из 94), торговавших в Архангельске, не доплатили 50 пудов пошлинных ефимков (2-% всего сбора) и обязались уплатить их в Москве через несколько месяцев⁴³. Чтобы добиться своевременного поступления пошлин и увеличить их сумму, правительство в 1712 г. отменило систему расчета «с большого конца». Отныне предписывалось взимать пошлины сразу по прибытии корабля и янки товаров⁴⁴. Насколько последовательно этот указ проводился в жизнь, сказать трудно — так, в указе о торговых контрактах от 1719 г. вновь упоминается о расчете пошлин «с большого конца»⁴⁵. Кроме товаров, иностранцы получали из-за рубежа «припасы про своей домашний обиход», которые также облагались пошлиной, но не в ефимках, а в русской монете. Но на практике эти сборы взимались далеко не всегда. В 1710 г. ни один иностранный купец не оплатил пошлиной полученные для себя «припасы». Недоимка по этим платежам накапливалась из года в год, а в 1718 г. была с иноземцев списана. Правда, после этого их обязали оплачивать

«припасы» наравне с товарами, т.е. ефимками⁴⁶.

Наряду с собственно таможенными пошлинами с иностранных купцов на таможнях и в портах взимали некоторые мелкие сборы, которые в правление Петра I подробно регламентируются. В 1699 г. устанавливается сбор пшенич денег — по 1 деньге с рубля пошлин⁴⁷. В 1705 г. вводятся весовые деньги — 1 деньга с пуда взвешиваемого тонара. С пеньки следовало платить по 2 деньга с 10 пудов, но на практике брали, как и с прочих товаров — по деньге с пуда⁴⁸. С целью увеличения поступления в казну иностранной монеты в 1702 г. вводится дополнительный ефимочный сбор с продажи пеньки и юфти — по 2 ефимка с пуда. Вместо этих ефимков казна выдавала русские серебряные деньги по принудительному курсу. Казалось, этот сбор имел непосредственного отношения к иностранцам, так как продавцами пеньки и юфти являлись русские купцы, которые и должны были отдать в казну часть полученных с иноземцев ефимков. Но нередко этот дополнительный сбор за русских продавцов платили иностранные купцы. В 1710 г. в Архангельске К. Гутфельд заключил 25 сделок по закупке пеньки — в 19 случаях именно он уплатил эти ефимки⁴⁹.

При введении все новых и новых сборов такого рода правительство использует и опыт западноевропейских стран. В 1704 г. по предложению вице-адмирала К. Крөйса был введен корабельный или ластовый сбор. С каждого корабля, прибывающего в Архангельск, следовало платить по пол-ефимка с ластва водоизмещения⁵⁰. В 1710 г. были установле-

ны боевые, маячные, вожевые (лоцманские) деньги с английских кораблей. Они соответствовали аналогичным сборам, взимаемым с иностранных судов в лондонском порту: боевые и маячные по 1/3 пенса с каждой корабельной «бочки» (очевидно — единица водоизмещения) и вожевые — 20 шиллингов с корабля. Вскоре эти сборы были распространены на корабли всех стран и объединены с ластовым сбором и упрощены в расчете — с каждого судна стали взимать по 5 золотых монет⁵¹. Наконец, в 1724 г. в Петербурге, Нарве, Архангельске и Коле было велено взимать огневые деньги по 1 руб. с корабля в 10 ластов (именно столько брали в Риге «при шведском владении»), а также экерские, стемпельные и ярлычные деньги «по примеру других государств». Экерские сборы платились с товаров, перевозимых в бочках — с вина — 10 коп., сала — 3 коп., смолы и пека — 0,5 коп. с бочки. С клеймения сукон брали стемпельные деньги по 1/3 и 1/4 коп. с рубля цены. При получении в таможне ярлыка, в котором отмечалась уплата пошлин, что означало разрешение на вывоз или продажу товаров, купцы платили ярлычные деньги — от 5 до 10 коп.⁵² Эти сборы пополняли казну, расходовались на жалованье таможенным служителям (весовщикам, писарям и т.д.), а также на оборудование порта, содержание буев, маяков, лоцманской службы.

В 1724 г. одновременно с Таможенным тарифом был принят Морской торговый устав, который подробно и обстоятельно регламентировал торговлю в порубежных портах⁵³. Многие положения

Новоторгового устава были пересмотрены, учтены нововведения первой четверти XVIII в., подтвердились в основном все упомянутые выше мелкие сборы. В соответствии с Морским торговым уставом иностранные купцы должны были платить пошлины непосредственно при выгрузке, а затем при погрузке товаров, не ожидая конца торгового сезона. Не допускалось отправление кораблей с грузом до уплаты пошлин. Наравне с товарами облагались припасы и провиант, не вималась лишь пошлина с провианта команды корабля, если она не превышала 2 ефимка (для капитана — 4 ефимка).

Большое внимание уделяется борьбе с контрабандой, уклонением от уплаты пошлин. Морской торговый устав в основном подтвердил порядок, сложившийся в русских портах к этому времени. При подходе торгового корабля к порту его встречало военное судно брандвахты с таможенными служителями на борту. Они досматривали груз на прибывшем корабле, сверяясь с консоментом, имевшимся у капитана, проверяли, нет ли запрещенных товаров (например, оружия). С целью предотвращения эпидемий велись расспросы, нет ли в странах, откуда прибыл корабль, «морového поветрия». Только после этой проверки судно могло следовать в порт. Военным кораблям, сопровождавшим торговый караван, доступ в порт запрещался. Эти меры, как и другие, вводимые Морским торговым уставом, аналогичны правилам, существовавшим в европейских странах. Достаточно сравнить устав и голландский плакат о таможенных сборах 1725 г.⁵⁴ И там и здесь говорится о

контроле за торговыми судами с брандвахты при подходе к порту, о погрузке и выгрузке товаров только в дневное время, о праве досмотрщика требовать разгрузить корабль при подозрении в контрабанде для вторичной проверки (но если контрабанды не окажется — он будет возмещать убытки), об освобождении от пошлин грузов на кораблях, зашедших в порт для ремонта или зимовки.

Все это касалось сбора пошлин и порядка торговли в порубежных портах. Существенно иначе регламентировалась деятельность иностранных купцов на внутреннем рынке. Так, после высылки англичан из Москвы в 1649 г. и в соответствии с Новоторговым уставом 1667 г. иностранные купцы могли торговать на внутреннем рынке только при наличии у них специальных жалованных грамот «с красной печатью». Кроме того, отправляясь с товарами во внутренние города, иностранцы должны были платить специальную проезжую пошлину в 10%, а при продаже — еще 6% с цены. Русские купцы проезжих пошлин не платили, а при продаже товаров с них вимались обычные 4-5%. Новоторговый устав запрещал также иностранцам повсеместно торговать друг с другом и в розницу. Во внутренних городах не допускалась торговля иностранцев с приезжими купцами⁵⁵. Эти нормы Новоторгового устава должны были в той или иной мере оградить торговлю русских купцов от конкуренции иностранцев. Они действовали и на протяжении всего правления Петра I, не были отменены при его ближайших преемниках. Насколько реально они соблюдались на практике, будет ясно при

рассмотрении торговых операций иностранцев на внутреннем рынке и в портах.

Таким образом в таможенном законодательстве, регламентации торговой деятельности иностранных купцов отразились основные тенденции экономической политики Петра I, многие аспекты его преобразований. Во-первых, налицо стремление правительства обеспечить фискальные интересы, добиться возможно большего поступления таможенных доходов, увеличить приток в казну золотой и серебряной монеты европейской чеканки, которая затем с прибылью переделывалась в русские деньги. Во-вторых, продолжается начатая еще в середине XVII в. линия по защите русских купцов от конкуренции иностранцев, развивается протекционистская политика и по отношению к отечественной промышленности. В-третьих, вместе с тем очевидно стремление правительства всемерно развивать внешнюю торговлю России, что немислимо без привлечения в страну все новых и новых отрядов западноевропейского купечества, отсюда и заинтересованность в торговле иностранцев в России, и колебания в таможенной политике, чтобы «не отогнать» их от русского рынка, уступки иноземцам, учет их жалоб и требований, отказ от ряда чрезмерных сборов. В-четвертых, для таможенной политики этого периода характерно активное использование зарубежного опыта, приведение местных принципов пошлинного сбора, порядка торговли в соответствие с нормами, принятыми в большинстве европейских стран. В целом в таможенной политике России начала XVIII

в. не было ничего необычного и чрезвычайного, она была весьма типична для любого европейского государства в начале эпохи новой истории, расцвета меркантилизма и протекционизма, активизации морской торговли как важнейшего фактора экономического процветания страны.

Определенной регламентации подвергались и иные стороны жизни и деятельности иностранных купцов. Некоторые ограничения для них, как для иностранцев вообще, существовали еще с допетровских времен. В середине XVII в. было ужесточено законодательство о местах проживания иноземцев. В Москве им запрещалось жить в Белом и Китай-городе, а также на посаде и в слободах⁵⁶. Все иностранцы, выходя из Западной Европы, включая купцов, могли прожиться только в Немецкой слободе на Яузе, расположенной в 3-х верстах к востоку от Земляного вала — официальной границы города. Иногда она называлась Новонемецкой, так как возникла на месте Немецкой слободы, существовавшей здесь еще в XVI в. и разрушенной в Смутное время. Особые слободы для иностранцев существовали в Архангельске и Вологде, где проживали главным образом торговые люди. В 1710 г. в Архангельске имелось 35 иноземских дворов и 12 «порозжих мест» для них⁵⁷. Указания, ограничивающие иностранцев в выборе места жительства, нередко нарушались, а для начала XVIII в. подобные случаи стали весьма типичными. Так, в Москве на Чистых прудах имел дом К.Гутфель. Возможно, он использовал свое положение консула Англии. В Архангельске на

территории посада поставили свои дворы Е.Избрант, голландцы Д.Артман и И.Гутман, англичанин А.Меврел⁵⁸. В строившемся Петербурге иностранцы селились достаточно свободно. Очевидно, здесь каких-либо ограничений на этот счет не существовало. Больше всего иностранных купцов проживало на левом берегу Невы выше Адмиралтейства. Здесь жили многие англичане (В.Элмсалл, А.Ачкин), курляндец П.Миль и др. Этот район в документах начала XVIII в. назывался иногда «немецкой слободой». Но здесь же рядом с домами иностранцев стояли и дома русских людей — ремесленников, служавших Адмиралтейства. Иностранцы купцы проживали и в других районах города: на Петербургском острове (ныне Петроградская сторона) жили А.Свелленгребел, Я.Ролфинк, Е.Кизл, на Васильевском острове — торговый иноземец И.Биттнер, за Фонтанкой находились дома английских купцов В.Элмсалла, Ф.Гарднера, выходящая из Голландии С.Фандорта⁵⁹. У Фонтанки, «на дороге св. Александра Невского» (ныне — Невский проспект) стоял дом англичанина Г.Эванса⁶⁰.

Иностранным купцам запрещалось держать у себя дома товары, тем более торговать. Розничная торговля была им запрещена вообще, а для оптовой торговли и хранения товаров строились специальные иноземские гостиные дворы. Находящиеся здесь палаты и амбары казна предоставляла за плату в пользование иностранным купцам. Во второй половине XVII в. был построен обширный каменный гостиный двор в Архангельске. Этот комплекс включал русский гостиный двор и немецкий (ино-

земский). И до наших дней сохранилось несколько башен его стены, одна из которых возвышается над Северной Двиной, на мысу Пур-Наволок, в центре города, у последнего поворота великой реки перед ее разделением на рукава дельты. В начале XVIII в. на немецком дворе имелось 60 «палат», каждая из которых состояла из двух «житий» — верхнего и нижнего. Следовательно, иностранные купцы имели в своем распоряжении 120 помещений. Наем верхнего «жития» стоил 30 руб., нижнего — 33 руб. В 1710 г. все они были заняты, распределены между 58 наиболее активно торгующими в Архангельске иноземцами. Многие из них занимали по несколько помещений. Гамбуржец Ф.Гиз — 7, голландец И.Любе — 5, англичане А.Стейлс и Е.Бель — по 3. Верхнее и нижнее житие палаты № 48 были закреплены за московским торговцем иноземцем П.Вестовым. В палате № 60 находилась поварня. Здесь же в помещении, примыкавшем к палате № 1, размещалась таможня. Сохранились сведения об этом дворе и за 1724 г. Тогда было занято только 68 помещений, остальные пустовали. Это говорит об упадке внешней торговли города к концу первой четверти XVIII в. Интересно, что иноземцы, постоянно торговавшие в Архангельске, из года в год занимали одни и те же помещения (например, Ф.Гиз и в 1710 и 1724 гг. занимал палату № 7, С.Элеут — № 46, К.Фрейденс — № 24). Помещения могли переходить от отца к сыну. В 1724 г. Андрей ван Гевер хранил свои товары там же, где его отец Владимир хранил их в 1710 г.⁶¹

Энергичные меры принимались и по строительству гостиных дворов в Петербурге. Уже в 1705 г. возник первый гостинный двор на Петербургском острове на Троицкой площади. В 1710 г. он сгорел, и здесь же неподалеку был построен новый, более обширный, просуществовавший до 1736 г. Но иностранные купцы начинают активно действовать в Петербурге лишь в конце второго десятилетия XVIII в. С этого времени активизируются торговые связи новой столицы с заморским и внутренним рынками. В 1719 г. на Адмиралтейском острове у р. Мойки был возведен первый каменный гостинный двор. В 1736 г. он сильно пострадал от пожара и был построен заново еще дальше в глубь материка по «большой невиской прешпективной дороге». Но этот гостинный двор не был удобен для заморской торговли, большей частью здесь хранились товары русских купцов. В начале 20-х гг. XVIII в. открылось строительство обширного гостинного двора на Васильевском острове, у Малой Невы, которое было закончено в 1725 г.⁶² Именно этот гостинный двор и стал средоточием деятельности иностранных купцов в Петербурге. Здесь же разместились внутренние и портовая таможни.

Иностранные купцы нуждались в помощниках и просто слугах. Приглашать их всех из-за моря было весьма накладно. По российским законам иностранцам запрещалось иметь крепостных и каменных людей из русских, за исключением лиц, попавших в кабалу за неплату долга. В 1686 г. им было дано разрешение нанимать работников вольным наймом⁶³. Эти возможности иностранные

купцы широко использовали и в начале XVIII в. В Вологде у голландца Е. Дебаса жил работник И. Хлебников, у выходца из Нарвы К. Шварца имелся в услужении Г. Косолапов. В 1708 г. у нескольких английских купцов, проживавших в московской Немецкой слободе, находилось в услужении 48 человек, русских подданных⁶⁴. Это было типичным явлением и в дальнейшем. Так, в 1730 г. крестьянин села Грязовец Вологодского уезда Г. Иванов дал жилую запись английскому купцу Г. Эвансу «жить в его доме... и всякие домовые работы работать», причем без платы, а только за хозяйские стол, обувь и платье. В 1749 г. в Архангельске Матрена Сидорова отдала в услужение голландскому купцу А. Бахману свою 12-летнюю дочь Дарью сроком на 4 года «только из хлеба и платья»⁶⁵. Возможно, в начале XVIII в. у иностранных купцов, несмотря на запрет, были и крепостные люди. В 1746 г. Сенат по представлению Синода указал всем иностранцам, в том числе и купцам, «продать своих крепостных в месяц»⁶⁶.

Иногда русские торговые люди служили у иностранных купцов в качестве приказчиков или «сидельцев». Известны К. Мурасов — приказчик П. Вестова, П. Кондратьев — приказчик гамбургца А. Римшнейдера. Нередко это были несостоятельные должники иноземцев, отданные им «в зажив головой», как например, известный московский купец кадашевец А. Турчанинов, служивший у П. П. Вестова⁶⁷.

Но в большинстве случаев приказчиками иностранных купцов были их соотечественники. Так,

на архангельской ярмарке 1710 г. у иноземцев не было ни одного русского приказчика. Даже у П.Вестова здесь работали А.Фарьос и Ф.Аусен. Некоторые иностранцы имели целый штат приказчиков, конторщиков, писарей. У Г.Эванса на службе состояли Т.Кори, Р.Иванов, И.Федоров, Р.Алдринг⁶⁸. (Иванов и Федоров были англичанами — их фамилии, занесенные в таможенные документы, образованы от имен отцов, в соответствии с русской традицией). Приказчики имели широкие полномочия, могли торговать от имени своего хозяина. Нередко они совершали основную массу сделок, о чем свидетельствуют торговые записи англичанина Ф.Морли, гамбуржцев П.Конова и Ф.Поппе, от имени которых действовали их приказчики — Ю.Виншип, Н.Распер, З.Фалк⁶⁹. Они же обычно вносили пошлины, иные платежи за своих хозяев, направлялись в другие города. В Коле торговал «фактор» И.Поппе и Ф.Гиза И.Андреев, позднее здесь скупал продукты морских промыслов от имени гамбуржца К.Мейера Я.Шмит. Приказчиком Ф.Гиза в Москве был И.Викхорт⁷⁰. Наличие у иностранных купцов приказчиков с широкими полномочиями позволяло им вести торговые операции во многих местах, переложить основную массу текущей работы на своих помощников, чтобы сосредоточиться на общей организации закупок и отправки товаров, переговорах с казной, расчетах с европейскими партнерами. Из приказчиков-иностранцев вышло немало известных купцов. Братья Пели были сначала приказчиками у Д.Артмана, к концу первого десятилетия XVIII в. они стали са-

мостоятельными купцами и по товарообороту намного превзошли своего прежнего хозяина. Гамбуржец Т.Фрей какое-то время был приказчиком у Ф.Гиза. Да и сам Ф.Гиз начинал свою торговую карьеру в России со службы в приказчиках у М.Поппе. Есть и обратные примеры — гамбуржец А.Фарьос, приказчик П.Вестова в 1710 г., в конце XVII — начале XVIII вв. был самостоятельным купцом⁷¹.

Специальное законодательство существовало и в отношении въезда-выезда иностранных купцов. Доступ их в Россию при Петре I был в принципе свободным и даже поощрялся. Выезд иностранных купцов, особенно тех, кто длительное время здесь находился, регламентировался достаточно строго. В течение всей Северной войны запрещался выезд шведских подданных. Для остальных требовалось ручательство других иностранцев, что отъезжающий не является шведом, и справка из таможни об уплате пошлин. Так, в 1705 г. добились разрешения на выезд голландец А. ван Сонм. Оно было ему дано только после подтверждения из таможни об уплате пошлин и ручательства московского иноземца, переводчика Посольского приказа П.Коета, что ван Сонм — не шведский подданный⁷². В дальнейшем контроль за передвижением иностранцев был усилен. В соответствии с рядом указов 1719-1721 гг. иноземцы по прибытии в Петербург должны были регистрироваться в Полицейской канцелярии⁷³. При отъезде им необходимо было получить пас или абшит в Коллегии иностранных дел, представить поручителей в отсутствие долгов казне и частным лицам. Если по-

сле отъезда иноземца такие долги где-либо объявлялись, они взыскивались с поручителей. В 1722 г. получил пас на выезд из Архангельска голландский купец Ф. Свавент. За него поручились жители Петербурга торговые иноземцы Т. Трескот и В. ван Гувен. Но еще один иноземец из Петербурга К. Кервидер обратился с жалобой, что Свавент должен ему 1658 руб., и того не отпустили. Свавент приехал в Петербург доказывать, что челобитые Кервидера «напрасно», уверяя, что в Голландии «обычая дачи пасов не имеется». Дело тянулось около двух лет и чем кончилось, неизвестно⁷⁴. Еще в 1718 г. Россию покинул один из наиболее активно торговавших здесь голландских купцов И. Любс. Он имел обширные контакты с казной и остался должен ей около 80 тыс. рублей. Правительство заявило, что будет удерживать в России семью Любса до тех пор, пока долг не будет погашен⁷⁵. Столь жесткая регламентация выезда иностранных купцов, конечно, затрудняла их торговую деятельность, но в какой-то мере была оправдана. Получить долг с иностранца из-за рубежа, и тем самым пресечь ущерб казне или отдельным лицам, было чрезвычайно трудно. Во всяком случае для российских властей намного труднее, чем для властей западноевропейских стран, теснее и ближе связанных друг с другом, имевших эффективные суды по долговым искам, поэтому неудивительно, что в Голландии не было обычая давать пасы отъезжающим купцам.

Как видим, деятельность западноевропейских купцов касалась компетенции многих ведомств.

Но в течение долгих лет основным государственным органом, ведавшим ими, как и всеми иностранцами, был Посольский приказ. После учреждения в 1719 г. Коммерц-коллегии иностранные купцы перешли в ее ведение⁷⁶.

Деятельность торговых иноземцев регламентировалась не только русским законодательством. Во взаимоотношениях их между собой, с зарубежными партнерами применялись и нормы, существовавшие в европейских странах. Иногда их учитывали и русские суды, как в упомянутом случае с погрузкой пеньки на корабле А. Бодиска. Внутри своей общины иностранцы могли устанавливать и особые правила, о которых договаривались совместно. В 1708 г. 26 голландских купцов подписали между собой договор, где обязались решать спорные вопросы с помощью избранных из своего круга посредников и не обращаться в русские суды. Они избирали поверенного для «хождения по делам» общины или, как тогда говорили, «компаний» купцов данной страны⁷⁷. На общие расходы, помощь друг другу, вдовам и сиротам учреждались особые сборы по специальному тарифу. Подобные правила существовали и у английских и гамбургских купцов. Поверенные (позднее «бурмистры») их компаний отстаивали интересы купцов своих стран перед правительством в течение всей первой четверти XVIII в. и особенно после издания Тарифа 1724 г.

Интересы западноевропейских купцов в России отстаивали и дипломатические представители соответствующих стран. Вопросам торговли постоян-

но уделяли большое внимание чрезвычайный английский посланник при Петре I Ч. Витворт (с 1710 г. — посол), голландский Я. де Би и другие. Помощь купцам своей страны являлась главной обязанностью консулов. Они впервые появляются в России именно в правление Петра I, что обусловлено существенным расширением торговых контактов с европейскими странами. Неслучайно они, как правило, назначались из купцов (как все тот же К. Гутфель), должны были профессионально разбираться в вопросах торговли. В 1725 г. был выслан обратно английский консул Я. Ден, которого не приняли английские купцы как не сведущего в торговых делах. В 1728 г. консулом Англии стал Т. Вард, торговавший в Архангельске еще в 1710-1713 гг.⁷⁸

Таким образом, условия торговой деятельности иностранных купцов в России были весьма не простыми. Определенные ее ограничения устанавливались в связи с таможенной политикой российского правительства, в чем-то осложняло вмешательство бюрократических органов. Seriously затрудняла морскую торговлю международная обстановка, длительные войны, которые шли в Европе в начале XVIII в. Накладные расходы западноевропейских купцов, включая все виды пошлин, сборов, фрахт, страховые деньги и т.д. достигали 30% стоимости товара⁷⁹. Но, видимо, прибыль от этой торговли была еще выше, поэтому деятельность иностранных купцов в России в течение всей первой четверти XVIII в. постоянно развивается несмотря ни на что. Все же торговые иноземцы в

России имели достаточно средств и возможностей для обеспечения связей с европейским и мировым рынком. Русское правительство способствовало развитию торговли в порубежных портах, всем иноземцам были предоставлены равные права, нередко учитывались их заботы и претензии. Регламентация иностранной торговли в России все больше и больше сближалась с нормами и правилами, принятыми в европейских странах. С другой стороны, Россия, как и иные державы в ту эпоху, двигалась по пути меркантилизма и протекционизма, использовала свой суверенитет, охраняя отечественную торговлю и промышленность от конкуренции иностранцев.

Торговля западноевропейских купцов
в Архангельске, Петербурге,
других российских портах
на Севере и на Балтике

Итак, основная масса товаров из России в страны Западной Европы и обратно доставлялась морем. Главные торговые партнеры России — Англия и Голландия — являлись ведущими морскими державами. Подавляющее большинство западноевропейских купцов действовали именно в порубежных портах — либо на Белом море, либо на Балтике.

Конечно, Россия имела торговые связи с европейскими странами и через сухопутную границу, и об этом здесь следует сказать несколько слов. С древнейших времен существовал торговый путь через Киев на запад в Галицию, Польшу и далее в Германию, который связывал с русским рынком такие крупные торговые города Центральной Европы, как Вроцлав, Лейпциг, Франкфурт, славившиеся своими ярмарками. Определенное значение имели пути, пролегавшие севернее через Варшаву или вдоль южного берега Балтийского моря — через Ригу, Кенигсберг, Гданьск — этот путь, как самый короткий из России в Северную Германию, Голландию, Англию, активно использовался дипломатами, курьерами, просто пассажирами, здесь

перевозили и почту торговых иноземцев. Товары доставлялись в основном гужевым транспортом, отчасти использовались крупные реки. Но торговля через сухопутную границу была весьма незначительной по сравнению с оборотом крупных портов, куда морские суда доставляли разом неизмеримо большие партии товаров. Кроме того, в начале XVIII в. сухопутная торговля резко осложнилась в связи с Северной войной. Еще более тяжелый урон понесла она вследствие указа 1714 г., который запрещал вывоз по суше за границу сала, юфти, пеньки, других важных экспортных товаров. Тем самым правительство стремилось активизировать морскую торговлю страны, прежде всего через Петербургский порт. Лишь в 1723 г. эти ограничения были сняты (за исключением льна и пеньки)¹. Большая часть этого товарооборота приходилась на торговлю России с землями, находившимися в составе Речи Посполитой. Обращались здесь и товары из стран Западной Европы. Но и они доставлялись в основном торговцами из польских, украинских, белорусских, русских городов. В таможенных документах Великих Лук, Торопца, Смоленска, Брянска, Севска, Путивля, других торговых пунктов на западной границе имена западноевропейских купцов практически не встречаются. Правда, в Смоленске и Витебске в начале XVIII в. зафиксированы торговые операции голландцев Я.Секкербакера и И.Гутмана². Но они отправляли закупленные ими товары по Западной Двине в Ригу, откуда те морем вывозились в Европу. Известно, что в Риге, Кенигсберге, Гданьске, других пор-

тах Юго-восточной Прибалтики действовали торговые компании из Англии, Голландии. Но они обеспечивали торговлю своих стран с Речью Посполитой, опираясь на эти порты, «хинтерландом» которых были Прибалтика, Польша, Белоруссия, но не Россия³.

Хинтерландом (от нем. «земля позади») иногда называют территорию внутри страны, откуда товары поступают к какому-либо порту. Если говорить о России, то ее северо-западные земли входили в хинтерланд некоторых портов Северо-восточной Прибалтики, ведущая роль среди них принадлежала Нарве, которая издавна имела теснейшие связи с Новгородом и Псковом и называлась обычно на Руси — Ругодив. С конца XVI в. Нарва вошла в состав Швеции, ее торговля оказалась под контролем этой державы и в королевскую казну в Стокгольме поступали значительные таможенные доходы. Однако это не стимулировало развитие внешней торговли России через Балтику, пока она не имела здесь выхода к морю. Тем не менее в течение всего XVII в. через Нарву на русский рынок проникали многие западноевропейские купцы, прежде всего англичане, а также голландцы. Активно посредничали в этой торговле и нарвские купцы, которые поддерживали контакты как с заморскими купцами, так и с русскими, которые приезжали в Нарву⁴. Некоторое значение в развитии связей русского и европейского рынков имел Ревель, но его хинтерланд практически не распространялся за пределы современной Эстонии. Весьма оживленная торговля проходила через Ниен-

шанц (Канцы), который находился на Неве, в устье р.Охты. В 90-е гг. XVII в. здесь бывало до 50 иностранных судов. Однако сохранившиеся источники не позволяют определенно судить о том, из каких именно стран прибыли корабли, были ли в Ниеншанце западноевропейские купцы и какова их роль в торговых связях этой гавани⁵. Скорее всего большая часть иностранных судов прибывала в Ниеншанц к местным купцам, шведским подданным (по национальности — немцам, шведам, финнам, русским), имевшим прямые торговые контакты с торговыми фирмами Любека, Гамбурга, Голландии, Англии.

Начавшаяся в 1700 г. Северная война прервала внешнеторговые связи России через балтийские порты. Скоро эти города стали ареной военных действий. В 1704 г. Нарва была взята штурмом русскими войсками, город подвергся разграблению, многие его жители, в том числе купцы, были выселены. Еще в 1701 г. с целью подрыва торговли шведской Прибалтики Петр I издал указ об отправке русских экспортных товаров только в Архангельск⁶.

Поэтому в первые полтора-два десятилетия XVIII в. внимание иностранных купцов было приковано почти исключительно к Архангельску. С момента своего основания (по современным уточненным данным, это произошло не позднее 1583 г.⁷) Архангельск стал главным портом в торговле России с европейскими странами, так как только на Севере она имела выход в открытое море. До основания Петербурга именно Архангельск был для России «окном в Европу». Как торговый порт, он

имел существенные недостатки: далек и опасен был путь до британских, голландских, немецких берегов, пролегавший через суровые северные моря; слишком коротким (около 4 мес.) был период навигации, когда Белое море, особенно его «горло», и устье Северной Двины были свободными ото льда. В то же время, несомненным достоинством Архангельска являлось отсутствие здесь каких-либо посредников, как это было на Балтийском море, большинство портов которого принадлежало Швеции, а выход из него вел через Зундский пролив, где надлежало платить пошлину датчанам. Кроме того, из Архангельска внутрь России вела удобная магистраль — полноводная Северная Двина. Все это способствовало расцвету внешней торговли Архангельска в течение всего XVII и в начале XVIII вв. Ежегодно, примерно в конце мая, в начале короткого северного лета в устье Северной Двины появлялись первые иностранные корабли. Они или карбасы с выгруженными с них товарами подходили прямо к гостиному двору в центре города, где швартовались у специально устроенных «мостов» (т.е. причалов): английского или голландского (существовал еще «русский мост»). Начиналась архангелогородская ярмарка, на которую съезжались купцы со всей России. В течение июня-июля приходило еще несколько торговых караванов по 20-30 судов в каждом. Ярмарка продолжалась до конца сентября, с таким расчетом, чтобы последние иностранные корабли могли уйти до того, как устье Двины и Белое море будут скованы льдом. Тех, кто не успевал, ожидала незавидная

участь зимовки в приполярных широтах, и хорошо, если в Архангельске — иногда некоторые суда оказывались в ледяном плену где-то у Зимнего берега Белого моря.

Торговля на ярмарке находилась под неуслышимым контролем таможенных властей. Еще в XVII в. на время работы ярмарки в Архангельск из Холмогор, столицы Двинского края, перебирался таможенный голова, избираемый ежегодно из крупнейших русских купцов — гостей, со своим многочисленным штатом: целовальниками, подьячими⁸. Из обширной документации Архангелогородской таможни сохранились лишь незначительные ее фрагменты. Но полностью дошли до нас счетные выписи таможни за 1710 г.⁹ В них отразились торговые операции всех иностранцев, находившихся в Архангельске в том году. А поскольку в это время здесь проходило до 100% товарооборота России с западноевропейскими странами, на основании выписей мы можем получить почти исчерпывающее представление о деятельности иностранцев по закупке и продаже всевозможных товаров, их торговых партнерах на русском рынке вообще. (Конечно, нужно иметь в виду, что какая-то часть товаров утаивалась от таможенников и в выписях не зафиксирована).

Всего в 1710 г. в архангелогородской ярмарке приняли участие 94 купца из европейских стран: 38 голландцев, 14 англичан, 27 гамбургцев, по одному из Любека и Бремена, 9 — из «цесарской земли», 4 датчанина. Данные о торговле этих купцов сведены в 83 выписях. Выписей меньше, чем

самых купцов, так как некоторые из них торговали совместно.

Прежде всего поражает огромное разнообразие товаров, которые продавались иностранцами в России. Среди них всевозможные продукты мануфактурного и ремесленного производства Англии, Голландии, Германии, Франции, Фландрии, Италии, других стран: шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные, льняные ткани, металлы, инструменты, оружие, краски, химикалии, лекарства, многочисленные предметы быта, включая посуду, мебель, кареты, сбрую, музыкальные инструменты, одежду, обувь и огромное разнообразие галантерейных товаров вплоть до самых замысловатых (см. приложение 2). Ввозились также овощи, фрукты, пряности из стран Средиземноморья, заморских колоний, канадские бобры, благовония из Индии, певчие птицы, вина французские, рейнские, испанские, венгерские и проч. Пользовались спросом на ярмарке и вполне привычные для северных стран продукты: масло коровье, сыр, сельди, сухари, яблочный квас, английское пиво. Всего насчитывается более 500 наименований товаров, ввозимых западноевропейскими купцами.

Ведущее место среди них занимали металлы и сукна. Из общей стоимости всего импорта в 1 млн. 233 тыс. руб. на долю сукон приходится 506 тыс. руб., металлов — 218 тыс. руб.¹⁰ Эти товары были главными в торговле английских купцов. В 1710 г. они продали сукон на 365 тыс. руб. и металлов (в основном свинец, сталь) — на 94 тыс. руб., что в сумме составило 89% стоимости всех реализован-

ных ими товаров. А в торговле столь крупных английских купцов, как К.Гутфель, Я.Спеллман, С.Гарцын удельный вес металлов и сукон достигал 96-98%. Сделки других англичан отличаются несколько большим разнообразием. Так, А.Блант наряду с металлами и сукнами продавал вина (более 3 тыс. руб.), братья Яков и Юрий Гуты — шелковые материи, шоколад. Весьма своеобразна для английского купца торговля И.Шерса. Он продавал только галантерейные товары, причем на крайне незначительную сумму — всего на 363 руб. В торговле англичан можно отметить и специфические английские товары, которые купцами других стран не ввозились. Это часы, их поставляли К.Гутфель, Т.Эль, А.Стейлс, а также «попкоутовое» дерево, применявшееся в кораблестроении. Основная масса товаров, проданных английскими купцами, производилась в Англии. Так, все сукна в их таможенных выписях названы «аглицкими».

Торговля голландских купцов отличалась гораздо большим разнообразием. На долю сукон и металлов в их продаже приходится всего 34%. В большом количестве они привозили ткани всех видов, в основном голландского производства (сукна, полотна). Голландцы продали на ярмарке больше половины всей мебели, сахара, три четверти бумаги. Большая часть этих товаров также производилась в Голландии, остальное доставлялось из Италии, Франции. Голландцы широко торговали и тем, что поступало из далеких колоний: пряностями, сандаловым деревом из Ост-Индии (в том числе из Голландской Ост-Индии — ныне Индоне-

Таблица I
Продажа западноевропейскими купцами отдельных видов товаров на
архангельской ярмарке 1710 г.*

(Стоимость в рублях)

Виды товаров	Англичане	Голландцы	Гамбургцы	Другие Германцы	Датчане	Всего
Металлы	94066	29584	94539	—	—	218469
Оружие**	713	2959	1417	—	—	5088
Краски и др. химикаты	9150	19559	41271	—	—	69979
Сукно***	364537	96968	44274	—	166	505963
Шелковые и хлопчатобумажные Товары****	12887	37668	37812	3	799	82679
	529	7611	6582	—	—	14472
Галантерея и др.	17165	22180	22170	3348	292	63355
Мебель	2410	3919	724	2	16	7071
Сахар	—	14882	8330	—	606	23745
Бумага	1	15384	4139	—	2	19526
Вино	3388	21939	47867	—	424	74918
Фрукты, пряности	538	16966	21715	—	148	43447
Стекло	—	966	1295	—	—	2161
Прочие	7906	50963	21962	2	803	81296
Всего:	513656	364987	347817	3355	3328	1233141

зии), бобрами из Канады и пр. Для некоторых голландских купцов характерна специализация на двух-трех видах товаров: И. Герменгузен торговал в основном вином, галантереей, фруктами, В. ван Геве — сукнами, бумагой и красками, А. Свелленгребел — металлами и шелковыми материалами. С. Охкерк продавал главным образом вино. Товарооборот этих купцов для иностранцев был средним и ниже среднего, они почти не торговали «колониальными» товарами, следовательно, не имели прочных контактов с могущественной голландской Ост-Индской компанией. Напротив, купцы, имевшие их в своем распоряжении, отличались и значительными масштабами товарооборота: И. Любе, братья Пель, А. Бодиск, А. Гутман.

Весьма разнообразна и торговля купцов Гамбурга. Правда, по сравнению с голландцами они меньше ввозили пряностей, иных экзотических продуктов и плодов из далеких колоний. С другой стороны, ассортимент изделий мануфактурного и ремесленного производства в их торговле крайне широк. Больше всех они привезли красок (46% всей продажи на ярмарке), галантерейных товаров (34%). Сукно они продали меньше, чем голландцы и особенно англичане. Но наряду с сукнами «ан-

К таблице I:

* СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 1—1577.

** Учено только оружие, проданное частным лицам. В основном это дорогое оружие, продававшееся небольшими партиями (шпаги, пистолеты, ружья); некоторое количество боеприпасов (порох, дроби и т.п.).

*** Включая все виды шерстяных тканей.

**** Включая все виды льняных тканей.

бурекими», они ввозили и шленские (т.е. силезские) и сукна-«лягичины» (т.е. произведенные в Польше), а также английские и голландские. Гамбургцы активно поставляли металлы. В 1710 г. они продали их на 94,5 тыс. руб. и не уступали в этом отношении англичанам. Но если те привозили в основном свинец, сталь, гамбургские купцы — главным образом медь и латунь. Особенно это характерно для Ю.Конова, И.Поппе и Ф.Гиза, И.Маришца. Вместе с тем торговля ведущих гамбургских купцов И.Амона, П.Розена, того же Ю.Конова отличается и наибольшим разнообразием, они имели в своем распоряжении практически все основные группы привозных товаров. Отличительной чертой торговли купцов Северной Германии является продажа ими в большом количестве вина. На их долю приходится 63% всех вин, проданных на ярмарке. Большое место они занимали в торговле гамбургцев А.Римшнейдера, А.Кралгорта, бременца П.Мартисена, Е.Кизла из Любека. Вина доставлялись из самой Германии (рейнское), а также из Франции, Италии, Испании.

Товарооборот купцов «цесарской земли» незначителен и отличается редким для иностранцев разнообразием. Они специализировались на продаже изделий из стекла: посуды и так наз. «стеклянных камешков» (либо украшения, либо сырье для стеклодувов?). Лишь И.Слипс торговал еще и кое-какой галантереей. Вероятно, эти купцы приезжали или получали свои товары из внутренних областей Германии: Саксонии, Тюрингии, возможно и из Богемии, славившихся своими изделиями из стекла.

Основными товарами в привозе датских купцов Т.Лофтуса и А.Мейера были сахар, вино, шелковые материи. Скорее всего, они получали их из других европейских стран. Купцы Дании и Норвегии были известны повсюду как поставщики продуктов морских промыслов. Однако в Архангельске подобных товаров в их торговле было мало, так как они в большом количестве добывались русскими поморами. Исключение составляют сельди, которые датчане охотно доставляли в Россию (в 1710 г. — 13% их ввоза).

Таким образом, очевидно, что различия в ассортименте товаров, поставляемых западноевропейскими купцами в Россию, объясняются особенностями в развитии торговли и промышленности той или иной страны. Английская торговля базировалась в основном на продаже товаров своей страны. Уровень развития промышленности Англии был настолько высок, что в значительной мере определял направленность деятельности английского торгового капитала, который прежде всего обеспечивал потребности местного производства. Голландские и гамбургские купцы, наряду с продажей товаров отечественных, активно занимались посреднической торговлей. Особенно это характерно для голландцев, продававших в России товары со всего земного шара. Голландия к тому времени имела колонии и торговые фактории практически во всех частях света. Гамбургские купцы в своей посреднической торговле опирались главным образом на продажу в России товаров европейских стран, не имеющих с ней развитых торго-

вых связей — Франции, Италии, Испании, а также из внутренних районов Германии. Конечно, уровень развития мануфактурного и ремесленного производства Голландии и Северной Германии был достаточно высок, но в еще большей степени процветали здесь торговля, в том числе и морская, отсюда и широкие посреднические операции местных торговых фирм, которые не могли удовлетвориться только сбытом здешней продукции. Это характерно также и для купцов Дании, где морская торговля и кораблестроение были достаточно развиты, а промышленность отставала.

Ассортимент товаров, вывозимых иностранными купцами из России, более однороден. (См. приложение 2). В основном это сырьевые товары, сельскохозяйственные продукты и продукты их первичной переработки (полуфабрикаты), иногда готовые изделия. Наряду с пенькой-сырцом и льном иностранные купцы закупали на ярмарке паклю, льняную и пеньковую пряжу, семя и масло, холсты и веревки. В 1710 г. они вывезли этих товаров на сумму 76 тыс. руб., что составляет всего 15% вывоза пеньки и льна в необработанном виде. Экспорт пряжи, а тем более канатов и веревок сдерживался высокими таможенными пошлинами на ввоз готовых изделий, существовавшими в большинстве европейских стран. В Голландии при ввозе 1 шпифунта (9 пудов) сырой пеньки взималось всего 15 штиверов, а с пеньковой пряжи — 4 гульдена (1 гульден = 100 штиверов), доставка канатов была запрещена¹¹. Иначе обстояло дело с вывозом кожевенных товаров. Иностранцы предпочитали

отправлять за море уже выделанные кожи — юфть. В 1710 г. они закупили сырых кож всего на 4316 руб., что составило лишь 1% вывоза ими юфти. Русская юфть отличалась высоким качеством, пользовалась большим спросом во многих странах, особенно у обувщиков, других ремесленников в Голландии, Франции, Испании и Португалии, широко продавалась на ярмарках в Германии (Лейпциг, Нюрнберг и др.)¹². Пошлины на ее ввоз в Европе были не высокими — в той же Голландии с пары юфтей взималось по 1 штиверу¹³.

Среди прочих товаров, в изобилии покупаемых иностранцами в Архангельске, можно отметить сало голяжье (всего вывезено на сумму 150,5 тыс. руб.) и продукты морских промыслов: иначе говоря, «поморские товары» (треска, семга, шкуры и сало морских зверей — тюленей, моржей — всего на 27 тыс. руб.). Заметна и скупка мехов. Правда, в начале XVIII в. западноевропейские купцы приобретали в основном недорогие меха (медвежий, заячья, кошачья, беличья и проч.). Дорогих мехов (куницы, норки, бобры) закуплено всего на 1727 руб. (10% всей пушнины). Интересно, что в 1710 г. иностранцы ввезли в Россию даже больше мехов, чем вывезли. Продажа этих товаров (в основном бобров) составила 18273 руб., закупка — 17732 руб. Но здесь, очевидно, не учитываются особо ценные меха, например, соболи, которые продавались исключительно из казны, минуя ярмарку. Вывоз хлеба в 1710 г. не отмечается, его экспорт в то время регламентировался особо, о чем речь пойдет ниже. В закупках иностранцев отмечаются также рис (име-

уемый тогда «пшено сарачинское», т.е. — сарачинское) и шелк-сырец. И то и другое являлось продуктами реэкспорта — европейские купцы приобретали эти товары у русских, которые получали их из восточных стран. Некоторые иностранцы, главным образом, голландцы закупали на ярмарке в небольшом количестве бревно и доска (Л.Гарлант, Е.Клюк, А.Бодиск, А.Хреснех).

Соотношение разных групп товаров в закупке представителей отдельных стран неодинаково (см. табл. 2). Для англичан характерно преобладание в их вывозе пеньки — 47% общей стоимости товаров, отправленных ими. Это связано с острой потребностью Англии, как крупнейшей морской державы, в материалах для оснащения флота. Особенно быстро возрастал экспорт пеньки из России в Англию в начале XVIII в. Английское адмиралтейство, которое в XVII в. предпочитало получать пеньку из Риги, в 1700 г. заключило первый крупный контракт на ее поставку с купцами, торговыми в России¹⁴. Важным корабельным материалом была смола. С.Мюкс, К.Гутфель, Р.Менваринг купили ее почти всю из того, что было привезено на ярмарку казенными агентами. (Смола в то время находилась в монополии казны). В отличие от прочих иностранцев англичане покупали в Архангельске лен и продукты его переработки. На их долю приходится 97% проданного на ярмарке льна и 96% холстов. Наряду с холстами из переработанных продуктов англичане в больших количествах вывозили юфть. Правда, здесь они уступали гамбургцам и находились на одном уровне с голланд-

цами. Пенька, холсты, юфть были основными товарами в закупках большинства англичан. А.Блант, братья Гут, К.Гутфель активнее других вывозили лен, на вывозе пеньки специализировался А.Стейлс. В целом, несмотря на скупку англичанами в больших количествах полуфабрикатов и готовых изделий, все же за счет вывоза ими огромных масс сырой пеньки и льна на долю переработанных товаров в их экспорте приходится всего 37%.

В торговле голландцев доля полуфабрикатов и готовых изделий достигает 47%, гамбургцев — 53%. Ведущее место в их закупках принадлежит юфти. В то же время они уступали англичанам в вывозе пеньки, смолы, почти не покупали лен и холсты, что объясняется высокой культурой льна в Голландии и Германии. Купцов этих стран интересовали в первую очередь товары, могущие стать сырьем для самых разных производств: кожаного, обувного, швейного, скорняжного, мыловаренного, парфюмерного и пр. Кроме юфти, они активно скупали говяжье сало, меха, конопляное и льняное семя, бобровую и кабаргину струю. Немало вывозилось ими и съестных припасов: мяса, проса, риса, отчасти это приобреталось в качестве продовольствия для экипажей торговых кораблей. Приобретенные в России сырье и полуфабрикаты голландцы и гамбургцы сбывали и в других европейских странах. Купцы Гамбурга поставляли русские товары, прежде всего юфть, во внутренние районы Германии. Она преобладает в закупках Ю.Конова, И.Амона, П.Розена, И.Твеска, А.Шунемана, Д.Беркузена. Купцы «цесарской земли», продав свое

Таблица 2
Закупка западноевропейскими купцами отдельных видов русских товаров на архангельской ярмарке 1710 г.

Виды товаров	(Стоимость в рублях) *					
	Англичане	Голландцы	Гамбургцы	Др. города Германии	Датчане	Всего
Пенька	292871	98172	66486	—	2692	459631
Лен	35616	33	990	—	91	36730
Прокля**, канаты, веревки	14384	5264	1453	—	998	22699
Холсты	45818	932	31	—	59	46940
Юфть	163952	165918	197995	3250	4675	537790
Сало говяжье	8055	77020	64332	—	1160	159567
Мед, воск	23481	3510	7054	170	47	34362
Поворотные товары	—	100	27026	—	—	27126
Меха	786	12625	3618	—	703	17732
Рогожки	2907	9065	4885	—	—	15957
Зерно	—	6928	7121	—	163	14212
Масло ливане и кокосовое	—	5259	1918	—	—	7177
Сырые кожи	—	3885	431	—	—	4316
Масло говяжье	400	1392	753	—	—	2545
Масло	—	1877	670	—	—	2547
Прочие	34952 ***	7266	5379	48	797	48442
Всего:	634422	399246	390142	3468	10785	1428063

стекло, покупали почти исключительно юфть. Только М.Гроссман интересовался еще и воском. Говяжье сало характерно для бременца П.Мартинсена, гамбургцев Ф.Гиза, И.Поппе, Е.Кизла из Любека. Датчанин Т.Лофтус вывозил в основном опять-таки юфть. Голландские купцы, в отличие от гамбургцев, в большем количестве скупали пеньку, другие корабельные материалы, особенно Л.Гарлант, В. ван Геве, И.Любе, П.Дебае. Это вполне естественно, так как флот Голландии был наиболее сильным в материковой Европе.

Таким образом, очевидно, что ассортимент товаров, ввозимых и вывозимых западноевропейскими купцами, а, следовательно, и структура российского внешнеторгового оборота, соотношение в нем сырья и готовых изделий определялись не только уровнем развития отечественной экономики, но и конъюнктурой европейского рынка, потребностями промышленности развитых стран в сырье и полуфабрикатах, таможенной политикой других государств.

Исходя из счетных выписей 1710 г., мы можем определить суммарный товарооборот всех западноевропейских купцов вместе взятых, совокупную стоимость проданных и купленных товаров купцами каждой из стран и каждым иностранцем в от-

К таблице 2:

* СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1—1587.

** Имеется в виду пеньковая и льняная пряжа.

*** В эту сумму входит стоимость смолы, проданной из казна С.Мюкке — на 14000 руб., К.Гутфелло — на 14000 руб., Р.Менварингу — на 801 руб.

дельности. Весь товарооборот составил тогда 2 млн. 661 тыс. руб., причем экспорт — 1 млн. 428 тыс. руб., импорт — 1 млн. 233 тыс. руб. Налицо активный баланс во внешней торговле России со странами Западной Европы, которая тогда, напомним, почти на 100% была сосредоточена в Архангельске. Но превышение экспорта над импортом в целом незначительно. Лишь датские купцы вывезли товаров на сумму, более чем в три раза превышающую стоимость продаж. Заметно это превышение и в торговле англичан, но почти равным соотношением экспорта и импорта было у голландцев и гамбургцев (см. табл. 1 и 2). Несмотря на всемерное развитие русского экспорта, начало петровских реформ активизировало и поступление в Россию импортных товаров — от металлов и тканей до галантереи и вина. Кроме того, рост активного баланса в стоимостном выражении сдерживался высокими ценами на импортные товары и дешевизной русского сырья, что во многом определялось гегемонией иностранцев во внешней торговле России. Если говорить о товарообороте купцов отдельных стран, то очевидно превосходство англичан, которого они достигли к этому времени. Уступая численно голландцам почти в 3 раза, они продали и купили товаров на 1 млн. 113 тыс. руб., а их основные конкуренты — на 764 тыс. руб. Голландцы в свою очередь ненамного превосходили купцов Германии, товарооборот которых составил 744 тыс. руб. (в том числе гамбургцев — 738 тыс. руб.), и далеко отстали датчане — 14 тыс. руб.

Как в суммарном товарообороте купцов каждой

из стран, так и в торговле большинства крупных западноевропейских купцов, отдельно взятых, вывоз русских товаров превышает продажу импортных. Англичанин Я.Спеллман продал различных изделий на 32 тыс. руб., вывез — на 70 тыс. руб. Датчанин Т.Лофтус приобрел на ярмарке товаров на сумму в 4 раза большую, чем продал. Эти купцы специализировались на поставке русского сырья и полуфабрикатов в Европе, получая оттуда наличные деньги. Всего в торговле более 50 иноземцев вывоз превышает ввоз. Но около 30 иностранных купцов продали товаров на большую сумму, чем вывезли. Наиболее характерно это для голландцев И.Ланга, А.Тембоузена, гамбургцев К.Мейера, Я.Армуса. Наконец, были торговцы-иноземцы, которые только продавали иностранные изделия и ничего не покупали (голландцы Н. ван дер Стамм, Р.Мейер, Я.Гоппе из Гамбурга). Но все они, за исключением Р.Мейера, для которого скупал товары его компаньон Н.Ромзвинкель, вели торговлю в незначительных масштабах.

Таким образом, мы видим, что и по масштабам торговли западноевропейские купцы, находившиеся в Архангельске, существенно различались. Особым размахом отличались операции англичан Т.Эля (190 тыс. руб. товарооборота), К.Гутфеля (173 тыс. руб.), С.Мюкса (171 тыс. руб.), голландцев А.Бодиска (123 тыс. руб.), И.Любса (101 тыс. руб.), гамбургца Ю.Коновы (140 тыс. руб.). Но там же действовали и такие купцы, как англичанин И.Шере, продавший и купивший товаров всего на 481 руб., или гамбургские купцы Я.Армус и А.Эхт с

товарооборотом по 132 руб., А.Хеведе также из Гамбурга (80 руб.), голландцы А.Бакир и Т.Пейтелинг (всего 41 руб. на двоих). Так, наряду с крупными дельцами, среди иностранного купечества в Архангельске действовали и торговцы весьма незначительные, можно сказать, мелкие. Все же большинство иностранных купцов на ярмарке выступают как крупные оптовики: товарооборот 36 из них превысил 10 тыс. руб., еще 11 — 5 тыс. руб.

Основными партнерами иностранных купцов на ярмарке были русские торговые люди. Среди них были крупные купцы из Москвы, Ярославля, Вологды, Казани, Нижнего Новгорода. Активно участвовали в этой торговле жители самого Архангельска и многих других городов и волостей Поморья и Подвигья: Каргополя, Холмогор, Мезени, бассейна Ваги, Пинеги и т.д. Торговля русских людей на архангелогородской ярмарке обстоятельно изучена Р.И.Козинцевой, а также Н.Н.Репиным¹⁵. Всего в той ярмарке приняли участие 854 русских купца из 70 городов и более чем 20 сел России¹⁶. Интересно сопоставить товарооборот иностранцев и русских торговых людей. Из русских купцов только трое (И.Исаев, Г.Строганов, М.Евреинов) продали и купили товаров более, чем на 40 тыс. руб. Их товарооборот составил всего 11,9% стоимости товаров, проданных и купленных всеми русскими купцами¹⁷. Среди иностранцев товарооборот свыше 40 тыс. руб. имели 23 человека, общими суммами их сделок составила 83,2% всего, что продали и купили иностранцы.

Благодаря участию в ярмарке крупных оптовиков-иностранцев сделки на ней были весьма зна-

чительными, особенно по скупке русских товаров. Средний их размер составил 584 руб., а 21% сделок заключен на сумму свыше 1 тыс. руб.¹⁸ Иностранцы товары сбывались обычно меньшими партиями, нередко их стоимость не превышала 100 руб. Это связано с тем, что среди русских купцов на ярмарке было немало средних и мелких торговцев, да и многие иностранные товары не могли в больших количествах сбываться в России, так как были рассчитаны на потребительскую элиту, емкость внутреннего рынка была не так велика. Нередко в сделках с одним иностранцем участвовало сразу несколько русских купцов. В счетных выписках зафиксировано 108 таких сделок. Например, англичанин Т.Вард продал партию свинца всего на 68 руб. 8 копейкам из Яренска и Соли Вычегодской, С.Гаршын продал яренки (дешевый сорт сукна) на 1676 руб. 9 копейкам из Каргополя. 14 купцов из Великого Устюга, Усолья, Яренска купили несколько бочек деревянного масла у голландца И.Ферколена¹⁹. В то же время не отмечено ни одного случая закупки несколькими иностранцами какой-либо партии товаров у одного русского купца. Это свидетельствует о значительном превосходстве иностранцев над своими русскими партнерами по масштабам капиталов и торговли, последние нередко должны были объединять свои средства, чтобы приобрести мало-мальски солидную партию заморского товара.

Тем не менее многие иностранные купцы не ограничивались оптовой торговлей. Часть товаров продавалась ими в розницу. К ней мы относим товары, которые числятся среди достигших в Рос-

стю, но не указаны ни в счетных выписях, как проданные оптом, ни в остатке. О них сами иностранцы заявляли, что «продали их врознь разным чинов русским людям и иностранцам». В 1710 г. их розничная продажа составила 54870 руб. или 4,5% стоимости всех реализованных ими товаров. Тем самым нарушалось требование Новоторгового устава о запрете розничной торговли для иностранцев. Она зафиксирована в выписях почти всех иностранцев, а именно в 75 из 83. В торговле крупных купцов розница, естественно, занимала небольшое место. Для тех, кто не выделялся большими оборотами, розница играла важную роль. И.Шерс продал врознь 75% товаров, А.Карл из Гамбурга — 52%, его соотечественник А.Хевере и голландец А.Мене торговали только в розницу. Кто был при этом их покупателями, установить трудно. Известно, что какая-то часть товаров приобреталась представителями аристократии, очевидно через их приказчиков, слуг, доверенных лиц. Так, Л.Гарлант продал позументы князю П.А.Голицыну на 210 руб. Особо следует сказать о розничной торговле гамбургца Е.Реера. В 1710 г. он скупил оптом у нескольких иностранцев вина на 385 руб., кроме того, получил от своих заморских корреспондентов 22 бочки ренского. Все это вино Реер продал в розницу в Архангельске. Дело в том, что он владел откупом на торговлю в городе вином в розлив и ежегодно вносил в казну соответствующие пошлины и откупные платежи²⁰.

Представители русской знати, их приказчики, «домовые управители» значатся среди торговых

партнеров иностранных купцов и по более крупным сделкам. Кроме того, что могло уйти в розницу, в счетных выписях зафиксирована продажа этим лицам иностранных товаров на 26339 руб., что составило 2,2% стоимости всех изделий, проданных иностранцами на ярмарке. В основном это разнообразные предметы быта, шелковые материи, тонкие полотна. Подобные сделки отмечены в выписях более 40 купцов, но наиболее они характерны для голландцев И.Тамеса, А.Свеллентребела, гамбургцев Ю.Коновы, Д.Беркузена. Среди покупателей импортных товаров чаще всего встречаются приказчики ближайших родственников царя: его сестры Наталья Алексеевна, Лопухиных, А.Л.Нарышкина, а также П.А.Голицына, архангелогородского губернатора²¹. Кое-что из привозных товаров покупалось представителями духовенства, но эти сделки крайне редки и незначительны. Для архиепископа Холмогорского и Важеского Рафаила приобретено у шести иностранных купцов вина на 135 руб. Д.Беркузен, И.Поппе и Ф.Гиз продавали вино и деревянное масло в Сийский и Никольский Карельский монастыри²². Но в целом непосредственные контакты иностранных купцов и представителей русской знати и духовенства были редкими, эпизодическими. Основная масса заморских предметов роскоши, яств и вин приобреталась их потребителями у русских торговых людей, закупувавших эти товары оптом у иностранцев в Архангельске. Возможно, контакты иностранных купцов со знатными лицами несколько расширились позднее в Петербурге. В 1723 г. с англичан В.Эл-

мсалла, Г.Эванса, В.Джюара там потребовали пошлины за русских купцов с продажи в розницу. Иноземцы заявили, что те товары они продали не купцам, а «знатным персонам», которых не осмелились пригласить в таможню для регистрации сделки²³.

Но вернемся на архангельскую ярмарку. Еще одним торговым партнером иностранных купцов здесь была казна. В 1710 г. они продали казенным агентам 26% реализованных ими товаров и приобрели у них около 7% вывезенного ими русского сырья. Среди проданных в казну товаров — свинец, немного оружия, дорогие материи, вина, съестные припасы. В покупке из казны основное место занимала смола, большая часть которой досталась английским купцам. Но торговля иностранцев с казной не ограничивалась сделками на ярмарке. Немало товаров продавалось и покупалось ими по специальным контрактам и подрядам, чему будет посвящена специальная глава.

Некоторая часть товарооборота иноземцев приходится на долю привилегированной компании Меншикова-Шафирово, созданной еще в 1704 г. Ей принадлежало монопольное право продажи за границу продуктов морских промыслов: трески, семги, ворванного (т.е. туленьего) сала, шкур морских зверей²⁴. Иностранцы, закупавшие в России эти товары, могли иметь дело только с компанией, которая приобретала их у русских промысловиков или мелких скупщиков, причем значительно дешевле, чем сбывала иноземцам. Тресковое сало компания покупала обычно по 50 коп. пуд., а про-

давала бочками в 7 пудов по 5 руб. бочка. Прибыль компании, таким образом, составляла 40%. Сохранились сведения о торговле компании за 1710 и 1713-1716 гг.²⁵ Всего за эти годы иноземцы закупили в компании промысловых товаров на 94 тыс. руб., продали — на 40,5 тыс. руб. Около 90% закупок приходится на долю ворванного сала. При этом заключались особо крупные сделки на сумму 10 тыс. и 20 тыс. руб., в которых партнерами компанейщиков выступали ведущие гамбургские купцы Ф.Гиз, И.Амон, П.Розен, а также бременцы братья Мартисены. Около 10% закупок составила треска, которую покупали голландцы А.Хреснех, И.Любе, англичанин А.Ачкин, а также П.П.Вестов. На вырученные от продажи промысловых товаров деньги компания приобретала у иностранцев вина, дорогие ткани, мебель, фрукты. Особенно много всевозможных предметов роскоши, вин и яств приобретено ими в 1710 и 1714 гг. (на 25 тыс. руб. и 11 тыс. руб., соответственно). Все это покупалось «про обиход светлейшего князя», т.е. для А.Д.Меншикова, отчасти для П.П.Шафирово. Лишь в 1713 г. компания приобрела сукуна у С.Мюкса на 4413 руб., вероятно, для последующей поставки в армию. И в этой операции компанейщики не должны были остаться без прибыли, так как в казне могли запросить большую сумму, чем платили Мюксу. Кроме того, в их распоряжении оставались свободные деньги, так как иностранных товаров они покупали примерно на половину стоимости того, что продали. Часть этих денег компанейщики платили в казну, часть расходовали

по своему усмотрению. Таким образом, значительная часть прибыли от реализации ценных промышленных товаров шла на непроизводительное потребление узкой группы аристократов. Русские промысловики и торговцы, отрезанные от внешнего рынка, были вынуждены сбывать свои товары компаниями. Не случайно продажа компаний промышленных продуктов имела некоторую тенденцию к снижению. В 1710 г. их было продано на 29 тыс. руб., в 1713 — на 28 тыс. руб., в 1714 г. — на 11 тыс. руб. и в 1715 и 1716 гг. на 15 тыс. руб. ежегодно.

Иностранные купцы торговали и друг с другом. В 1710 г. товарооборот между ними составил 2175 руб. Новоторговый устав запрещал иноземцам торговать между собой, но в данном случае они покупали друг у друга одежду, съестные припасы для собственного употребления, а не для продажи. В Архангельске торговали также несколько армянских купцов. В счетных выписях они выделены в специальную «армянскую статью». Имена и фамилии их по тогдашнему обычаю преобразованы на русский манер: Иван Павлов, Авет Сергеев, Меркурий Назаров, Степан Давыдов, Захар Степанов и др. Но не зафиксировано ни одной сделки между ними и западноевропейскими купцами. Все товары, закупленные на ярмарке у русских или привезенные ими «сверху», армяне отправляли за море, получая оттуда в свой адрес европейские товары²⁶.

Активно действовали на архангельской ярмарке некоторые купцы из московских торговых иноземцев и аналогичных им групп. Сохранились сведения о торговле в Архангельске в 1713-1716 гг. мос-

ковского иноземца П.П.Вестова, а также Н.Местьмакера и К.Кервидера, проживавших в то время в Вологде, и В.Кетлевеля, англичанина по происхождению, оказавшегося в Ярославле²⁷. Ассортимент товаров в торговле этой группы иноземцев в целом тот же, что и у купцов западноевропейских стран. Крупные партии заморских товаров они получали от своих корреспондентов из-за рубежа. Так, для П.Вестова поступало оттуда товаров в среднем на 35 тыс. руб. в год. В основном это сукна, краски, шелковые ткани, фрукты, металлы, оружие. Как видим, по разнообразию и ассортименту торговли П.Вестов ближе всего стоит к голландским купцам. Другие представители этой группы получали из-за моря главным образом ткани: В.Кетлевеля и Н.Местьмакер — сукна, К.Кервидер — шелковые материи.

Среди товаров, отпускаемых П.Вестовым и Н.Местьмакером за море, преобладали кофты и пенька; В.Кетлевеля вывозил в основном кофты и холсты. Но в отличие от подавляющего большинства западноевропейских купцов, львиную долю этих товаров они скупали не на ярмарке, а привозили с внутреннего рынка для отправки за море через архангельский порт. Особенно это характерно для П.Вестова и В.Кетлевеля, скупивших на внутреннем рынке более половины отправленных ими товаров. Это сближает деятельность данной группы иноземцев с торговлей собственно русских купцов, но вряд ли целесообразно рассматривать их товарооборот с европейским рынком как торговые операции российского купечества, что иногда

имеет место в специальных исследованиях²⁸. Их связи с европейским рынком являются традиционными и восходят к тем временам, когда они сами или их предки оказались в России. С другой стороны, выход русских купцов на зарубежный рынок, установление ими непосредственных контактов с заморскими фирмами — это принципиально другой процесс, он является результатом длительного развития отечественной торговли, накопления капиталов русскими купцами, создания торгового флота (строительства своих или использования чужих кораблей), знакомства с конъюнктурой европейского рынка, с используемыми там формами торговли и денежного обращения, приобретения доверия в среде европейских купцов и банкиров и, наконец, преодоления жесточайшей конкуренции торговых иноземцев, не желавших допустить расширения непосредственных контактов русских купцов с коммерческим миром Запада. В изучаемый период отдельные русские купцы только начинают пробиваться на европейский рынок. В 1715 г., видимо, наиболее крупный в то время русский купец М. Евреннов отправил из Архангельска за море товаров на сумму 45 тыс. руб., другие соотечественники ему значительно уступали — отпуск Д. Глазунова составил 7 тыс. руб., И. Исаева — около 6 тыс. руб., И. Стрежнева — 4 тыс. руб. В то время как П. Вестов в том же году послал за рубеж товары на сумму 65 тыс. руб. Из русских экспортеров преобладали П. Вестов и лишь Строгановы и С. Л. Владиславич-Рагузинский, привилегированные дельцы, осуществлявшие крупные операции с казен-

ными товарами²⁹. Таким образом, включение товарооборота купцов иноземного происхождения в общий объем российской торговли существенно искажает представление о степени развития контактов собственно русских купцов с европейским рынком.

Особое место в торговле иностранцев в Архангельске занимала скупка ими хлеба. Нужно сказать, что уже к началу эпохи новой истории многие страны Восточной Европы (к «востоку от Эльбы») поставляли зерно на западноевропейский рынок, прежде всего туда, где высокого уровня достигло развитие промышленности и торговли, а посевные площади были невелики. В XVII и в начале XVIII в. английские, голландские купцы в больших масштабах вывозили хлеб из Прибалтики, Польши, Венгрии. Однако в России и в начале XVIII в. его производство не всегда позволяло в должной мере обеспечить внутреннее потребление, часто случались недороды. Поэтому правительство строго регламентировало экспорт зерна. Иностранные купцы получали разрешение на его вывоз, если урожай в России был достаточен, что всегда проявлялось в уровне хлебных цен. По указу 1701 г. допускалась отправка хлеба из Архангельска за море, если цена на него в Москве не превысит 1 руб. за четверть³⁰ (1 четверть — мера объема, вмещающая около 8 пудов ржи). При этом взималась особая пошлина — 1/4 ефимка с четверти, устанавливалась определенная квота для каждого иноземца. Голландцы А. ван дер Гульет, И. Любе, А. Дикс получили право вывезти по 5 тыс. четвертей. Их соотечественник И. Гутман — 18 тыс.

четвертей, причем он получил право скупать хлеб не только в Архангельске, но и в других поморских городах. И Любе обязался за право скупки хлеба поставить в казну ефимки на сумму 7 тыс. руб. в обмен на русские деньги³¹. И в этом случае, как видим, правительство не забывало о своих чисто фискальных интересах. В 1705 г. вывоз хлеба за море был запрещен. Некоторое его количество отправлялось за рубеж из казны³².

В 1713 г. иностранцам вновь было разрешено вывозить хлеб на тех же условиях, что и в 1701-1704 гг.³³ На этот раз их операции по скупке зерна достигли большого размаха, несмотря на высокие пошлины. В 1713 г. они закупили 30 тыс. четвертей, а в 1714 г. — уже 146 тыс., в 1715 г. — 166 тыс., в 1716 г. — 227 тыс. четвертей³⁴. В 1714 г., погрузив на корабли полученный хлеб, они отправили их за море полупустыми, не ожидая остальных русских товаров. Это свидетельствует о крайней заинтересованности иноземцев в покупке хлеба, выгоде его сбыта за границей. В этой торговле приняли участие свыше 40 иноземцев. Ведущая роль принадлежала голландцам, на их долю приходится до 75% зерна, вывезенного всеми иностранцами. Среди них выделяются И. Любе и А. ван дер Гульст, скупавшие хлеб еще в 1701-1704 гг. Сейчас они действовали совместно и отправили за море более 116 тыс. четвертей. До 40 тыс. четвертей и более вывели братья Тамесы, А. Бодиск, И. ван Басен и Н. Дансер. Заметны и закупки хлеба англичанами О. Вилкинсом (25 тыс. четвертей), Р. Менварингом (13 тыс. четвертей), гамбургцами

И. Амоном с П. Розеном (14 тыс. четвертей), Юрием и Петром Коновыми (17 тыс. четвертей). Эти действия иностранцев вызвали жалобы жителей Поморья, опасавшихся повышения цен на хлеб. Их поддержал А. А. Курбатов, ставший уже архангельским вице-губернатором. В своих донесениях в Петербург он доказывал, что продавать за море хлеб из казны выгоднее, чем разрешить его скупку иностранцам в России³⁵. Правительство на этот раз не считалось с выводами знаменитого «прибыльщика» и подтвердило указ 1713 г. Расширение хлебной торговли отвечало его стремлению привлечь в российские порты зарубежных купцов, добиться активного торгового баланса, высокие пошлины на хлеб обеспечивали приличные доходы казне.

Квоты на вывоз хлеба, установление предельных цен должны были пресечь его стихийный и неограниченный отпущок за море, его дороговизну. Некоторым иностранцам (И. Марини из Гамбурга, голландцы Е. Клюк, братья Пель) разрешили покупать зерно и в других поморских городах. Но, чтобы защитить интересы русских торговых людей, агентов казны, скупавших хлеб там же, иноземцам было запрещено переплачивать продавцам³⁶. Однако добиться соблюдения этого запрета в условиях свободного рынка практически невозможно. Богатые иностранцы предлагали продавцам хлеба более высокие цены, чем их русские конкуренты. Один из них, И. Стрежнев, жаловался, что иноземцы платят за хлеб более, чем 1 руб. за четверть³⁷. Всего в 1713-1714 гг. иностранцам удалось скупить в поморских городах за пределами Архангельска бо-

лее 40 тыс. четвертей хлеба, что составило около 10% его вывоза. Но уже в 1717 г. в связи с очередным неурожаем экспорт хлеба вновь был запрещен и восстановлен только в 1721 г. Но в 1722 г. опять случился недород, и отпуска зерна не было ни из Архангельска, ни из Петербурга³⁸. Время для превращения России в один из ведущих хлебных рынков еще не пришло. Она становится житницей Европы к концу XVIII в. в результате освоения среднерусских и южнорусских черноземов, приобретения выхода к Черному морю.

При Петре I, регулируя продажу хлеба за море, правительство руководствовалось также и внешнеполитическими расчетами. Еще в 1711 г. по просьбе датского короля Фредерика IV, союзника Петра I по борьбе с шведами, было дано разрешение на поставку русского зерна в Норвегию. Часть его предназначалась для датских войск, находящихся там и готовившихся отразить вторжение шведов. Закупать хлеб в Архангельске и отправлять в Норвегию было поручено купцу из Бергена А.Шиту, который начал действовать в 1713 г. Это совпало с открытием хлебной торговли и для остальных иноземцев. В 1713-1714 гг. он вывез в Норвегию около 14 тыс. четвертей. Операции А.Шита продолжались и в дальнейшем, даже после 1717 г., когда вывоз хлеба был запрещен. Его деятельность прекратилась к началу 20-х гг. в связи с разорением из-за срыва поставки в казну крупной партии меди³⁹.

Такова общая характеристика деятельности иностранных купцов в Архангельске в период наивысшего расцвета внешней торговли города, кото-

рый пришелся на наиболее трудный период Северной войны. Со второго десятилетия XVIII в. в торговле Архангельска начинаются глубокие перемены, которые в конечном счете привели к ее упадку. Они были вызваны не столько с изменением экономической ситуации, сколько с волевыми решениями Петра I. Едва пробившись на берега Балтики, Петр стремится перенести сюда европейскую торговлю России. В 1713 и 1714 гг. издается серия указов, которые предписывают возить пеньку и юфть только в Петербург, но не в Архангельск⁴⁰. Однако большинство иностранных купцов привыкли получать эти товары в Архангельске, имели здесь помещения на гостином дворе, связи и контакты на местном рынке, путь в Белое море и в устье Двины был хорошо известен шкиперам заморских кораблей. Кроме того, Северная война еще продолжалась, на Балтике шли активные действия флотов воюющих держав, и это никак не побуждало западноевропейских купцов как можно быстрее перенести торговлю в Петербург. Уже в 1714 г. русские и иностранные купцы совместно (редкий случай!) выступили с просьбой отменить упомянутые указы. Правительство уступило лишь отчасти: половину пеньки и юфти позволялось везти в Архангельск, половину — в Петербург. В 1717 г. доля Петербурга была увеличена до 2/3, в 1719 г. снижена до 1/3⁴¹. Но по указу 1721 г. был запрещен подвоз товаров к Архангельску из любых регионов России за исключением бассейна Северной Двины и Поморья⁴². Это нанесло сокрушительный удар по архангельской ярмарке, которая собирала

товары со всей страны. Но в течение ряда лет после этого торговля на Балтике никак не могла ее заменить в полной мере. Хотя война и кончилась, в Петербурге не хватало складских помещений, корабельщики-иностранцы плохо знали фарватер Финского залива и устья Невы, и что самое главное — не было надежных и удобных путей, связывающих Петербург с внутренним рынком России. Вышневолоцкая водная система и Ладожский канал еще только строились. Поэтому в начале 20-х гг. темпы роста внешней торговли России замедлились. В 1718 г. из Архангельска и Петербурга было вывезено российских товаров на 2613 тыс. руб., а в 1726 г. — на 2689 тыс. рублей⁴³. Экспорт практически не увеличился — и это в весьма благоприятные годы по окончании Северной войны.

А в самом Архангельске товарооборот иностранной торговли, как об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде Камер-коллегии таможенные книги, упал до 97 тыс. руб.⁴⁴ (в 25 раз меньше, чем в 1710 г.). Количество торгующих здесь иностранцев сократилось не так резко и составляло более 30 человек. Явно преобладали голландцы. Их осталось здесь 19 купцов, которые сосредоточили в своих руках 75% товарооборота всех иностранцев. Значительно снизилась (до 23%) доля купцов Германии, зафиксирована деятельность 11 из них. В их среде появляются новые лица: Л. Бекен, К. Мейер, А. Сандерс, а также Петр Конов и Франц Поппе, продолжившие на ярмарке деятельность своих торговых фамилий. Почти исчезли здесь на Севере англичане. Их отмечено всего 3

человека (В. Парсонс, Т. Незбит и Р. Франц), которые продали и купили товаров всего на 500 руб. Решающую роль в этом сыграл запрет подвоза к Архангельску пеньки, которая вся производилась за пределами бассейна Северной Двины. Интересно, что в 1725 г. на здешней ярмарке появляется итальянский купец Ф. Дон, соотечественников которого в 1710 г. мы не видим вовсе⁴⁵. Возможно, учитывая расширение внешней торговли России, некоторые итальянские фирмы рискнули восстановить прямые контакты с далеким поморским рынком, существовавшие у них еще в конце XVII в.

Изоляция Архангельска от рынков Центральной России коренным образом повлияла и на структуру экспорта через этот порт. Доля поморских товаров в закупках иностранных купцов возросла с 1,9% в 1710 г. до 62% в 1725 г., что объясняется не только полным исчезновением в них пеньки, но и резким сокращением (в 30 раз) продажи юфти. Архангельск стал для иностранцев рынком местного значения, где они скупали товары ограниченного региона: продукты морских промыслов, лес и продукты его переработки из бассейна Северной Двины, Ваги, Онеги. Поморские товары (шкуры и сало морских зверей, треску) приобретали в больших количествах голландские купцы, особенно И. Герменгузен, А. ван Гевер, В. Рос, а также гамбургцы Л. Бекен и П. Конов. Итальянец Ф. Дон покупал треску и семгу (всего на 508 руб.). Архангельск оставался для иностранцев важным смоляным рынком. После того, как в 1719 г. была ликвидирована монополия князя на экспорт смолы, они получали

се у русских торговых людей. Так, в 1720 г. англичанин В. Парсонс приобрел ее на 2 тыс. руб., а гамбургцы П. Конов и Ф. Поппе в 1722 — на 5,5 тыс. руб.⁴⁶ Однако в 1725 г. на торговлю смолой вновь была введена монополия: на этот раз исключительное право отправки ее за границу получили голландцы Иван Любе-младший и Еремей Мейер. В Архангельске от их имени действовал А. ван Геввер⁴⁷. Но в полной мере эта монополия не соблюдалась. В 1726 г. смола значится в покупке П. Конова, Т. Родде, И. Кинсиуса, которые приобретали ее у купцов Архангельска. П. Конову и Ф. Гизу в 1722 г. смолу продавали также многие крестьяне Двинского, Каргопольского, Онежского уездов. При продаже одной партии нередко объединялись до десяти и более торговых людей. Размер сделок невелик, он редко превышает 200 руб.⁴⁸ Таким образом, в этот период для иностранцев, торговавших в Архангельске, большое значение приобрели как контакты с местными купцами, так и с мелкими скупщиками, непосредственными товаропроизводителями из различных регионов Поморья и Двинского края.

Конечно, в этих условиях иностранцы не могли сбывать здесь на Севере большое количество заморских товаров. Их потребители находились в основном за пределами этого региона, крупные русские купцы, приобретавшие их для продажи по всей стране, резко сократили свои операции в Архангельске. В 1725 г. на ярмарке было продано импортных товаров всего на 27 тыс. руб., в то время как закуплено русских — на 70 тыс. руб. Ассорти-

мент привозных товаров был вполне обычен и довольно разнообразен. Продавали их в основном голландские купцы. А. Свелленгребел и А. ван Геввер сбывали главным образом сукна; Т. ван Ленни, И. Фюрет, В. Рос — краску, бумагу, фрукты; И. де Юнг и И. Кинсиус — вино; А. ван дер Карс и тот же Т. ван Ленни — шелковые материи.

Торговавшие в Архангельске иностранцы были заинтересованы в развитии внешней торговли на русском Севере и продолжали протестовать против ее ограничений. По их настоянию и в соответствии с общей либерализацией внешнеторговой политики после смерти Петра I многие ограничения были отменены. В 1727 г. было разрешено доставить в Архангельск товары со всей России. Петербургский порт сохранил лишь некоторые таможенные льготы — торгующие там платили пошлины на 2-4% ниже, чем в Архангельске⁴⁹. Только в 1762 г. и это преимущество Петербурга было отменено⁵⁰.

Однако процесс развития балтийской торговли России был необратим. Уже в 1703 г., т. е. в год основания будущей столицы, у стен строящейся Петропавловской крепости появился первый иностранный торговый корабль, прибывший из Голландии. По-видимому, он держал путь в Ниеншанц, и появление в устье Невы нового города было неожиданностью для его капитана и экипажа. Тем не менее голландцы встретили самый теплый прием, получили щедрые подарки. Русское правительство постаралось, чтобы об открытии нового порта и о радушии, с которым там встречают иностранные торговые суда, стало известно по-

искуду. Информация об этом была помещена в одном из первых номеров газеты «Ведомости»⁵¹. Однако в течение многих последующих лет визиты иностранных судов в Петербург были редкими. Известно о прибытии сюда около 1705 г. корабля англичанина А.Меврела, а также корабля английской табачной компании, на обратном пути захваченном шведами. В соответствии с данными таблиц Н.Банг и К.Корста, которые учитывают все суда, проходившие через Зунд в порты Балтийского моря, первый корабль прошел в Петербург только в 1710 г. Он шел из Англии и был в том году единственным. В 1713 г. через Зунд в Петербург прошло 4 корабля, в 1714 г. — 11, а в 1715 — уже 37. Они шли из Англии, Голландии, Гамбурга, т.е. и на Балтике постепенно налаживаются контакты России с ее основными торговыми партнерами на Западе. Но по-настоящему обширной, как когда-то в Архангельске, эта торговля становится только после окончания войны, да и то не сразу. В 1720 и 1721 гг. в Петербурге было всего по 20 кораблей Англии, Голландии, Гамбурга, в 1722 — 66, в 1724 г. — 62, в 1725 г. — 70. А с учетом кораблей, вышедших из портов зарубежной Балтики, в Петербурге в 1718 г. было 75 судов, а в 1722 — 115, в 1724 г. — 180⁵². Напомним, что в Архангельске в 1705 г. побывало 147 кораблей из-за моря, а в 1715 г. уже 230, в 1716 г. — 208⁵³.

Так или иначе к середине 20-х гг. окончание войны, меры, принятые российским правительством для активизации торговли Петербурга, да и очевидные ее достоинства (близость Европы, про-

должительность навигации), невероятные усилия по строительству Вышневолоцкой системы и Ладожского канала наконец-то привели к ощутимым результатам. В это время в Петербурге действуют уже несколько десятков купцов из западноевропейских стран. В ведомости об уплате пошлин за 1726 г. указаны имена 85 человек⁵⁴. Большинство из них ранее не были известны на русском рынке, не упоминаются в документах ни по Архангельску, ни по Москве. Таким образом, в Петербурге сложилась новая группа торговых иноземцев, которые, прибыв в Россию, сразу обосновались на берегах Балтики. Это англичане В.Элмсалл, В.Стерлинг, В.Вейд, Ф.Коллине, голландцы В.Борст, И. ван Акер, Я.Крюйс. Торговый Гамбург из «новых» купцов представляли Д.Мариотт (Мариотти), Д.-Б.Нолли, по происхождению итальянцы. Конечно, были среди торгующих в Петербурге иноземцев и хорошо известные уже по торговле на архангельской ярмарке, в иных местах: англичане В.Парсонс, Г.Эванс, голландцы А.Бодиск, И.Герменгузен, Е.Мейер, И.Тамес, гамбургцы Д.Беркузен, П.Конов. Эти купцы могли одновременно вести торговые операции на разных «театрах» русского рынка — и на Белом море, и на Балтийском, проникали они и в Москву.

С самого начала внешней торговли Петербурга в ней преобладали англичане, о чем свидетельствуют данные о прибытии сюда торговых кораблей. В 1722 г. отмечено 40 английских кораблей и 28 голландских, в 1723 г., соответственно, 33 и 24, в 1724 — 33 и 19, в 1725 — 38 и 26. Голландцы, как видим, прочно обосновались на втором месте. Число

судов, прибывающих из прочих стран, нечислялось единицами: в 1724 г. из Дании — 5, из Гамбурга — 3, из Франции — 1⁵⁵.

Но подробными данными о торговле иноземцев в Петербурге мы почти не располагаем. Не сохранилась документация Петербургской таможни с регистрацией отдельных сделок, аналогичная архангельским выписям за 1710 г. Случайно дошла до нас торговая записка голландцев И.Герменгузена и Г.Бахарта за 1723 г.⁵⁶ Их товарооборот составил 33115 руб., что в пять раз превышает стоимость товаров, проданных и купленных тем же И.Герменгузеном на архангельской ярмарке 1710 г.⁵⁷ Из всех реализованных им тогда товаров на долю сахара приходится 30%, шелковых материй — 20%. В петербургской торговой записке они не упоминаются вовсе. Следовательно, сказывалось действие указов об ограничении ввоза этих товаров, изданных накануне Тарифа 1724 г. Увеличилась доля бумаги, красок, в чем тогда Россия остро нуждалась. В покупке наряду с кофтыю, которая была основным товаром для Герменгузена в 1710 г., большое место занимают пенька и шетина. Среди торговых партнеров Герменгузена и Бахарта в основном крупные купцы из Москвы, Петербурга, верхневолжских городов (Ржева, Твери, Углича, Ярославля), которые могли организовать сложные и дальние перевозки товаров. Практически нет местных мелких торговцев, что было характерно для торговли иностранцев в Архангельске. Вероятно, аналогичные изменения происходили и в деятельности других иностранных купцов. Под влиянием

протекционистской политики правительства, в связи с развитием Петербургского порта крупные русские купцы все в большей степени овладевали посредничеством между иноземцами и внутренним рынком, в соответствии с интересами российской промышленности «улучшался» ассортимент привозимых иностранцами товаров.

Непросто и не сразу восстанавливается деятельность западноевропейских купцов в Нарве. После взятия и разорения города русское правительство тем не менее предпринимает попытки восстановить его торговые связи с европейским рынком. Уже в 1704 г. было разрешено прибыть в Нарву двум кораблям из Дании, перевозимые на них товары освобождались от пошлин⁵⁸. На это предприятие решился один из постоянно торговавших в Нарве датских купцов В.Эдингер. Ему удалось в 1707 г. доставить сюда из Копенгагена партию импортных товаров и закупить пеньку. Однако вывезти ее не удалось: шедшие за ней корабли были захвачены шведами. Пришлось ему и его приказчику П.Равенебергу с огромными издержками, при отсутствии удобных путей, переправлять пеньку из Нарвы в Архангельск, чтобы вывезти за море отсюда. Для этого потребовалось испрашивать еще и специальное разрешение, которое в условиях всеглашней волокиты было дано года через полтора. Только в 1710 г. В.Эдингеру удалось отправить часть этого груза за море⁵⁹. В той или иной мере торговля Нарвы налаживается только с середины второго десятилетия XVIII в. К этому времени сюда возвращаются и жители, выселенные после взя-

ти города. В 1717 г. приходит первый корабль из Англии, в 1718 г. — тоже 1 корабль, но из Голландии, в 1719 г. из-за Зунда приходит еще 2 судна (оба голландские), а в 1720 г. — уже 11 (5 английских и 6 голландских). Видимо, прибывали сюда корабли и из балтийских портов, но конкретных данных на этот счет пока не обнаружено. Но очевидно, что и по окончании войны торговля Нарвы с западноевропейскими странами так и не достигла довоенного уровня. В 1725 г. здесь было всего 6 торговых кораблей из-за Зунда, в то время как в 1699 г. — 33⁶⁰. Большинство из них направлялось теперь прямо в Петербург. Нарва потеряла свое значение ведущего на Балтике порта, связанного с русским рынком. Этому способствовал и известный указ 1721 г. о доставке всех экспортных товаров со всей России к Петербургу. Правда, он допускал подвоз к Нарве товаров из ее хинтерланда, в частности из Пскова. Аналогичным образом допускался экспорт в Ригу из Смоленска по Западной Двине⁶¹.

Все же вхождение в состав России в результате Северной войны портов Восточной Прибалтики способствовало укреплению их связей с русским рынком. Определенную роль в этом сыграли и западноевропейские купцы, торговавшие на Балтике. Многие корабли с их товарами, направляясь в Петербург, заходят в Ревель, Нарву, Выборг. Сюда они доставляют из-за моря соль, уголь в обмен на пеньку, хлеб. О регулярном заходе в Ревель иностранных судов по пути в Петербург и обратно сообщает находившийся там агент Адмиралтейств-кол-

легии⁶². Англичанин Р.Неттелтон еще в 1715-1717 гг. вывозил смолу через Ригу⁶³. Во время недорода 1722-1723 гг. некоторые иностранные купцы организовали подвоз хлеба из этих портов в Петербург. В 1724 г. голландцы В.Борст и А.Боднек доставляли в столицу 31 ласт ржи из Ревеля и 40 ластов из Риги. В том же году гамбургский купец Я.Штеллинг привез 20 ластов ржи из Ревеля, а Е.Мейер 87 ластов — из Риги⁶⁴. Интересно, что упомянутые здесь Р.Неттелтон, В.Борст, Я.Штеллинг, не известные ранее на русском ранке, в 20-е гг. значатся среди иноземцев, торгующих в Петербурге. Очевидно, прежде они действовали в остзейских портах, хинтерланд которых большей частью был за пределами России, а теперь они переносят свои операции на берега Невы. Это один из каналов вовлечения все новых и новых лиц в число западноевропейских купцов, торгующих непосредственно на русском рынке.

Кроме Архангельска и балтийских гаваней купцы европейских стран время от времени появлялись и в некоторых портах Крайнего Севера, и прежде всего — в Коле. Еще в незапамятные времена на Кольском полуострове отмечаются торговые контакты купцов из соседней Норвегии с местными лопарями и русскими поморами. В XVI в. основывается русская крепость Кола, примерно на том самом месте, в глубине Кольского залива, где и до сих пор находится небольшой городок с тем же названием. В крепости обосновалась администрация, рядом возник монастырь Петра и Павла, а вблизи него, как водится, торг. Как раз в то время

на русском Севере появились купцы из стран Западной Европы. И если в Архангельске с самого начала преобладали англичане, в Коле активно действовали голландцы, французы, купцы из Фленсбурга (в то время владение Дании)⁶⁵. В конце XVI в. значительная часть товаров доставлялась в Колу из внутренних районов России. Но в XVII в. ее торговля клонится к упадку, что связано с неуклонным развитием Архангельска как главного внешнеторгового порта на Севере, который имел более удобное сообщение с внутренним рынком, находился дальше от границы. Кольский полуостров являлся объектом притязаний со стороны Дании и мог подвергнуться нападению из принадлежавшей ей Норвегии, или из Финляндии, откуда грозили шведы.

В эпоху Петра I торговля иноземцев в Коле несколько активизируется. Однако теперь они скупают здесь в основном продукты местных промыслов. В 1710 г. здесь действовал агент А.Стейлса А.Рекунов. Он закупил для англичанина 12752 рыбы семги и 66 тыс. рыб трески, что и было отправлено за море прямо из Колы на кораблях А.Стейлса⁶⁶. А.Рекунов являлся также агентом привилегированной компании Меншикова-Шафирова. Возможно, А.Стейлс сумел договориться с компанейщиками, чтобы их агент поработал и на него. Известно о его хороших отношениях не только с Петром I, но и с А.Д.Меншиковым⁶⁷. А.Рекунов скупал для А.Стейлса рыбу и в Кандалакше, откуда было вывезено 3178 штук семги. Нарушали монополию компании Меншикова-Шафирова и гам-

буржцы И.Поппе и Ф.Гиз, которые в 1710 г. приобрели у «кольских промышленных людей» 14 пудов варянского сала⁶⁸. Подобные операции торговых иноземцев в Коле отмечаются и в дальнейшем, после отмены привилегии компании. В 1722 г. здесь действуют гамбургские купцы К.Мейер и Н.Сандерс. Их приказчик И.Андреев купил 19316 рыб семги. Среди 54 продавцов — 45 промысловиков Колы, 5 — из Кандалакши, остальные — лопари Кольского уезда. Все они продавали рыбу своего промысла по несколько десятков штук⁶⁹. Таким образом, налицо прямые торговые связи иностранных купцов с промысловиками.

Как и прежде, действуют в Коле и торговые люди из соседней Норвегии. В отличие от заморских купцов их не интересовали поморские товары — норвежцы сами были прекрасными морскими охотниками. Они могли купить кое-что из изделий русского ремесла. Так, в 1710 г. Д.Брокман из Нарвика купил в Коле у каргопольских купцов 630 аршин сермяжных сукон в обмен на 3 пуда меда в котлах и 15 выдр. Заходили в Колу и торговые суда, идущие в Архангельск и обратно, если у них кончались вода или продовольствие. В этом случае купцами становились капитаны этих кораблей⁷⁰. Наконец, в 1722 г. в Колу прибыл из Дюнкерка «фланской земли иноземец», «каптеин» (т.е. капитан) О.Ноттобарт. Возможно, речь идет о Фландрии, западная часть которой с Дюнкерком еще с XVII в. вошла в состав Франции, большая часть осталась владением Габсбургов (ныне — в составе Бельгии). Налицо торговые связи Колы с Франци-

ей, которые осуществляются в данном случае с помощью фламандского корабля. О. Ноттобарт продал здесь 15 бочек французской ржи в обмен на 310 пудов трескового сала⁷¹.

Не исключено, что иностранные купцы появлялись и в некоторых других небольших портах на Севере. Известно, что еще в начале XVII в. датские купцы приезжали в Пустозерск⁷², который находился в низовьях Печоры, недалеко от нынешнего Нарьян-Мара. Могли оказаться иноземцы и в Мезени. Этот порт Белого моря расположен в устье одноименной большой реки, верстах в 300 восточнее Архангельска, т.е. намного ближе Печоры. В уцелевших источниках первой четверти XVIII в. появление иностранных купцов ни в Мезени, ни на Печоре не отмечается. Однако Таможенный тариф 1731 г. предусматривает внешне-торговые пошлины и для Пустозерска⁷³. Видимо, составители Тарифа что-либо знали о заморских торговых контактах Пустозерска и не исключали возможности появления здесь иностранных купцов.

Итак, к концу правления Петра I западноевропейские купцы действовали в нескольких портах, как на севере России, так и в Северо-восточной Прибалтике, только что вошедшей в состав империи в результате Северной войны. О масштабах их деятельности можно судить по таможенным сборам с иностранной торговли, поступающим в ефимках. Так, в 1724 г. в Петербурге было собрано 185203 ефимка, в Риге — 101251, в Нарве — 16712, в Выборге — 15705, в Ревеле — 10023, в Архангельске — 21713, в Коле — 925⁷⁴. Как видим, основная

масса товаров в русско-европейской торговле шла теперь через балтийские порты, откуда перемещается из Архангельска в центр деятельности западноевропейских купцов в России. Среди них доминировал Петербург — масштабы торговли здесь превосходили товарооборот всех остальных портов на Балтике, вместе взятых, и в отличие от них он был наиболее тесно и прочно связан с непосредственно русским рынком, унаследовав многие торговые контакты Архангельска. Так, в результате энергичных усилий Петра I, который, не зная ни на что, стремился иметь «окно в Европу» именно здесь, и под влиянием объективных обстоятельств, связанных с преимуществами балтийской торговли — Петербург стал главным центром деятельности западноевропейских купцов на русском рынке. О качественной стороне торговли иноземцев на берегах Невы (структура товарооборота, торговые связи и т.д.) мы говорили мало — и за отсутствием источников, и потому, что их деятельность здесь только начиналась.

Торговые иноземцы на внутреннем российском рынке

Торговля западноевропейских купцов в порубежных портах, прежде всего, в Архангельске, позднее в Петербурге составляла основу их деятельности в России. Тем не менее многие иностранные купцы стремились проникнуть на внутренний рынок, хотя российское законодательство всячески препятствовало этому. Их привлекала возможность установить непосредственные контакты с местными скупщиками, с потребителями европейских товаров. Цены на импортные изделия на внутреннем рынке были выше, а на русские товары — ниже, чем в Архангельске. Согласно ведомости Дворцового приказа о закупке съестных припасов в 1701 г., фунт сахара в Москве стоил 20 коп., в Архангельске — 16 коп., пуд винных ягод (инжир) — 1 руб. 78 коп. и 70 коп., пуд имбиря — 7 руб. и 4 руб. 40 коп., чернослива — 1 руб. 96 коп. и 80 коп., корицы — 48 руб. и 30 руб.¹ Как видим, в большинстве случаев эти припасы в Москве продавались в 1,5–2,5 раза дороже, что окупало транспортные расходы и давало немалую прибыль. На этом базировались доходы русских купцов, торго-

вавших с иностранцами в Архангельске, на них рассчитывали и иноземцы, стремившиеся попасть со своими товарами во внутренние города России.

Данные об отправке иностранцами своих товаров во внутренние города содержатся в счетных выписях архангельской таможи за 1710 г.² Из 94 торговавших в том году на ярмарке иноземцев товары в «верховые города» отправили всего 12: англичане А.Стейлс, К.Гутфель, Т.Эль, голландцы Н. ван дер Стамм, братья Пель, И.Тамес, немецкие купцы Б.Кренвих, И.Поппе, Ф.Гиз, Е.Кизл, Е.Варнике. Кроме того, А.Свелленгребел вез «сверху» 16860 руб. русских денег, гамбуржец И.Твеск 5500 руб., И.Тамес — 1000 руб. Очевидно, эти деньги были выручены ими там от продажи импортных изделий. Таким образом, более десяти западноевропейских купцов продавали свои товары на внутреннем рынке. Была ли у них особая жалованная грамота «с красной печатью», как того требовал Новоторговый устав? В алфавитах Печатного приказа, где учитывались выдаваемые правительством жалованные грамоты, не упоминается ни один из вышеперечисленных иноземцев³. Скорее они торговали на внутреннем рынке без специального разрешения, следовательно, в данном пункте Новоторговый устав не соблюдался. Но он же требовал взимать с иноземцев при отправке товаров во внутренние города проезжую пошлину в 10%. И эта пошлина в 1710 г. была взята со всех указанных выше иностранных купцов⁴. Значит, высокий таможенный барьер реально существовал и серьезно затруднял доступ западноевропейских купцов

на внутренний рынок. Его могли преодолеть лишь немногие купцы, обладавшие широкими связями на внутреннем рынке, поддержкой властей или иными возможностями продать свои товары с такой прибылью, которая компенсировала бы уплаченные пошлины. В связи с этим отпуск иностранцев в «верховые города» был невелик. В 1710 г. он составил около 40 тыс. руб. или всего 3% стоимости товаров, реализованных ими на архангельской ярмарке. В последующие годы продажа иностранными купцами товаров на внутреннем рынке еще более сократилась. По данным Петербургской таможни, они отпустили в Москву заморских товаров в 1724 г. на 830 руб., в 1725 г. — на 503 руб., в 1726 г. — на 133 руб., а в 1727 г. «отпуску из Петербурга в Москву... у иноземцев не было»⁵.

Но наряду с доставкой товаров на внутренний рынок без каких-либо специальных разрешений с уплатой установленных пошлин существовали и иные пути проникновения сюда иностранных купцов. С некоторыми из них правительство заключало особые договоры о торговле определенными товарами. В этом отношении крайне интересна деятельность английской табачной компании, с которой связано наиболее глубокое проникновение иностранного торгового капитала на внутренний русский рынок в начале XVIII в.

Как известно, в допетровскую эпоху употребление табака запрещалось. Соборное уложение 1649 г. предусматривало суровые наказания (битие кнутом, ссылка) за его изготовление, продажу и, как тогда говорили, «питье», для чего обычно использо-

вался коровий рог⁶. Правительство заботилось в данном случае не о здоровье подданных, а о благочестии: считалось, что курящий уподобляется дьяволу. Однако Петр I не видел в этом ничего предосудительного, тем более табак свободно употреблялся повсюду в Европе, да и на Руси он был широко известен — его продавали контрабандным путем и «пили» подпольно. В 1697 г. торговля табаком была легализована, казна рассчитывала при этом на приличную прибыль, установив на его продажу высокие пошлины. Правда, голландский купец Т. ван дер Браخت получил право на беспошлинную торговлю, видимо, потому, что его компаньоном был Яков Брюс, будущий генерал-фельдцейхмейстер, один из известнейших лиц в окружении Петра I. Но вскоре право на монопольную торговлю табаком в России получил русский купец, гость М. Богданов⁷. Во время пребывания Петра I за границей в 1697-1698 гг. ряд иностранных фирм просили разрешить им ввоз табака в Россию. В 1698 г. жалованную грамоту на монопольную продажу здесь «травы-никоцианы» получил маркиз Кармартен, с которым Петр I познакомился в Англии. Маркиз торговлей не занимался, он был больше известен как лихой адмирал, знаток военно-морского дела и незаменимый товарищ в застолье. Такие люди всегда пользовались расположением Петра, особенно в его молодости. Дружбой молодого царя с Кармартеном воспользовались английские предприниматели, которые организовали доставку табака в Россию и его продажу, прикрывшись именем маркиза как ширмой. В

Англия они объединились в компанию «Tobacco Adventure to Russia», которая получила доступ на русский рынок благодаря реорганизации «Русской компании»⁸. В соответствии с договором, заключенным от имени Кармартена, компания обязалась ввезти в Россию в 1699 г. — 3 тыс. бочек табака, в 1700 — 5 тыс. бочек, в 1701 г. — 6 тыс. бочек. С каждого пуда зелья следовало платить в российскую казну по 4 коп., 12 тыс. фунтов стерлингов англичане внесли сразу при заключении контракта в счет будущих платежей. Так что чем больше табака поступало в Россию, тем выше были доходы казны. В свою очередь компания получила монопольное право торговли табаком на всей территории страны за исключением Украины. Для охраны этой монополии, пресечения чьих-либо попыток она могла нанимать собственную «гвардию». Наконец, компании было разрешено беспощадно вывозить русские товары, купленные на вырученные от продажи табака деньги⁹. Так, рассчитывая на скорые поступления больших денег из-за рубежа, казна предоставила иностранцам крайне выгодные условия торговли. Что же произошло в действительности, по мере реализации контракта?

В 1699-1702 гг. компания доставила в Россию около 90 тыс. пудов табака (примерно 9 тыс. бочек). Большая его часть поступила через Архангельск. Около 25 тыс. пудов — через Нарву и Новгород при посредничестве английских купцов А.Бланта и С.Ходсена, шведских подданных Н.Шмита и Я.Нумменса¹⁰. Понадобились и усилия дипломатов: английский резидент в Стокгольме Д.Робинсон ходатайствовал о пропуске товара через Нарву в Россию¹¹.

Получал табак в России и организовывал его сбыт здесь агент компании К.Гутфель. Часть товара он отправлял своим уполномоченным в отдаленных городах. В 1701 г. некто И.Балкин подрядился везти «своими струтами и своими работными людьми» 100 бочек табака в Казань и 30 бочек — в Астрахань¹². Уполномоченные Гутфеля, находившиеся в дальних городах, организовывали продажу табака от его имени на обширных территориях, вели борьбу с контрабандой. Они имели право при содействии местных властей «вынимать» зелье у лиц, торгующих им в нарушение монополии компании. Посланный К.Гутфелем в Холмогоры «сыщик» Хвостов контролировал табачную торговлю по Двине и Мезени, в Каргополе, Устюге Великом, на Ваге, в Соли Вычегодской, Яренске. Среди этих уполномоченных были и купцы иноземного происхождения. А.Берг занимался продажей табака в Кемь, Керети, Кандалакше, Поонежье и Подпорожье (примерно территория современной Карелии). И.Фандорт действовал в Астрахани, Уфе, Кунгуре; Ю.Исаков (Паульсен) — в Новгороде. Получив из Москвы большие партии табака, они раздавали его для продажи в розницу местным торговцам или приказчикам, присланным К.Гутфелем в эти края¹³.

Сам К.Гутфель действовал в Москве. Значительное количество посупившего товара он раздавал для продажи мелким русским торговцам партиями в несколько пудов. Они обязывались выплачивать Гутфелю деньги после реализации табака.

Внешне это напоминало сделки по товарному кредиту, многие из них зафиксированы в товарных книгах Московской крепостной конторы¹⁴. Но К.Гутфель при этом определял, в каких городах и уездах и по какой цене должен продаваться взятый у него табак. Встречаются записи и иного типа: в них не указано ни количество товара, ни его цена, зато обозначены сроки торговли табаком от имени Гутфеля (не более года) и плата 7-12 руб. в год. В этом случае мы имеем дело с наймом обычных приказчиков. Плата за их работу обычно зависела от количества проданного табака и отдаленности от Москвы района торговли. Меньше всего получали те, кто продавал табак в окрестностях столицы, в Звенигороде, Рузе, Можайске, Александрове, крестьяне подмосковных сел Покровского и Тайнинского. В то же время по 30 руб. в год получали кадашевец Ф.Свешников, посланный торговать в Азов, и житель Конюшенной слободы В.Ильин, отправленный в Шлиссельбург¹⁵. Иногда продавцы табака получали от К.Гутфеля не плату, установленную заранее, а торговали из доли прибыли. Например, нижегородцы М.Завражников и М.Брагин получали треть прибыли, но из своей же доли они возмещали накладные расходы. Крестьянин села Покровского Г.Отопков, взявшийся продавать табак в Немецкой слободе в Москве, брал за работу то, «что будет привески»¹⁶. Вероятно, Гутфель допускал, что его продавец будет сбывать табак иноземцам, жителям слободы с некоторым недоверием.

Как бы ни были различны условия этих контрактов, совершенно очевидна зависимость рус-

ских продавцов от табачной компании. Большинство из них были мелкими, отчасти средними торговцами. В общей сложности в московских товарных книгах зафиксировано 64 человека, бравших табак у К.Гутфеля. Среди них 48 жителей московского посада, 12 — из других городов, 3 крестьянина подмосковных сел¹⁷. Таким образом, К.Гутфелю удалось установить непосредственные контакты с массой мелких торговцев, избежать посредничества крупных русских купцов, которые были оттеснены от табачной торговли. Исключение составляет купец гостинной сотни Л.Попов, продававший табак в Переславле-Залесском, Ростове, Александрове¹⁸. В отличие от всех прочих он выплачивал К.Гутфелю деньги за товар полностью и сразу при его получении. Фактически он покупал у него табак, а заодно и право торговли им.

К.Гутфель рассылал нанятых им продавцов и лиц, получивших у него табак в долг, по многим городам и уездам страны. За два года ему удалось охватить почти весь внутренний рынок. Его люди торговали более чем в 50 городах России — практически во всех городах центра, севера Европейской части, Поволжья, в уездах к югу и юго-востоку от Москвы (Орел, Болхов, Воронеж, Азов, Пенза, Саранск, Тамбов, Темников, Астрахань и др.). Неохваченными остались лишь уезды вдоль западной и юго-западной границы, куда табак проникал контрабандным путем через Прибалтику и из Украины, а также Сибирь. В Сибири взялся организовать торговлю по договору с Гутфелем А.Виниус, но своих обязательств не выполнил¹⁹.

Но при всех привилегиях, дарованных компании, торговля табаком не принесла ожидаемой прибыли. С каждым годом она шла все хуже. В 1701 г. К.Гутфельд отпускал в кредит зелье партиям по 20-30 пудов, в 1702 г. — уже по 10-12 пудов и даже по 2-3 пуда. В результате в 1702 г. он раздал для продажи 329 пудов табака, а в 1703 г. — всего 47 пудов. В связи с трудностями сбыта компания уже в 1702 г. прекратила поставки товара в Россию. Перестали поступать пошленные доходы с ввоза табака, и в 1704 г. компания была лишена права торговли им. Нераспроданный товар был взят в казну — всего его оказалось почти 36 тыс. пудов или 45% того, что было привезено из-за моря. Также не были распроданы и курительные трубки на сумму 895 руб.²⁰ В 1705 г. начались переговоры о взаимных претензиях русской казны и компании, в которых интересы последней представлял посланник Англии Ч.Витворт, незадолго до этого прибывший в Россию. Переговоры продолжались больше года, в конце концов русское правительство согласилось выплатить компании стоимость табака, взятого в казну, а также вернуть уплаченные при его ввозе пошлины. Выплата всей суммы в 142,5 тыс. руб. предусматривалась в расрочку до 1711 г., а фактически продолжалась до 1714 г., когда и произошло окончательное урегулирование всех вопросов. Продажа «гутфелева» табака из казны также растянулась на многие годы, большая часть его сгнила²¹.

В чем же причина неудачи табачной торговли английской компании? Причин здесь, видимо, несколь-

ко. Это и слабое знание англичанами возможностей русского рынка — было ввезено чрезмерно большое количество табака; хотя этот товар был известен в России, но все-таки был достаточно новым, особенно в легальной торговле. Имела место несостоятельность русских торговых людей, бравших его в кредит — как доносили К.Гутфельду его уполномоченные, многие продавцы «табаки избыли, а денег не платят». В ряде мест власти не могли или не хотели пресечь контрабанду табаком и в полной мере обеспечить монополию компании. Автор фундаментального исследования деятельности компании американский историк Д.Прайс видит в этом главную причину ее неудачи²². Но рынок есть рынок, он живет по своим законам, часто независимо или вопреки действиям властей. На наш взгляд, основная причина неудачи этой торговли — в чрезмерной дороговизне товара. Компания ввозила в основном дорогие сорта табака с американских плантаций, из-за дальности перевозки его стоимость еще возростала. Но он не мог найти массового спроса в России, так как простой народ предпочитал «черкасский» табак (производившийся на Украине), который был в несколько раз дешевле. Гутфельд предписывал своим агентам продавать зелье по 20-40 коп. фунт, черкасский же табак, хотя и распространялся контрабандным путем, стоил не более 10 коп. фунт²³. Отсюда и успех этой контрабанды. Русские купцы и приказчики, получавшие от К.Гутфельда право торговли, продавали нередко черкасский табак, а не английский.

Гораздо большее место в деятельности торговых иностранцев на внутреннем рынке занимали их опе-

рации по покупке русского сырья. Подробные сведения на этот счет содержатся в подрядных книгах Московской крепостной конторы за 1701-1702 гг.²⁴ Там зарегистрировано 143 подряда о поставке и вывозе закупленных иностранцами русских товаров. И на внутреннем рынке их интересовала прежде всего пенька: о ней идет речь в 114 записях. Основными районами по производству пеньки были уезды к западу и юго-западу от Москвы. Именно здесь развернули свои операции торговые иноземцы, так или иначе проникшие на внутренний рынок. Они заключали договора на поставку пеньки с местными торговцами, скупавшими ее у крестьян, непосредственных производителей. Подрядчики обязывались поставить товар в здешние крупные села или уездные города.

Наибольшей активностью по покупке пеньки на внутреннем рынке отличался все тот же К.Гутфель. В 1701-1702 гг. он вывез 75 тыс. пудов, или, примерно, половину всей пеньки, закупленной здесь иноземцами (148,5 тыс. пудов). Совершенно очевидно, что эти операции К.Гутфели являются оборотной стороной деятельности в России табачной компании, агентом которой он был. В Англию в нее входило немного предпринимателей, занимавшихся сбытом в Европе американского табака; большинство ее членов издавна были связаны с балтийским рынком и специализировались на поставках корабельных материалов. Это Н.Тенч, Ч.Хиткот, входившие в руководство Eastland Company, Ф.Стратфорд — директор Гамбургской компании, а также Э.Харрис, В.Скавен, Н.Гульд и

др.²⁵ Договор Петра I с Кармартеном привлек их прежде всего как прекрасная возможность утвердиться на русском рынке с целью вывоза оттуда пеньки. Эти операции приносили компании немалую прибыль. С 1703 по 1709 гг. ее дивиденды по счетам в Английском банке не опускались ниже 25%, хотя поставки табака она прекратила еще в 1702 г.²⁶

В качестве агента компании К.Гутфель подряжал пеньку в трех основных регионах: Смоленском, Калужском, включая Мещовский и Козельский уезды, Брянском (с Почепом и Стародулем). Район Брянска был наиболее удаленным, из иноземцев сюда удалось добраться только К.Гутфелю. Самый дальний пункт, где отмечаются его закупки — село Гремячее уже в Северной Украине, в 500 км от Москвы²⁷. Повсюду он установил систематические контакты с местными мелкими скупщиками, торговыми крестьянами. В Мещовском уезде для него покупали пеньку крестьяне Вознесенского монастыря братья Константиновы, А.Ермолаев, С.Тихонов, А.Романов. Деньгами К.Гутфель их снабжал заранее. В октябре 1702 г. при заключении договора подрядчики получили вперед сполна всю сумму на закупку 450 пудов пеньки. В течение января 1703 г. они должны были поставить ее в село Сухиничи. В случае срыва поставки предусматривалась неустойка по 3 руб. 50 коп. за берковец (1 берковец = 10 пудов). Она с лихвой возмещала расходы Гутфеля, при заключении договора он выдал деньги из расчета по 2 руб. 90 коп.²⁸ Были и иные варианты. В сентябре 1702 г. в Москве был заключен подряд с тверским купцом А.Долговым,

который обязался поставить 1300 пудов пеньки в Твери на «сырной неделе» 1703 г. При заключении контракта Гутфель выдал ему 300 руб. (65% всей суммы). Окончательный расчет предусматривался при поставке товара²⁹.

Аналогичным было содержание договоров с поставщиками пеньки и у других иностранных купцов. В изрядных количествах ее скупали на внутреннем рынке некоторые московские иноземцы, так как они имели право торговать здесь без ограничений. П.Я.Вестов в 1701-1702 гг. подрядил 22 тыс. пудов пеньки, причем 13 тыс. пудов — в районах ее производства. Регулярные связи он имел в Калуге, где товар для него скупали Н.Дружинин, И.Кисельников, Е.Коробов, а также в Александре, Белеве, Дорогобуже. Московский торговый иноземец Яков Якимов вывез к Архангельску более 20 тыс. пудов, в том числе 6 тыс. пудов непосредственно из Дорогобужского уезда. Почти 25 тыс. пудов пеньки приходится на долю П.Коета, переводчика Посольского приказа, но основную ее массу (21 тыс. пудов) он закупил в Москве³⁰. Очевидно, он не имел достаточных капиталов, времени, штата приказчиков, чтобы развернуть операции во многих регионах. С 1703 г. скупает пеньку в Москве и Дорогобуже голландец И.Гутман, всего он вывез в том году около 8 тыс. пудов³¹. Он не принадлежал к числу «московских иноземцев», оставался голландским подданным; путь на внутренний рынок открывала ему жалованная грамота, полученная Гутманами в 1702 г. За большие заслуги перед российском правительством члены этой семьи полу-

чали прямо беспрепятственно торговать по всей стране, с уплатой установленных пошлин³². Из прочих иностранцев можно отметить гамбуржца М.Поппе и англичанина В.Лойда, покупавших пеньку в Москве; дальше на внутренний рынок они не проникали³³, как не имели они и жалованных грамот.

Об отправке товара из тех пунктов, куда его поставляли подрядчики, в Архангельск заботились уже сами иноземцы. Для этого они нанимали крестьян-извозчиков, которые перевозили его по зимнему санному пути до Вологды, откуда уже весной груз следовал на судах по Сухоне и Северной Двине в Архангельск для отправки за море. Так, К.Гутфель зимой 1702-1703 гг. направил группу крестьян Ростовского уезда с 63 подводками в Сухиничи, чтобы отвезти пеньку оттуда до Вологды. Сохранилась запись и о подряде им подвод от Твери до Вологды³⁴. Если иностранцы или их поставщики не успевали в течение зимы доставить пеньку до Вологды на санях, им приходилось ждать летнего пути. Перевоз летом на колесном ходу был намного дороже: доставка пуда пеньки из Москвы в Вологду зимой стоила 6 коп., летом — 13 коп. Иногда в летнее время использовался и водный путь — он вел из Москвы вниз по Москве-реке, Оке и вверх по Волге до села Усады Костромского уезда. Провоз стругом от Москвы до Усад стоил всего 3 коп. с пуда, но предстояло еще преодолеть около 200 верст на колесах до Вологды³⁵.

Далеко не все иноземцы могли развернуть операции по скупке пеньки в местах ее производства или получать ее в Москве. Некоторые из них за-

ключали договоры на поставку товара в Вологду или прямо в Архангельск. Использовали этот способ и те иностранцы, которые скупали пеньку повсеместно: тот же К.Гутфель, московские иноземцы. Так, в Вологду поставлял пеньку для К.Гутфеля брянский купец Г.Яковлев, а для Я.Якимова — П.Евсеев из Калуги³⁶. Уже в Вологде цена на пеньку была существенно выше, чем в районах ее производства. Г.Яковлев ставил ее здесь по 3 руб. 85 коп. берковец. Когда Гутфель сам скупал пеньку в Брянске и организовывал доставку в Вологду, он тратил 3 руб. 80 коп. с берковица (2 руб. 90 коп. — цена в Брянске — 90 коп. транспортных расходов). Как видим, заключая договор с Яковлевым, Гутфель проигрывал всего 5 коп. на берковце, столь же мизерной была прибыль русского купца. А вот П.Евсеев получал с Я.Якимова по 4 руб. 45 коп. за берковец. Учитывая, что цена в Калуге составляла около 3 руб., прибыль Евсеева могла быть приличной. Следовательно, многое зависело от условий договора между иностранцем и русским поставщиком. К.Гутфель сумел навязать Г.Яковлеву выгодные для себя условия, чего не удалось Я.Якимову. Прибыль, которую получали русские поставщики, зависела и от них самих: чем дешевле им удавалось закупить пеньку и доставить ее в Вологду, тем больше денег из выданной наперед иноземцем суммы оставалось у них в кармане.

Еще выше были цены в Архангельске. На ярмарке пенька продавалась по 7-9 руб. берковец. Эти цены окупали расходы по доставке, приносили прибыль русским купцам, сбывающим ее здесь

иностранцам. Но если пенька поставлялась ими по контрактам с иноземцами, при заключении которых деньги выдавались вперед, то и цены устанавливались ниже ярмарочных. Такие контракты на поставку в Архангельск иностранные купцы заключали иногда в Москве. В 1702 г. торговые люди из Торжка Реткины подрядились поставить в Архангельск пеньку англичанам В.Балему и Г.Дюжару по цене всего 5 руб. 60 коп. берковец³⁷.

Таким образом, чем глубже проникал тот или иной иноземец на внутренний рынок, тем дешевле обходился ему вывоз русского сырья. Можно отметить несколько ступеней этого проникновения: 1) скупка пеньки в районах ее производства, 2) скупка в Москве, 3) поставка русскими купцами в Вологду, 4) поставка в Архангельск по контрактам, которые заключаются в Москве. В первых двух случаях иностранцы присваивали прибыль, возникшую в результате разницы цен на внутреннем рынке и в Архангельске. В двух последних случаях они претендовали на часть этой прибыли.

Кроме пеньки, торговые иноземцы скупали на внутреннем рынке кофты, конский волос, холсты, дешевые меха. Эти товары характерны для некоторых оказавшихся здесь голландских купцов, а также для московских торговых иноземцев. Конский волос покупал А.Свелленгребел, а также Е.Клюк, которому житель московской Голутвиной слободы К.Савельев обязался поставить в Вологду 10 тыс. хвостов и 150 пудов грив. Гривы и хвосты скупал также для гамбургца И.Шмета Ф.Калинин из Торжка³⁸. С 1703 г. право на вывоз конского во-

доса было предоставлено только голландцам Кинсиусам. Интересные операции с кожаными товарами проделывали такие иноземцы как П.Вестов, Т.Келдерман, голландец И.Любе. Они скупали какое-то количество сырых кож и сдавали их для выделки юфти обычно ярославским кожевникам, после чего отправляли ее за море. Т.Келдерман в 1703 г. выдал в дело К.Павлову и Г.Топленинову 2250 кож. Сырая кожа стоила, примерно, 1 руб., готовая юфта — около 4 руб. А за выделку Т.Келдерман платил всего 17 коп. с кожи³⁹. Налицо непосредственные контакты некоторых иноземцев с мелкотоварным производством, которые обещали им неплохие барыши. Можно отметить еще раздачу Я.Якимовым небольшого количества пеньки крестьянам села Покровского для изготовления канатов⁴⁰. Но подобные операции в практике иностранных купцов все же встречались редко, даже для тех, кто так или иначе проникал на внутренний рынок. Суть их деятельности здесь состояла в оперативной и выгодной скупке необходимых товаров и отправке их к Архангельску. Наиболее разнообразен ассортимент товаров у московских иноземцев П.Я.Вестова и Т.Келдермана. Они скупали на внутреннем рынке, кроме пеньки и юфти, холсты, завязи, медвежьи, кошачьи шкуры, воск, сушеные грибы, а также восточные товары: шелк, кисей, овчины⁴¹.

Все, о чем шла речь выше, иноземцы покупали на внутреннем рынке свободно. Некоторые товары, в основном это особо ценные и находящиеся, как правило, в казенной монополии, иностранные

купцы могли закупать по специальным разрешениям. Почти все разрешения такого рода даны им в конце XVII — первые годы XVIII вв. В 1693 г. голландец Д.Артман получил право на скупку корабельного леса в Смоленском, Дорогобужском, Бельском, Рославльском и Торопешком уездах. Для вывоза за море деревьев направлялись в Ригу. Когда началась война со шведами, Д.Артман перенес свои операции в бассейн Северной Двины и отправлял лес через Архангельск. Известно о деятельности его приказчиков А.Бакира и П.Пели в Тотемском и Устюжском уездах. Они подражали местным крестьян, и те начинали валить лес осенью, зимой подтаскивали бревна к рекам, по которым они с весенним половодьем сплавлялись к Архангельску. Часть деревьев Д.Артман отправлял в Амстердам, где его компаньон Э.Тессинг продавал их в 4 раза дороже. (Дерево средних размеров Артману стоило 17-20 руб., в Амстердаме оно шло по 80 руб.). Оставшиеся деревья Д.Артман «растирал» на доски на ветряной «пильной мельнице», в Архангельске на Мосеевом острове, которая была у него на откупе. Доски он частью отправлял тому же Тессингу, частью продавал на ярмарке иностранным купцам. В 1703 г. англичане А.Блант, С.Мюке и др. купили у него около 1 тыс. досок. В 1702 г. эта мельница перешла под казенное управление. С 1704 г. была взята в казну и торговля мачтовым лесом. Но вскоре право вывозить лес перешло к голландским купцам А.Диксу и Л.Гарланту, которые владели им до 1707 г. Насколько успешна была их торговля, неизвестно⁴².

Всего в эти годы было выдано около десятка жалованных грамот на закупку отдельных товаров на внутреннем рынке. В 1695 г. М.Поппе получил право закупать ремень в Сибири⁴³; в 1698 г. Л.Гарлант и Е.Клюк — дьянное семя повсеместно⁴⁴; в 1699 г. И.Любе и Х.Брант — овечью шерсть «в Москве и где похотят», в 1702 г. они же — шетину⁴⁵; в 1702 г. П.Вестов — рыбий клей «на Самаре, Янке и Сызрани»⁴⁶; в 1702 г. К.Гутфель — лен в Псковском и Новгородском уездах⁴⁷; в 1702 г. И.Фандорт — слюду в Башкирии⁴⁸; в 1703 г. братья Кинсиусы — конские гривы и хвосты повсеместно, и в том же году И.Фандорт — словую «серу» (смолу)⁴⁹. Иногда им разрешалось заниматься первичной переработкой скупленного сырья. Кроме Д.Артмана, «растиравшего» бревна на доски, И.Фандорт и его компаньон русский купец А.Носков могли из купленной ими словой «серы» «масло скипидарное сидеть, калемфонию (кланифоль) и пек (густую смолу) варить и отпускать за море». С 1704 г. этот откуп перешел к московскому иноземцу Я.Якимову⁵⁰. В одних случаях иностранцам разрешалось вести закупки на всей территории страны, в других — ограничивалась определенным районом. Но во всех случаях им предоставлялось монопольное право скупки и продажи за море. Эти операции не следует отождествлять с внешней торговлей казны. Иноземцы в данном случае покупали товары «повольной ценой» у мелких торговцев, непосредственных производителей и сами отправляли за рубеж. Казна лишь получала с них определенные откупные платежи. Тем самым она временно уступа-

ла отдельным иностранцам право монопольного торгoвли. Сроки данных откупов составляли 5, 10, 12 лет. Предусматривалось и продление договора, если никто из купцов на торгах не предлагал большую откупную сумму. Право подобной торговли получали обычно наиболее известные иностранные купцы, активно сотрудничавшие с казной (И.Любе, Х.Брант, М.Поппе, Д.Артман) либо иноземцы, осевшие во внутренних городах страны (П.Вестов, Я.Якимов, И.Фандорт).

Все же эти операции иноземцев на русском рынке не достигли большого размаха. В течение установленного срока просуществовал лишь откуп Я.Якимова на торговлю «серой» и откуп Кинсиусов на конские гривы и хвосты. Известно о поставке словой серы для Я.Якимова на Макарьевскую ярмарку тверскими купцами А.Долговым и С.Подошевниковым в количестве 6 тыс. пудов. Вывоз Кинсиусами грив и хвостов отмечается в их выписях на архангельской ярмарке 1710 г.⁵¹ И.Любе и Х.Брант в 1699–1703 гг. закупили 10,5 тыс. пудов овечьей шерсти, но в 1703 г. этот договор был расторгнут, так как шерсть потребовалась на открывшийся в Москве Суконовый двор⁵². Не обнаружено никаких следов торговли слюдой в Башкирии И.Фандортом. Вероятно, он не смог организовать столь сложный промысел. До истечения сроков была взята в казну торговля ремнем, шетиной и лесом. Это связано с тем, что в 1706 г. были установлены прямые контакты казны с европейским рынком: казенные товары направлялись из Архангельска в Амстердам находившимся там

торговым агентам России — О.Соловьеву, Х.Бранту, И. ван дер Бургу.

Эти откупа иноземцев первых лет XVIII в. большей частью отрицательно влияли на развитие русской торговли. Будучи монополистами, иностранцы диктовали свои условия на внутреннем рынке — это приводило к падению закупочных цен, что было невыгодно для массы мелких торговцев. Монополия иноземцев препятствовала крупным русским купцам вести прибыльную посредническую торговлю ценными экспортными товарами. Их отпуск за море сокращался, поступали жалобы от русских торговых людей. В 1705 г. по настоянию псковских купцов был отменен льняной откуп К.Гутфеля, который за полтора года сумел вывезти из Псковского и Новгородского уездов более 50 тыс. пудов льна⁵³. В упадке оказалась торговля шетиной на архангельской ярмарке в результате деятельности откупщиков И.Любса и Х.Бранта. В 1700-1702 гг. русские купцы доставляли сюда и продавали иноземцам для отправки за море по 5 тыс. пудов шетины ежегодно. В 1703 г., когда начал действовать договор об откупе, Любс и Брант закупили и отправили только 2 тыс. пудов. В дальнейшем экспорт шетины так и не достиг прежнего уровня, а к 1709 г. сократился до 498 пудов. Откупщики, хотя и пользовались монопольным правом на скупку, так и не смогли заменить русских купцов в поставке шетины к Архангельску. Но казна в накладе не осталась. Несмотря на значительное сокращение вывоза товара, откупные платежи, которые вносили Любс и Брант, более

чем в два раза превысили пошленные сборы с торговли шетиной до 1703 г. В 1701 г. в казну поступило 1061 ефимок пошлины, а откупщики заплатили в 1703 г. — 2173 ефимки, в 1704 г. — 3606 ефимков. Правда, по мере сокращения вывоза шетины откупщиками падали и доходы казны — в 1708 г. — 400 ефимков⁵⁴.

Очевидно, что, предоставляя подобные откупа иноземцам, правительство стремилось в первую очередь увеличить казенные доходы, расширить приток иностранной серебряной монеты, так как платежи вносились ефимками. В ряде случаев (шетинный откуп Любса и Бранта, льняной — Гутфеля) иностранные купцы сверх откупных платежей поставляли в казну ефимки в обмен на русские деньги.

Но во втором десятилетии XVIII в. подобная практика почти сходит на нет. Правительство уже имело собственных торговых агентов за рубежом и в меньшей степени нуждалось в посредничестве иностранцев в сбыте за море русских сырьевых товаров, следовало учесть и жалобы русских купцов, да и не все иностранные откупщики могли развернуть торговлю в широких масштабах, чтобы казна получила приличные доходы. В 1710-е гг. разрешения иноземцам на скупку товаров на внутреннем рынке выдавались редко. В 1716 г. гамбуржец Е.Говаре получил право покупать смолу на Олонце и в Выборге. Откупных платежей он не вносил, с него брали только обычные пошлины⁵⁵. Эти льготы объясняются, видимо, тесным сотрудничеством Е.Говарса с казной (он был ее агентом в Гамбурге)

или стремлением Петра I любыми средствами активизировать торговлю на Балтике. Также в 1716 г. англичанину Я.Спеллману было дано право закупить в Новгородском уезде русских товаров на 9 тыс. руб. На ту же сумму он обязался поставить в Адмиралтейство уголь и свинец⁵⁶. Пошлины Спеллман платил наравне с русскими купцами. Эта сделка весьма напоминает современные нам бартерные операции. Есть сведения, что в 1714 г. торговля мячковым лесом находилась на откупе у И.Любса, но не известно, мог ли он скупать деревья в уездах Подвинья, как это в свое время было позволено Д.Артману. На некоторые русские товары спрос за рубежом снизился. В 1710-1715 гг. не было желающих заключить договор на поставку из России еловой «серы». Лишь в 1716 г. голландец М.Барет изъявил желание покупать «серу» с уплатой обычных пошлин, но через полгода отказался⁵⁷. В дальнейшем контракты с иноземцами на скупку ими отдельных товаров во внутренних районах страны не отмечаются вовсе. Подобные операции возобновляются уже при преемниках Петра I.

Те же тенденции характерны и для закупок иностранцами на внутреннем рынке товаров, находившихся в свободном торге, которые они приобретали наряду с русскими купцами без всяких монополий и откупов. Но и эти операции иноземцев к концу второго десятилетия XVIII в. сходят на нет. Свернула свою деятельность английская табачная компания, не ведутся закупки пеньки, кофты прочими иноземцами, в том числе голландцами, которые проникали сюда в первые годы XVIII в.

Подобные операции продолжают лишь московские торговые иноземцы, среди которых наиболее активен Павел Вестов-младший. Причем и он основную массу товаров закупает в Москве, а не в районах их производства, как действовал его отец в 1701-1703 гг.⁵⁸ Известны аналогичные операции и других иностранных купцов, осевших в России в ходе Северной войны. Но они не отличались ни широким размахом, ни глубиной проникновения на внутренний рынок. Проживавший в Ярославле В.Кетлефель и Н.Местьмакер, находившийся в Вологде, в этих же городах приобретали русские товары для отправки за море из Архангельска. С.Крап, А.Шлитор, И.Ланг, жившие в Вологде, Б.Дистервалт, выходец из Гданьска, осевший в Петербурге, иногда кое-что покупали в Москве (конопляное масло, заячьи шкуры, шетина)⁵⁹. В сохранившихся источниках за 20-е гг. XVIII в., в том числе в крепостных книгах, таможенных выписях, вывоз иностранными купцами товаров с внутреннего рынка, включая и московских иноземцев, не отмечается вовсе. В московских подрядных книгах обнаружена единственная такого рода запись о вывозе в 1725 г. петербургским торговым иноземцем И.Биттнером 123 пудов шетины, 100 пудов корских хвостов, 28 медвежьих шкур⁶⁰. В выписях Архангельской таможни за 1725-1726 гг. отмечается только привоз иностранцами припасов «сверху про свой обиход», а не товаров. Уже действовала Вышневолоцкая водная система, правда, только в одну сторону, а именно из внутренних районов страны в Петербург. Сохранилась записная книга о провозе

товаров через Боровицкие пороги на реке Мете, входившей в эту систему, за 1725 г. Среди 255 записей русских купцов нет ни одной записи иностранцев⁶¹.

Таким образом, в течение первой четверти XVIII в. торговые операции иностранных купцов на внутреннем рынке неуклонно сокращаются, а к середине 20-х гг. источники их практически не отмечают. Одним из первых обстоятельно рассмотрел эту проблему Н.Н.Репин. Он пришел к выводу, что уже к началу XVIII в. русские купцы стали полными хозяевами внутреннего рынка России, а иностранные купцы сосредоточили свои операции в порубежных портах⁶². Этот вывод в целом подтверждается и иными материалами, приведенными выше. Однако следует подчеркнуть, что в первые годы XVIII в. в связи с общей активизацией деятельности западноевропейских купцов в России, определенной заинтересованности в этом со стороны правительства Петра I, усиливается проникновение иноземцев на внутренний русский рынок, что имело место до середины первого десятилетия. В это время некоторые западноевропейские купцы предпринимают здесь торговые операции в весьма крупных размерах. Это проникновение было весьма глубоким и имело разнообразные формы. Иностранцы могли торговать здесь на основании жалованных грамот (Гутманы), специальных договоров с правительством (английская табачная компания), вывозить определенные товары из числа находившихся в казенной монополии, получив на них откуп, и наконец, вести сбыт и покупку

того, что находилось в свободном торге, на общих основаниях. Подобная деятельность иностранцев отличалась большой гибкостью, им удавалось устанавливать контакты с массой мелких торговцев и товаропроизводителей, в короткий срок охватывать обширные рынки, проникать в отдаленные уезды, перебрасывать на большие расстояния крупные партии товаров. Особенно ярко это проявилось в деятельности английской табачной компании.

В значительной мере этим операциям торговых иноземцев препятствовала конкуренция со стороны крупного русского купечества. Иногда иностранцам не хватало знания особенностей и возможностей русского рынка. Исключительное влияние на деятельность иностранных купцов внутри России оказывала политика правительства. Наибольших успехов достигли на внутреннем рынке те иноземцы или их торговые компании, которые пользовались прямой его поддержкой, получив доступ к складу по особым грамотам и разрешениям. Для прочих иностранных купцов серьезной преградой оставался высокий таможенный барьер Новоторгового устава, в соответствии с ним иностранцы платили проезжую пошлину и еще 6% с продажи товаров во внутренних городах. Еще в 80-х гг. XVII в. иностранные купцы, даже имевшие право проезда во внутренние города, предпочитали торговать с русскими в пограничных портах, чтобы не платить повышенных пошлин⁶³. Эти нормы неуклонно применялись на протяжении всего периода правления Петра I и после него. В результате при-

нения Тарифа 1724 г., регламентировавшего сбор пошлин в порубежных портах, на внутреннем рынке ничего не изменилось — здесь продолжал действовать Новоторговый устав. Ко второму десятилетию XVIII в. правительство резко ограничило, а затем полностью прекратило выдачу специальных разрешений иноземцам на право торговли во внутренних городах. Это отвечало интересам крупных русских купцов, обеспечивало их посредничество между производителями, мелкими скупщиками экспортных товаров, потребителями импортных изделий, с одной стороны, и западноевропейскими купцами, с другой. Однако у иноземцев оставался довольно мощный рычаг, с помощью которого они могли преодолеть таможенные и прочие ограничения, эффективно контролировать скучку и сбыт товаров на внутреннем рынке. Этот рычаг — кредит, о чем речь пойдет в следующей главе.

Кредит в торговле западноевропейских купцов в России

Кредит в торговле вообще, а во внешней торговле в особенности, имеет огромное значение. Без него практически не существует сколько-нибудь развитая коммерция. Для приобретения крупной партии товара купцы обычно нуждаются в средствах. Их они могут получить либо в банке, либо у своих партнеров по торговому обороту. Если кто-то заинтересован в приобретении определенных товаров для отправки их за рубеж, он может выдать деньги в долг кому-либо для их закупки. И наоборот, если купец стремится сбыть крупную партию товара, а его партнер не может сразу уплатить за нее наличными — товары отдаются в долг, получивший их возвращает деньги после распродажи всей партии. В первом случае мы имеем дело с кредитом в денежной форме, во втором случае — налицо товарный кредит. Но во всех случаях кредит, оказываемый купцами друг другу непосредственно, или при участии коммерческих банков, является эффективным средством ускорения товарооборота, буквально двигателем торговли. И чем выше уровень развития торговли, что в

конечном счете зависит от состояния экономики, глубины рыночных отношений, их связи с капиталистическим производством, тем большего совершенства достигает коммерческий кредит. Его широко использовали западноевропейские купцы к началу XVIII в., крупные суммы предоставляли им различные фирмы и уже появившиеся банки. Вместе с тем они вели обширные кредитные операции на русском рынке.

В России в то время еще не было ни банков, ни каких-то иных кредитных учреждений. Деньги в долг выдавались частными лицами и, в определенных случаях, казной. В значительной мере это была сфера действия ростовщического капитала, который существует наряду с «допотопным» купеческим капиталом на протяжении всего периода средневековья.

О типичном ростовщичестве говорится, в частности, в III томе «Капитала» К.Маркса, который отмечает две его основные формы. Во-первых, ростовщики могут предоставлять ссуды расточительной знати. Во-вторых, они могут давать деньги мелким производителям: крестьянам, ремесленникам и т.д. При этом, используя свое монопольное положение на денежном рынке, ростовщик устанавливает по ссудам очень высокий процент, рассчитанный на присвоение всего прибавочного продукта¹. Однако в ссудах нуждаются и купцы, они также могут быть клиентами ростовщиков. При этом они используют полученные деньги как капитал, т.е. вкладывают их в свои торговые операции для получения прибыли. Если их кредитор

действует как ростовщик, он стремится присвоить в виде высокого процента всю прибыль купца, возникшую в результате использования ссуды. Но купцы согласны уступить своему кредитору лишь часть прибыли, они заинтересованы в снижении процента по ссудам, удешевлении кредита и, в конечном счете, в создании особой системы коммерческого кредита, независимого от ростовщиков и обслуживающего торговлю. Это возможно, когда купец и его кредитор взаимодействуют друг с другом, по крайней мере, как равноправные партнеры. Полное высвобождение кредитных сделок купцов из-под влияния ростовщичества происходит уже в эпоху позднего средневековья и завершается к началу нового времени. Поэтому кредитная деятельность западноевропейских купцов на русском рынке в начале XVIII в. не может не быть своеобразной: ведь у себя на родине они были прекрасно знакомы с самыми передовыми формами кредитных отношений, а в России сталкивались с засильем ростовщичества. Более конкретно о специфике подобной деятельности торговых иностранцев на русском рынке можно говорить, определив их партнеров по кредитным сделкам, связь этих операций с торговлей, уровень процента по ссудам, влияние норм коммерческого кредита, существующих в Европе, и правил и традиций, установившихся в России.

Кредитные сделки фиксировались в заемных (денежные ссуды) и в товарных (отпуск в долг товаров) книгах крепостных контор. Лучше сохранились заемные книги, поэтому о денежном кредите

можно судить наиболее обстоятельно. В нашем распоряжении 15 заемных книг по Москве за 1701-1703 и 1714-1725 гг. и 9 книг по Петербургу за 1717-1725 гг.² В них зарегистрировано 1027 сделок с участием иностранных купцов (873 — в московских книгах и 154 — в петербургских). В абсолютном большинстве случаев, а именно в 996 западноевропейские купцы являются кредиторами и крайне редко — должниками. Следовательно, их деятельность в этой сфере практически сводилась к выдаче денежных ссуд. За 15 лет в Москве ими выдано в долг более полумиллиона рублей. В начале века они выдавали ежегодно по 35-60 тыс. руб., к 20-м годам масштабы кредитной деятельности иноземцев на московском рынке сокращаются. В книге за 1724 г. зафиксировано их сделок на сумму в 20 тыс. руб., за 1725 г. — 16 тыс. руб.

Вместе с тем развивается аналогичная деятельность иноземцев в Петербурге. Всего за 7 лет в тамошних книгах зафиксирована выдача ими ссуд на сумму около 200 тыс. руб. Причем, в 1717 г. отмечается всего 5 сделок с участием иностранцев; в 1718 и 1719 — ни одной, что объясняется активизацией военных действий на Балтике на заключительном этапе Северной войны. Тем не менее в 1720 г. иностранный кредит в Петербурге достигает 48 тыс. руб., а в 1722 г. — первый год после заключения мира со Швецией — даже 58 тыс. руб. Затем число сделок и их сумма сокращаются, в 1723 г. — 27 тыс., в 1724 г. — 11 тыс., в 1725 г. — 18 тыс., в 1726 г. — 19 тыс. руб., в 1727 г. — лишь 200 руб., а в дальнейшем такого рода сделки в пе-

тербургских крепостных книгах не отмечается вовсе. Очевидно, в данном случае мы имеем дело не с сокращением кредитных операций иностранцев, а с тем, что они все реже регистрируют их в крепостных конторах. Дело шло к изданию Вексельного устава 1729 г., который не предусматривает обязательной регистрации долговых обязательств купцов (векселей) в крепостных конторах и где бы то ни было еще. Кроме того, определенные суммы иностранцы выдавали русским купцам при заключении контрактов на поставку товаров. По указу от 10 ноября 1720 г. эти контракты могли совершаться только в Петербурге, их не регистрировали в крепостных конторах, а записывали в особые книги при таможне, которые, видимо, не сохранились³. Поэтому далеко не все выданные иноземцами денежные ссуды зафиксированы в заемных книгах. Не все заемные книги сохранились, так, полностью отсутствуют такого рода книги по Архангельску. Тем не менее в нашем распоряжении сведения о более чем тысяче сделок иноземцев, зафиксированных в московских и петербургских заемных книгах, что позволяет вполне определенно судить о их кредитной деятельности.

Всего в заемных книгах отмечены сделки 120 западноевропейских купцов. Среди них практически все активно торговали в России при Петре I иноземцы. На московском рынке среди иностранных кредиторов преобладают голландцы. Ими выдано ссуд на 236 тыс. руб., т.е. почти половина всего иноземного кредита (521 тыс. руб.). Англичанами выдано всего 83 тыс. руб., гамбургцами —

33,5 тыс. руб. Это свидетельствует о преобладании голландских купцов среди иноземцев на внутреннем рынке, которое они сохраняли в течение всей первой четверти XVIII в. Но положей была ситуация и в Петербурге — порубежном порту. Из общей суммы иноземного кредита в 189,5 тыс. руб. на долю голландцев приходится 82 тыс. руб., англичан — 71 тыс. руб., гамбургцев — 4,5 тыс. руб. Интересно, что в Петербурге гамбургских купцов превзошли представители другой германской земли — Пруссии, на их долю приходится около 7 тыс. руб. кредита. Причем в основном это сделки И. Педутье из Берлина, выходя из Франции, происходившего, по всей видимости, из гугенотской семьи⁴. Гамбургские купцы, имевшие прочные позиции в Архангельске, с развитием торговли Петербурга уступали свое бесспорно ведущее место среди немецких купцов на русском рынке представителям других германских земель, имевших выход к Балтике. Также очевидно, что и в Петербурге голландцы сохраняют преобладание над всеми иноземцами в сфере кредита. Особенно активно здесь действуют Е. Мейер, и торгующие совместно Андрей Бодиск с Варфоломеем Борстом и Яков Бодиск с Францем Фандортом. Это преимущество голландцев связано опять-таки с их прочными позициями на внутреннем рынке, где они имели немало постоянных партнеров. Кредитные операции требуют особой доверительности и надежности в отношениях между участниками сделки и лучше идут именно с постоянными клиентами. Очевидно, с развитием торговли Петербурга гол-

ландские купцы не без успеха продолжили операции со своими давними партнерами, которые теперь приезжали к ним за деньгами в Петербург. С другой стороны, англичане уже почти сравнялись в сфере кредита с голландцами, своими извечными конкурентами в России. Им удалось с самого начала развития петербургской торговли захватить здесь достаточно прочные позиции, чтобы продолжить наступление в дальнейшем. Среди них выделяются компаньоны В. Элмсалл и Г. Эванс, а также А. Ачкин, Ф. Гарднер. Наконец, среди иностранных кредиторов в Петербурге мы видим и итальянцев, каковых не отмечалось ранее на московском рынке. В основном это Д. Мариотти и Д. Бюстелли, выдавшие несколько ссуд на сумму 1,5 тыс. руб.⁵

Кто же брал деньги в долг у иностранных купцов? В подавляющем большинстве — это русские купцы. На их долю приходится 799 ссуд из 1027, отмеченных в заемных книгах, или 418 тыс. руб. иностранного кредита (около 85% всей его суммы). Кроме того, около 28 тыс. руб. получили у иностранцев иноземные же торговцы. Таким образом, основная масса кредита предоставлялась западноевропейскими купцами торговым людям, следовательно, непосредственно была связана с их коммерческой деятельностью.

Среди должников торговых иноземцев мы видим и крупных русских купцов и торговцев средней руки, представителей различных регионов и разных сословных групп. Сделки крупных купцов, как правило, принадлежащих к привилегированным корпорациям гостей и гостиной сотни, выде-

ляются своими значительными размерами. Так, в 1714 г. гость И. Шапошников занял у П. П. Вестова 3300 руб., гость И. Панкратьев у англичанина О. Вилкинел — 5227 руб.; гостинной сотни И. Аникиев в 1715 г. занял у гамбургца Ф. Гиза 3121 руб., а в 1722 г. у голландца Е. Мейера — 3330 руб.⁶ Однако всего на долю крупных купцов на московском рынке приходится всего лишь 18% иностранного кредита (81,5 тыс. руб.). В Петербурге ситуация несколько иная. Здесь доля крупного столичного купечества среди должников иностранцев существенно возрастает. Известные петербургские купцы, такие как М. Короткий, Я. Медовщиков, И. Тучков, Н. Мушников, В. Щеголин и др., получили у иностранцев в долг около 60 тыс. руб., что составляет около 30% иностранного кредита. Встречаются и особо крупные сделки. Так, Я. Медовщиков в 1721 г. занял у голландца И. Тамеса 5400 руб.⁷ Есть среди клиентов иностранных кредиторов в Петербурге и представители верхушки московского купечества: И. Вихляев, И. Тихановский, Т. Филатьев. В 1723 г. приказчик Т. Филатьева Афанасий Гончаров — в дальнейшем сам ставший купцом и владельцем полотняных заводов, он же прапрадед Н. Н. Пушкиной-Гончаровой — занял у голландцев Я. Бодиска и Ф. Фандорта 1219 руб. 56 коп.⁸ Всего купцы из Москвы получили у иностранцев в Петербурге 29 тыс. руб. кредита. Следовательно, доля столичного купечества среди заемщиков иностранцев достигает 45%. Это свидетельствует о том, что по мере развития Петербурга, как центра внешней торговли, положение крупных русских купцов как посредни-

ков между иностранцами и внутренним рынком укреплялось. Сюда прибывали на постоянное жительство наиболее состоятельные русские купцы, которые и устанавливали здесь непосредственные контакты с иностранцами. Отметим также, что и из москвичей, торговцев других регионов, сюда прибывали с товарами также, как правило, самые богатые купцы, которым было под силу преодолеть сложный путь из внутренних районов России до Петербурга, когда необходимые коммуникации (например, Вышневолоцкая водная система и Ладожский канал) еще только строились.

Но очевидно и другое. Ведь даже в Петербурге крупные столичные купцы не составляли большинства среди должников торговых иностранцев. Здесь наряду с ними весьма активно действуют купцы из многих русских городов — Твери, Ржева, Торжка, Нижнего Новгорода, Гороховца, Вязников, Ярославля и др., на долю которых приходится 94 тыс. руб. иностранного кредита или 50% всей его суммы. Раздавая деньги в долг, западноевропейские купцы стремились установить контакты с достаточно широким кругом партнеров, включая торговцев многих городов и регионов, охватив тем самым значительную часть внутреннего рынка России. Еще более это характерно для их кредитной деятельности в Москве, являвшейся центральным пунктом, узлом этого внутреннего рынка. Здесь среди должников иностранцев значатся торговые люди практически всех московских слобод и сотен, как наиболее богатых — Кадашевской, Мещанской, так и всех прочих. Активно занимают

деньги у иноземцев и крестьяне непосредственно примыкавших к Москве сел — Покровского и Тайнинского. Село Покровское находилось у восточной окраины тогдашней Москвы, на Яузе, немного выше Немецкой слободы. До сих пор в Москве сохранилась церковь Покрова, построенная в этом селе еще в начале XVII в. Местные крестьяне вели обширные торговые операции и пользовались кредитом иноземцев, проживавших рядом в Немецкой слободе. Село Тайнинское находилось на торговом пути из Москвы в Ярославль и далее в Вологду и в Архангельск. Ныне — это часть г. Мытищи. Через Тайнинское постоянно проезжали иностранные купцы, с которыми и вступали в сделки здешние торговые крестьяне. Особенно активизируются контакты жителей этих сел с торговыми иноземцами во втором десятилетии XVIII в. Их займы нередко превышают 1 тыс. руб. В 1715 г. крестьянин с. Тайнинского С. Третьяков занял у И. Любеа 1300 руб., В. Вислоухов из с. Покровского в 1717 г. — у братьев Тамесов 2390 руб., а его односельчанин И. Кружевин — братьев Пелей 2530 руб.⁹ Кроме того, среди должников иноземцев немало торговых крестьян и из более дальних уездов, главным образом западных (Вяземского, Дорогобужского), северных (Ярославского, Двинского и др.).

Характеристика состава займщиков иностранных купцов с «географической» точки зрения крайне интересна. Среди них было много приезжих торговцев. На московском рынке они получили у иностранцев в долг практически столько же денег, что и жители самой Москвы. Так, москви-

чи, вкупе с жителями сел Покровское и Тайнинское, заняли у иноземцев 222 тыс. руб., а приезжие купцы — 216 тыс. руб. Здесь и торговые крестьяне, о чем речь уже шла, и еще больше — купцы из уездных городов. Среди них выделяются торговые люди в основном трех регионов: во-первых, это города и уезды к западу и юго-западу от Москвы (Ржев, Вязьма, Калуга, Дорогобуж, Брянск, Боровск и т.д.), во-вторых, группа городов и уездов к востоку и северо-востоку от Москвы (Ярославль, Вязники, Шуя, Гороховец, Нижний Новгород), в-третьих, северный регион (Вологда, Великий Устюг, Архангельск). Представители прочих регионов встречаются среди должников иноземцев гораздо реже. В первые годы XVIII в. наиболее активны торговые люди из уездов к западу и юго-западу от Москвы. Именно в этих районах, как уже отмечалось, производилась пенька — товар, крайне интересовавший западноевропейских купцов. В 1701-1703 гг. они выдали в Москве торговцам из этих уездов 88% своих денежных ссуд. Некоторые займщики получали деньги у одних и тех же иностранцев. Ржевские купцы И. Поганкин и С. Образцов в 1702 г. заняли у англичанина А. Меврела 1810 руб., а в 1703 г. — у него же 2100 руб. Крестьянин села Сычевки Вяземского уезда М. Остроухин в 1702 г. занял у того же А. Меврела 1700 руб. Калужане А. Кирличников, И. Хвальцов, Н. Золотарев неоднократно занимали деньги у англичанина Д. Калера¹⁰. Таким образом, некоторым иностранным купцам удавалось наладить постоянные связи с отдельными русскими торговцами из регионов, где произ-

находились экспортные товары. Контакты купцов из западных и юго-западных уездов на кредитном рынке в Москве сохраняют систематический характер и в дальнейшем. Вяземский купец Г.Юшинский в 1714 г. занял у англичанина А.Бланта 1490 руб., в 1715 г. получил у него же еще 4 ссуды на сумму всего 3650 руб. С 1716 по 1719 гг. регулярно занимал деньги у гамбургца Ф.Гиза калужанин Ф.Лобов. Уже известные нам ржевичи Образцовы только в 1715 г. получили ссуды у голландцев А.Тиммермана, И.Герменгузена, англичан Ф.Морли и О.Вилкина. Сын М.Острохина, теперь уже дорогобужский купец Г.Острохин, в 1722 г. занял 2200 руб. у голландца Д.Пеля. С 1717 г. отмечаются весьма крупные сделки дорогобужцев А.Прудникова и Г.Помазова, занимавших у голландцев И.Любса, И.Герменгузена по 4000 руб. и более¹¹.

Но во втором десятилетии XVIII в. среди клиентов иноземцев по денежному кредиту все более видное место занимают торговые люди из городов и уездов к востоку и северо-востоку от Москвы. Они получили у иностранцев в Москве 31% всего денежного кредита и существенно потеснили представителей западных и юго-западных уездов, доля которых упала с 88% до 33%. К северо-востоку и востоку от Москвы, в регионах, тяготеющих к Волге, находились крупные центры торговли и мелкотоварного производства. Здесь в больших количествах производилась кофта — товар, наряду с пенькой интересовавший иноземцев в первую очередь, а также такие экспортные товары как говьяжье сало, лен, воск и др. Среди купцов этого ре-

гиона в контактах с иноземцами выделяются братья Корниловы из Шуи. Их основные партнеры — английские купцы. В 1718 г. Ф.Корнилов занял у О.Вилкина и К.Хогела особо крупную сумму — 6175 руб., он же в 1722 г. получил у Г.Эванса, В.Эльсалла, голландца А.Бодиска 4 ссуды на сумму 4450 руб. С.Плотников из Гороховца неоднократно занимал по 1 тыс. и более у голландцев Е.Мейера, И.Любса, С.Элеута. Е.Мейер и Ф.Гиз регулярно снабжали деньгами вязниковских купцов¹². До 22% всего иностранного кредита в Москве возрастает к началу 20-х гг. доля купцов из северных городов: Вологды, Великого Устюга, Архангельска, Каргополя. До этого они почти незаметны среди клиентов иностранных купцов в Москве, — так как имели возможность общаться с ними у себя на Севере — на архангельской ярмарке. Теперь же, в условиях ограничения внешней торговли Архангельска, некоторые из них прибывают в Москву для продолжения контактов со своими зарубежными партнерами. Отметим среди них вологодцев Шапошниковых, Кузнецовых, Москотильниковых, а также архангелогородца Василия Крестинина, который занял в 1721 г. у гамбургца П.Розена 415 руб.¹³ Возможно, это его сын (или внук?) стал во второй половине XVIII в. известным историком, автором первых книг по истории Архангельска. Из купцов Великого Устюга выделяются С.Гусев и П.Путилов — постоянные партнеры гамбургцев П.Коноза и Ф.Поппе. В 1722 г. они заняли у них 4480 руб., а в 1725 г. — 8740 руб. 28 алтын — это наиболее крупная из всех известных

нам ссуд, выданных западноевропейскими купцами в первой четверти XVIII в.¹⁴

География контактов иностранных купцов-кредиторов, развернувших свою деятельность в Петербурге, весьма схожа с тем, что мы наблюдали в Москве. Приезжие торговые люди (исключая москвичей) получили около 50% всего иностранного кредита. В том числе на долю представителей западных и юго-западных уездов приходится 21%, купцов из городов к востоку от Москвы — 14,5%. Около 14% кредита получили прочие торговцы «из провинции», причем среди них выделяются жители северных уездов (Каргополь, Олонец). Здесь в Петербурге мы видим также немало имен русских купцов, уже знакомых нам по московским книгам. Так, И.Образцов из Ржева получил в 1720 г. у голландцев В.Борста и А.Бодиска две ссуды в 3000 руб. и 2200 руб., Ф.Помазов из Дорогобужа неоднократно занимает деньги у голландцев Я.Бодиска и Ф.Фандорта, англичан Я.Спелмана и А.Ачкина¹⁵. Гораздо выше, чем в Москве, активность на здешнем рынке тверских купцов. Они явно преобладают среди представителей западных городов и уездов, получавших деньги в долг у иноземцев. Это И.Ветошкин, К.Ворошилов, Т.Кобылин, кредиторами которых являются В.Борст, А.Бодиск, С.Вернизообр, Р.Менваринг¹⁶. Для тверских купцов путь в Петербург был удобнее и короче, чем для торговых людей из Калуги, Дорогобужа, Брянска, многие из которых и в условиях развития торговли на берегах Невы предпочитали иметь дело с иноземцами в Москве.

Но до Петербурга добирались и получали здесь кредит у иностранных купцов и торговые люди из Вязников, Шуи, Нижнего Новгорода, Гороховца, Ярославля. Их доля в иноземном кредите здесь несколько меньше, чем в Москве, что вполне понятно. Однако устойчивость связей их с иноземцами как в Москве, так и в Петербурге свидетельствует о стремлении иностранных купцов иметь непосредственные контакты не только с торговцами из регионов, производящих пеньку, но и с представителями других уездов, откуда покупали иные ценные экспортные товары. Поэтому кредиторами купцов из уездов к востоку от Москвы нередко являются голландцы, итальянцы, гамбургцы, активно скупавшие в России кофты, пеньку, лен, сало и т.д. В 1722 г. вязниковец И.Воробьевский получил 4 ссуды на общую сумму около 2 тыс. руб. у Е.Мейера, А.Бодиска, В.Борста, П.Плотников из Гороховца в том же году занял у итальянцев Д.Мариотти и И.Бюстелли 1050 руб., он же в 1723 г. получил у голландцев И.Матцына и А.Ягора 2 ссуды в 1680 руб. и 1303 руб. 25 алт. П.Пушников из Нижнего Новгорода в 1725 г. занял у голландцев Я.Бодиска и Ф.Фандорта 2201 руб. Можно отметить также регулярные займы у иноземцев вязниковцев И.Кузнецова и И.Коршуковского¹⁷. Таким образом, круг основных клиентов западноевропейских купцов по денежному кредиту был весьма стабилен. Это некоторые крупные русские купцы, к концу первой четверти XVIII в. переселившиеся в Петербург, а также представители провинциального купечества ряда городов и уездов, где произ-

водились экспортные товары, интересовавшие иноземцев в первую очередь. Это, тем не менее, не означает, что контакты иноземцев на русском рынке, устанавливаемые при помощи кредитных операций, этим и ограничивались. Среди их должников мы видим и представителей многих других уездов, причем к концу первой четверти XVIII в. это представительство все более расширяется. В Московских и Петербургских крепостных книгах этих лет отмечаются займы у иностранцев купцов из Тулы, Серпухова, Коломны, Астрахани, Саратова, Симбирска, Вятки, из далеких Тобольска и Енисейска¹⁸.

Для всех русских купцов деньги, полученные в долг у иноземцев, имели большое значение в их торговой деятельности. Этот кредит являлся для них важным, нередко самым важным, а иногда и единственным источником оборотных средств. Русские купцы зачастую занимали суммы, во много раз превышавшие их собственные капиталы. Купец гостинной сотни И. Микляев из Казани, занимавший неоднократно по несколько тысяч рублей у А. Свелленгребела, Е. Кляюка, Х. Бранта, признавал в своей «сказке» от 1704 г.: «А без таких больших долгов мне быть невозможно, для того что многие товары бывають в отпуску в розные дальние места и не в продаже многое время, и если мне долгов на себе не иметь, мне своими пожитками торговать невозможно»¹⁹. Совершенно ясно, что денежные суммы, полученные в долг у иностранных кредиторов, русские купцы обычно использовали для закупки экспортных товаров, ко-

торые и поставлялись в уплату долга. Это видно уже из географии связей, устанавливаемых иностранными купцами посредством кредитных операций. Кроме того, данные условия зачастую ставились кредиторами непосредственно при заключении сделки и официально заносились в документы. В 1701-1703 гг. К. Гутфельд, выдавая в долг деньги М. Остроухину, ярославцу М. Кемскому, тверитину В. Волку, потребовал поставить в уплату пеньку, что и было внесено в заемную кабалу и записано в заемной книге. Те же условия зафиксированы при оформлении сделки между П. Я. Вестовым и ярославцем П. Дехтевым, обязавшемся поставить своему кредитору юфть²⁰.

Особый интерес вызывают несколько случаев кредитования иностранцами русских купцов, известных в качестве владельцев мануфактур. Такого рода сделки появляются к началу 1720-х гг. Так, хозяин игольной мануфактуры С. Томилин занял у заводчиков-иноземцев Меллеров 1700 руб. Совладелец суконной «фабрики» В. Щеголин из Петербурга получил в долг в 1721 г. 2211 руб. 50 коп. у голландца В. Борста и 1728 руб. у И. Пеллутье из Берлина²¹. Значит ли это, что в данном случае иностранный кредит использовался в развитии производства? Скорее всего нет. Эти ссуды выдавались на срок менее года (от 5 до 11 месяцев), и по своей краткосрочности скорее предназначались для торгово-закупочных операций, где капитал оборачивается намного быстрее, чем в производстве. Известно также, что упомянутые купцы не прекращали своих торговых дел и после организации ими мануфактур.

Несмотря на то, что основная масса иностранного денежного кредита направлялась в торговлю, предоставлялась купцам, среди должников торговых иноземцев встречаются и представители других социальных слоев. Всего, по данным московских и петербургских заемных книг, они получили 90 тыс. руб. иностранного кредита, или около 13% всей его суммы (причем, в Петербурге всего около 7 тыс. руб. или 3,5%). Эти ссуды получали, главным образом, дворяне, представители весьма известных родов и совсем безвестных, князья и графы, генералы и младшие офицеры, стольники и жильцы и т.д. Они занимали деньги у многих иностранных купцов, часто их кредиторами являлись иноземцы, не отличающиеся большой активностью в сфере торговли, иногда владельцы заводов. В этом плане крайне характерна кредитная деятельность семейства Меллеров. Мы уже упоминали о Вахрамее Меллере, сначала торговавшем в Архангельске, затем ставшем владельцем железных заводов в Боровском уезде. Его торговые операции в начале XVIII в. отмечаются крайне редко, зато выдача им в долг денежных сумм фиксируется регулярно. В 1701-1703 гг. 40% выданных им ссуд предназначалось дворянам. Аналогичной была и кредитная деятельность его сыновей, Петра и Вахрамея, продолжавших ее после смерти отца. В 1714-1725 гг. они предоставляли в долг дворянам более 20 тыс. руб. Среди их клиентов офицеры гвардейских и прочих полков от полковника до прапорщика, комиссары, ландраты, стряпчие, дворяне Боровского уезда. Большой частью они дей-

ствовали в Москве, но в 1710-е гг. появляются и на петербургском денежном рынке. В 1725 г. в новой столице камер-юнкер, князь В.П.Хованский занял у В.Меллера 2000 руб., а прокурор Юстиц-коллегии А.Т.Ржевский — 550 руб. у П.Меллера²². Московский торговый иноземец А.Клерк снабжал деньгами представителей высшей аристократии. В 1718 г. князь М.П.Гагарин, проезжая через Москву из Сибири в Петербург, занял у него 1500 руб., его сын А.М.Гагарин впоследствии получил в долг у того же Клерка весьма крупные ссуды в 6000 и 6295 руб.²³ Время от времени дворянам выдавали деньги и активно торгующие в России иноземцы. В первые годы XVIII в. их нередко ссужают деньгами К.Гутфель. В дальнейшем можно отметить ссуду в 1000 руб., предоставленную английским купцом О.Вилкинсом графине М.Матвеевой или заем князя А.Г.Долгорукого у голландца И.Герменгузена в 3300 руб.²⁴

Иногда кредитом торговых иноземцев пользовались представители низших социальных слоев: унтер-офицеры, солдаты, воротники, сторожа, ремесленники, а также крестьяне. Имеются в виду крестьяне, которые занимали деньги не для торговли, а «на мирские расходы». Обычно это «ходоки», посланные в столицу из своих волостей для каких-то хлопот. Полученные ими деньги, видимо, оседали в карманах разного рода столоначальников в приказах и канцеляриях. У А.Бутенанта нередко занимали деньги «на мирские расходы» крестьяне Олонецкого уезда, у В.Меллера — из Боровского уезда, т.е. они обращались к тем, кого

хорошо знали, к владельцам железных заводов в их родных местах²⁵. В целом займы этой категории населения у иностранных купцов невелики, они редко превышают 50 руб., их общая сумма составляет около 4 тыс. руб. или 0,6% кредита торговых иноземцев.

Итак, состав должников торговых иноземцев, несмотря на явное преобладание среди них торговых людей, был все же довольно пестрым. И сами иностранные кредиторы различались по составу своей клиентуры. Многие из них давали деньги только купцам. Из примерно 50 кредиторов-иноземцев, отмеченных в заемных книгах, таких около 30 человек. Все они вели обширные торговые операции. Но некоторые активно торгующие иноземцы наряду с кредитованием своих партнеров по торговому обороту давали в долг и представителям других социальных категорий. Например, К.Гутфельд явно не мог удовлетвориться своим положением консула Англии, агента табачной компании, крупнейшего скупщика пеньки на внутреннем рынке — он еще ссужал деньгами сторожей, истопников, подьячих и т.д.²⁶ Такого рода кредитные операции отчасти характерны и для голландцев Х.Бранта, братьев Тамесов, И.Герменгузена, гамбургца Ф.Гиза. Для них ростовщичество было в известной степени самостоятельной сферой приложения капитала и не всегда определялось торговой деятельностью. Еще более специфична кредитная деятельность семейства Меллеров, А.Клерка — их клиенты принадлежали, как правило, к «благородному» сословию. Можно отметить и та-

ких кредиторов из торговых иноземцев, как Екатерина Вестова, вдова П.Я.Вестова, Я.П.Вестов, П.Коет, И.Фандорт. Масштабы их торговли были невелики, а деньги в долг давали они часто. Очевидно, ростовщичество стало их основным занятием. Их клиентура пестра и разнообразна. Среди должников П.Коета последние люди семи московских слобод, церковные служители, а также стольник Л.Аксенов и гость И.Шорин. Мелким ростовщиком выглядит И.Фандорт, его ссуды не превышают 20 руб.²⁷ Таким образом, в кредитной деятельности западноевропейского купечества, и в целом и в лице его отдельных представителей, имело место сочетание типичного ростовщичества (предоставление ссуд «расточительной знати» и лицам из социальных низов) с кредитованием партнеров по торговому обороту. Это сочетание можно наблюдать не только по социальному составу иноземных кредиторов. Столь же очевидно оно проявилось и в условиях их займов: сроках, величине процента, гарантиях.

Подавляющее большинство ссуд выдавалось на срок от нескольких месяцев до года. Из 1027 известных нам займов 344 являются годовыми, срок 637 составляет менее года. Кредит, предоставляемый западноевропейскими купцами, как правило, был краткосрочным, что большей частью объясняется его использованием в торговле. Календарные сроки выдачи займов и платежа по ним в целом соответствуют сезонному характеру русской торговли, ориентированной на экспорт сельскохозяйственного сырья. По данным московских книг,

русские купцы часто получали ссуды зимой и должны были расплатиться в августе — сентябре, т.е. к завершению ярмарки в Архангельске. В течение зимы они скупали на полученные деньги русские товары и свозили их зимним санным путем (как наиболее дешевым) к речным пристаням, откуда они весной после половодья направлялись к Архангельску или балтийским портам. Годовые ссуды активно торговавшие в России иноземцы чаще всего выдавали также в сентябре-октябре, т.е. их надлежало возратить к завершению архангельской ярмарки. С другой стороны, сроки по ссудам иноземцев, занимавшихся ростовщичеством по преимуществу, никак не связаны ни с торговыми сезонами, ни с навигацией, ни с работой ярмарок. Большой частью они выдают годовые ссуды. Так, Е.Вестова из 45 займов 42 выдала на год. Сроки их выдачи и возврата равномерно распределяются в течение года²⁸.

Заемные записи иногда (причем, только в московских книгах) называют и место уплаты по ссудам. Всего обнаружено 40 таких записей. В 24 случаях назван Архангельск, в том числе последний раз в 1724 г., следовательно, и в это время его торговые связи с московским рынком сохранялись. К 20-м гг. появляются балтийские порты. Большой частью это Петербург, кроме того, дважды упомянута Рига и один раз — Кролевец (так в России и Польше в то время часто именовали Кенигсберг)²⁹. В отдельных случаях названы пункты на внутреннем рынке — Москва, а также Макарьевская, Свенская ярмарки. На Макарьевской ярмарке группа астра-

ханских индизцев должна была уплатить долг Е.Кляку, что свидетельствует о достаточно глубоком проникновении этого голландского купца на внутренний рынок. На Свенской ярмарке под Брянском ожидал своих должников П.Вестов — для него, как для «московского торгового иноземца», подобные поездки вполне естественны³⁰.

Очень важно для характеристики кредитной деятельности иностранцев установить процент по ссудам. Этим определяется характер ростовщической деятельности кредитора, степень эксплуатации им своего должника. Но по официальному российскому законодательству взимание процента запрещалось как несовместимое с заповедями христианской веры. Об этом прямо говорится в X главе Соборного уложения 1649 г.³¹ Поэтому заимодавцы, заинтересованные в прибыли, должны были искать пути обойти этот запрет. Весьма вероятно, что сумма, зафиксированная в заемной записи, которую следует уплатить при возвращении долга, будет больше фактически выданной ссуды как раз на величину прибыли кредитора. Но сколько денег получал заемщик на самом деле? Прямых сведений об этом в источниках нет. Однако обращает на себя внимание «некруглость суммы», часто встречающаяся в записях. Нередко в них указывается не 100 руб., а 110 руб., не 200 руб., а 230 руб., не 1000 руб., а 1150 руб. и т.д. Можно почти утверждать, что в этих случаях количество денег свыше какой-либо «круглой» суммы и есть прибыль кредитора. Подобный метод расчета процентов по кредиту начала XVIII в. уже с успехом использо-

вался исследователями³². На это есть и прямое указание в источниках. В 1702 г. стольник П. Давыдов занял у московского торгового иноземца Я. Якимова 112 руб. под заклад драгоценностей. Позднее идова Я. Якимова, давша объяснения в суде по поводу этой сделки, заявила, что: «... вышеозначенный заклад Давыдов заложил ее мужу в 100 руб., а в закладную 12 руб. приписано для того, что торговым иноземцам обыкновенно деньги в долг даются из прибыли»³³.

Всего зафиксировано 284 ссуды, по которым, используя данный метод, можно определить прибыль кредитора. Этого достаточно, чтобы вполне определенно судить о величине процента по иностранному кредиту. Поскольку сроки кредита были различными, необходимо установить как годовые проценты, так и из расчета на месяц. Всего обнаружены 174 годовые ссуды, где определение процентов возможно. В 126 случаях они выдвигались из 10% в год (т.е. в записях указано 110 руб., 550 руб., 2200 руб. и т.д.), 21 ссуда выдана из 12% (зафиксировано 112 руб., 224 руб., 672 руб. и т.д.). Ставки выше 12% и ниже 10% встречаются редко. Таким образом, наиболее часто иностранные кредиторы выдавали годовые ссуды из 10%, реже — из 12%. Именно из этой нормы исходили иноземцы, чья торговая деятельность была незначительной, т.е. кто занимался ростовщичеством по преимуществу. Почти все ссуды Е. Вестовой, Я. Вестова, П. Коета выданы на год из 10-12%. Точно таков уровень процента по ссудам у московских ростовщиков из иностранцев, не занимавшихся торговлей вовсе

(Филимон Моисе, Юдифь Келдерман и др.)³⁴. Но интересно и крайне важно, что ссуды на год из 10-12% часто выдают своим партнерам активно торгующие в России иноземцы: И. Любе, А. Свелленгребел, Ф. Гиз и др. Из 54 годовых ссуд, выданных иноземцами этой категории, в 39 предусмотрена прибыль в 10-12%³⁵. О распространенности этой процентной нормы в кредитных сделках между иностранными и русскими купцами говорится в жалобе известного русского купца И. Стрежнева на англичан А. Меврела и И. Деленоя: «Они, иноземцы, обыкновенного по купечеству интересу по 10 на 100... на нас берут неуступно»³⁶. Таким образом, уровень процента по кредиту иностранных купцов, используемому в торговле, зачастую определялся нормами, существующими в сделках обычных ростовщиков.

Процент из расчета на месяц можно определить по 101 ссуде, выданной на срок меньше года. Почти в половине из них (а именно в 43) иноземцы исходили из средней годовой прибыли в 10-12%, что составляет 0,9%-1% в месяц. Например, в 1721 г. И. Тамес выдал вологжанину С. Курлыгину 530 руб. на 6 месяцев (вся прибыль 30 руб. на 500 руб., или 6%, или 1% в месяц). А. Бодиск ссудил гостинной сотни М. Потапову 1070 руб. на 7 месяцев, И. Любе — тверичу Т. Кобылину 525 руб., на 5 месяцев и т.д.³⁷ Причем в краткосрочных ссудах иноземцы чаще исходили из годовой прибыли в 12%, в то время как в годовых сделках больше была распространена норма в 10%. Тем более нередко процент по ссудам на срок меньше года у иноземцев

даже превышает норму 1% в месяц. Так, в 1723 г. Е.Мейер выдал купцу Садовой слободы Е.Харашавину 560 руб. на 8 месяцев. Прибыль 60 руб. составит 12% или 1,5% в месяц. В 1719 г. он же выдал Г.Селиванову из Шуи 660 руб. на 5 месяцев³⁸. Если Селиванов реально получил всего 600 руб., то прибыль кредитора составит 2% в месяц. Всего отмечено 44 краткосрочные сделки, где прибыль кредитора достигает 1,5%, 2% и даже 4% из расчета на месяц. Следовательно, по краткосрочным ссудам в 8 случаях из 10 процент был равен или даже выше среднегодовой нормы в 10-12%. Более низкие процентные ставки встречаются редко, как правило, в сделках иностранцев между собой, и иногда в займах крупных русских купцов. Известен заем пастора Ф. ван дер Верта у Я.Якимова в 212 руб. или заем полковника Кроу у В.Меллера в 530 руб. — оба сроком на 1 год, прибыль кредитора в них составит всего 6%³⁹. И.Стрежнев в 1703 г. занял у голландца Н.Фаруфы 2600 руб. на 8 месяцев. Скорее всего прибыль кредитора составит 100 руб. на 2500 руб. или 0,5% в месяц⁴⁰.

Тем не менее в подавляющем большинстве случаев процент по денежным ссудам, выдаваемым иностранными купцами, был довольно высок. Зачастую он был рассчитан на поглощение всей или почти всей массы прибыли, которую могли получить русские купцы, оперируя полученными средствами. Известно, что в начале XVIII в. средний уровень прибыли русских купцов составлял 12-15% в год⁴¹. Используя кредит торговых иноземцев, они могли в лучшем случае рассчитывать на при-

быль до 3% в год (т.е. 3 копейки на каждый рубль). Масса прибыли при этом могла быть значительной только при крупных масштабах сделки. И в самом деле, как уже отмечалось выше, русские торговые люди из разных городов и уездов нередко занимали у иноземцев суммы в несколько тысяч рублей, рассчитывая закупить на них большие массы товаров, вовремя рассчитаться с иноземцем, получить и для себя мало-мальски существенный доход. Но так или иначе стремление иностранных купцов-кредиторов получить всю или почти всю прибыль своих партнеров посредством процента сближает их деятельность в сфере денежного кредита с ростовщичеством. При этом сказывалось сохранение в России «монополии старомодного ростовщичества», отсутствие здесь развитой системы коммерческого кредита и коммерческих банков. Но главная причина столь сильного влияния ростовщичества в кредитных операциях между иностранными и русскими купцами в их неравном положении на денежном рынке. Связи иностранных купцов, действовавших в России, с крупнейшими и богатейшими европейскими фирмами и банками, с тамошней кредитной системой, с одной стороны, и хроническая нехватка наличных денег и недостаточность капиталов русских купцов, с другой стороны — обусловили зависимость отечественных торговцев, специализирующихся на закупках экспортных товаров, от иностранных кредиторов. Поэтому иноземцы при выдаче ссуд могли диктовать свои условия, устанавливать высокие, как у ростовщиков, проценты.

Высокий уровень процента способствовал тому, что многие иностранные купцы значительные средства вкладывали в чисто ростовщические операции. Это наиболее характерно для торговых иноземцев, обосновавшихся в Москве. Интересна судьба капитала П.Я.Вестова, который в начале XVIII в. вел обширнейшую торговую деятельность, используя при этом кредитование своих партнеров. После его смерти лишь один из его сыновей, Павел, продолжал аналогичную деятельность. Другой его сын Яков, вдова Екатерина, сестра Елена используют полученный в наследство капитал исключительно в ростовщических операциях. Использовались в ростовщичестве и значительная часть капиталов иностранных купцов, владевших мануфактурами. И.Тамес, Р.Мейер, и особенно П.Коет и Меллера, очевидно, считали это более выгодным, чем применение свободных средств для расширения производства.

Оформление кредитных сделок с участием иноземцев, гарантии займа во многом зависели от традиций и правил, существовавших в России к началу XVIII в. Иностранцы обычно регистрировали сделки в крепостных конторах, получали от своих должников заемные кабалы, составленные по всей форме с рукоприкладствами поручителей и свидетелей. Но в то же время в сделках между собой и со своими заморскими партнерами они использовали более совершенное орудие кредита — вексель. Вексель не требовал регистрации где бы то ни было, ни наличия поручителей и свидетелей — достаточно было только подписи должника, чтобы кредитор мог требовать неременной и без-

условной уплаты в определенный срок. Это обеспечивало необходимую оперативность в заключении сделок и надежность при взыскании долга, что крайне важно именно в коммерческой деятельности. Вексель несравнимо проще и лаконичнее, чем заемная кабала, текст которой занимал не менее одного большого листа бумаги, там витиевато излагались условия сделки, перечислялись имена всех ее участников с указанием сословной принадлежности, места жительства и т.д. Вексель же содержит всего несколько строк. Вот текст одного из векселей, выданного иноземцем, вероятно голландцем, А.Розеном гамбуржцу Г.Гребину: «Я, нижеподписавшийся, обещаю платить на Москве по получении Гаску Гребину 25 рублей, которые я принял у него в Архангельске. 22 января 1721 года. Абрам Розен»⁴². Или еще более краткий текст векселя московского иноземца Г.Грунда голландцу В.Росу: «Я, нижеподписанный, буду платить Виллиму Росу, или кому он прикажет, в мае 1723 года 1072 рублей 98 копеек русских денег. 1722 года 30 июня. Герард Грунд»⁴³.

Однако в ходе петровских преобразований нормы вексельного обращения, принятые в Европе, начинают использоваться и в кредитных сделках иностранных купцов с их русскими партнерами. К 20-м гг. XVIII в. участились случаи, когда иностранцы не регистрировали сделки в крепостной конторе, а ограничивались получением от русских купцов «своеручных записей» или «советных писем» с обязательством уплатить долг. Впоследствии, особенно когда возникали опасения в неупла-

те долга, иноземцы могли зарегистрировать эти документы в крепостной форме, чтобы иметь все юридические основания предъявить иск. Поэтому они и дошли до нас в составе заемных книг крепостных контор. Эти документы еще не имеют четкого формуляра, а напоминают обычные частные письма. В 1716 г. англичанин Ф.Морли зарегистрировал полученное от русского купца И.Сокольников «советное письмо» следующего содержания: «Господин Франц Иванович, которыми я вашей милости долженствую деньгами, а именно 920 рублей, и такое число денег повинен отдать в сентябре 1717 года, а письма крепостных дел за скоростью записать не успел и письму крепостных дел впредь дам, в чем для лучшего уверения сие мое письмо с подписанием руки. Иван Семенов сын Сокольников у порта Архангельского»⁴⁴. Такого рода послания выполняли роль настоящих векселей, принимались в уплату по займу, как и настоящие векселя, могли содержать поручение о выплате другому лицу. В 1719 г. братья Тамесы представили в крепостной конторе письмо купца гостинной сотни А.Володимерова его отцу: «Государю моему батюшку Григорью Егорьичу здравия желаю. Известно сим писанием, взял я у галанские земли торговых иноземцев Андрея Тимормана да у Андрея Фанансина 1250 рублей, и такие деньги поволь заплатить в июле, в первых числах 1717 года у города Архангельского, за сим кланяюсь и подписуюсь»⁴⁵. Это «письмо», а по сути дела вексель, А.Тиммерман и А. ван Ансин, видимо, впоследствии передали Тамесам в уплату по ка-

ким-то своим расчетам. К концу первой четверти XVIII в. эти «своеручные письма» заметно упрощаются, сближаются по формуляру с обычными векселями, употребляемыми иностранцами в сделках друг с другом. В записи московского купца Я.Турчанинова А.Ягору и И.Матцыну значится: «1723 года, января 17. 1793 рублей 34 копейки повинен заплатить по сему моему векселю в октябре 1723 года голландцам Ивану Григорьеву Матцыну да Ариану Тимофееву Ягору без задержания. А сей вексель писал своеручно для уверения Яков Турчанинов у города Архангельска»⁴⁶. Так постепенно и, несомненно, под влиянием норм оформления кредита, принятых между иностранцами, происходит превращение заемных писем, используемых русскими купцами, напоминающих средневековые каменные записи, в «своеручные письма», а затем — в настоящие вексели. Большинство «советных» или «своеручных» писем выдано русскими купцами иноземцам в Архангельске, где занятые торговлей участники сделки не имели времени для ее регистрации в крепостной конторе. Эта слишком громоздкая процедура тормозила развитие кредита в торговле. Активная деятельность иноземцев в сфере кредитных отношений способствовала распространению в России норм современного вексельного обращения. Изданный в 1729 г. Вексельный устав освобождал участников сделки от ее регистрации в крепостной форме, подписанный должником вексель являлся единственным и достаточным основанием для немедленной и безусловной уплаты по истечении срока⁴⁷. Образцы векселей, дан-

ные в Уставе, близки по своему формуляру к приведенным выше текстам векселей иностранцев А. Розена, Г. Гребина, а также Я. Турчанинова.

В течение первой четверти XVIII в. происходит и упрощение гарантии займов, что также прослеживается в сделках между русскими и иностранными купцами. По сложившимся издавна в России нормам должник в обеспечение ссуды либо выставлял поручителей, либо выдавал кредитору заклад. В займах купцов друг у друга, в том числе и русских торговых людей у иноземцев, как правило, не использовалось поручительство. При несостоятельности должника ссуда взыскивалась с поручителя. Русские купцы при этом нередко ручались друг за друга, т.е. при заключении новой сделки должник и поручитель менялись «ролями». Но в чисто ростовщических сделках, в займах аристократов у иностранцев, наиболее типичная форма гарантии — это заклад. Обычно заемные записки этой категории должников сопровождаются длинным перечнем закладываемых драгоценностей. Графиня Н. Головина, заняв у П. Меллера 2500 руб. на постройку дома, заложила 3 креста (алмазный, изумрудный, яхонтовый), 11 алмазных тресид, 4 алмазных пера, 3 золотые табакерки, 2 золотых часов. Заклад не всегда возмещал долг. В 1716 г. офицер флота И. Измайлов занял у Меллеров 1040 руб., заложив алмазы. В 1721 г. заклад перешел в собственность кредитора, но его стоимости не хватило для погашения всего долга⁴⁸.

Со второго десятилетия XVIII в. в сделках между купцами постепенно сокращается привлечение

поручителей. К началу 1720-х гг. иностранные кредиторы все чаще ограничиваются лишь свидетелями, которые в отличие от поручителей не несут ответственности в случае несостоятельности должника, но могут подтвердить в суде факт получения ссуды. Число свидетелей обычно пропорционально величине ссуды: в сделках на сумму 100-300 руб. обычно привлекались 1-2 свидетеля, на сумму 1 тыс. руб. и более — 10-15 свидетелей. Рекордное число свидетелей собрал Г. Володимиров: в 1717 г. его заем у Е. Мейера в 4675 руб. свидетельствовало 23 человека⁴⁹. Однако поручительство исчезает только в сделках активно торговавших в России иноземцев с русскими купцами. Торговые иноземцы, занимавшиеся ростовщичеством по преимуществу, по-прежнему настаивают, чтобы за их должников кто-либо поручился. В записях Е. Вестовой, братьев Меллеров и в 20-е гг. XVIII в. фиксируются имена 3-4 поручителей и нескольких свидетелей. Главной целью этих иноземцев является возврат долга с прибылью, поэтому они и стремятся обеспечить это как можно надежней. Для коммерсанта, не использующего кредит в торговле, кроме прибыли, важна и простота оформления сделки. Отсутствие поручителей и даже свидетелей в кредитных сделках купечества скоро стало правовой нормой: по уставу 1729 г. в вексели заносятся лишь имена участников сделки. Следовательно, юридически закрепились нормы оформления кредитных операций, сложившиеся на практике еще при Петре I во взаимоотношениях между русскими и иностранными купцами под влиянием последних.

Несмотря на все способы гарантии займа, возвращение ссуды в случае несостоятельности должника сопровождалось немалыми трудностями. При этом иностранный кредитор обращался с иском в соответствующее ведомство (как правило — в Посольский приказ), и тут многое зависело от эффективности самой судебной процедуры. Сохранились десятки дел по искам кредиторов-иностранцев на несостоятельных должников. Суд обычно был на стороне истцов, поскольку они представляли беспорочные заемные свидетельства своих должников, зачастую прошедшие регистрацию в крепостной форме. Тем не менее судебное разбирательство было длительным и сложным и иногда растягивалось на годы. В 1714 г. затеял иск против жителя Кадашевской слободы в Москве К. Назарова гамбургец И. Амон, в 1716 г. дело еще не было закончено. В 1713-1714 гг. продолжалась, так и не завершившись, тяжба А. Свелленгребеля с К. Прокофьевым из Голутвинной слободы. С мая 1714 г. по октябрь 1717 г. тянулось дело гамбургца И. Беста с вологжанцем Ф. Кузнецовым, пока стороны не «разделались по всем полубовно». Более десятка челобитных иностранных кредиторов остались в Посольском приказе вовсе без последствий: с резолюцией «сыскать и допросить ответчика» они так и пролежали в архиве до наших дней⁵⁰. В большинстве случаев розыски должников все же предпринимались, но на них уходило немало времени. Ответчики либо отлучались по торговым делам, либо просто укрывались, прослышав, что их уже ищут по требованию кого-то из кредиторов. Если

найти должника не удавалось, со двора брали кого-либо из его домашних и держали под караулом до семи дней в надежде, что ответчик сам явится, чтобы отпустили домой его жену, дочь или кого-то из прислуги. В случае неявки ответчика и через семь дней без суда признавалась правота истца. Однако все равно требовалось найти должника, чтобы поставить его «на правож» и получить деньги. Известно множество случаев, когда несмотря на предпринятые усилия, сыскать должников так и не удалось. Не были разысканы житель Басманной слободы Г. Солеников по челобитной в неуплате долга, поступившей от братьев Пель, москвичи М. Иванов и М. Никитин — должники Р. Мейера, А. Самарин из Елатьмы по иску гамбургца Е. Варнике, крестьянин села Покровского И. Алексеев по иску гамбургца же Я. Шеля, кадашевец С. Алаторцев — должник С. Мюкса⁵¹. Этот перечень можно продолжать и продолжать. Известен и такой случай: в 1714 г. подьячий с приставами и понятыми явился на двор к московскому купцу И. Николаеву, чтобы взять его для допроса по иску гамбургца Д. Беркузена. Но «... как на двор его взошли, и на том дворе брат его Иванов не знаем с каким человеком подьячего и приставов фузейей и дубьем били и тех понятых с того двора согнали»⁵². Как происходил розыск И. Николаева в дальнейшем, были ли на его поимку отряжены более значительные силы, и получил ли Д. Беркузен свои деньги, неизвестно.

Если и удалось изловить должника, поставить его на правож, часто оказывалось, что и взять с него в уплату долга нечего. Случаи разорения

должников иностранных купцов были весьма типичны. В 1719 г. англичанин А.Ачкин обратился с просьбой о взыскании долга с каргопольских купцов Якова и Никиты Поповых, Ивана, Гаврилы и Василия Тонинных. Поповы еще в 1703 г. заняли 140 руб. у Я.Спеллмана, компаньона Ачкина, Тонины в 1710 г. получили 378 руб. у гамбургца Ю.Конова, который уступил их заемную кабалу также Ачкину. В результате пятилетнего разбирательства выяснилось, что эти должники полностью разорились, отошли от торгового промысла и вместе с семьями «скитаются меж двор». В 1724 г. А.Ачкин от своего иска отказался, «для того что должники пришли в крайнюю скудость и взять с них нечего»⁵³. Нередко русские купцы, занимавшие деньги у иностранцев, были должны еще и казне. Закон требовал сначала править «государевы» долги, затем — иноземческие. Так, в течение двух лет разыскивали по челобитью И.Амона его должника К.Назарова. Как только его нашли и привели в Посольский приказ для допроса в иске Амона, так тут же забрали в Казанский комиссариат, которому Назаров был должен 2837 руб. за непоставку провианта. В Московскую ратушу для взыскания недоимки по пошлинным сборам был взят М.Никифоров, которого до этого нашли и доставили в Посольский приказ после настоячивых просьб его кредитора С.Вернизобра⁵⁴. Иноземцы требовали в случае несостоятельности должника продать его двор и лавки, но часто оказывалось, что вся недвижимость уже «отписана на государя» по казенной недоимке.

Таким образом, волокита, царившая в русских учреждениях, архаичность и запутанность законодательства и судебного процесса по вопросам кредита сдерживали развитие кредитных отношений между русскими и иностранными купцами. Но главная причина невозвращения многих ссуд — в скудости и неустойчивости капиталов русских торговых людей, их частых разорениях. Это негативно сказывалось и на торговой деятельности в России самих иностранцев. Англичанин Р.Менваринг не смог получить с архангельского купца П.Семенова более 6 тыс. руб., его соотечественник С.Мюкс из 11351 руб. долгов на русских торговых людях сумел взыскать немногим более 2 тыс. руб.⁵⁵ Подобные примеры легко умножить. Это явилось причиной невыполнения некоторыми торговыми иноземцами своих обязательств перед заморскими партнерами, перед казной, способствовало их разорению.

Все сказанное выше об условиях, сроках, гарантиях, сложностях возвращения долга относится в равной мере и к операциям иноземцев по товарному кредиту. Русские купцы, не имея достаточного количества наличных денег, приобретали у иностранцев товары в долг, расплачиваясь уже после их продажи. Таким образом, товары двигались дальше и дальше, торговый оборот совершался, хотя у многих его участников не хватало наличных средств. Подробные сведения о товарном кредите иностранных купцов содержится лишь в сохранившихся товарных книгах Московской крепостной конторы, причем главным образом за 1702–1703 гг.⁵⁶ В книгах за последующие годы подобные сделки

иноземцев встречаются крайне редко, что свидетельствует о значительном сокращении торговли иностранцами импортными товарами на внутреннем рынке в течение первой четверти XVIII в. Всего в 1702-1703 гг. зафиксировано 113 товарно-кредитных сделок с участием иностранцев. Во всех случаях именно они являются кредиторами. Ими выдано в долг товаров на сумму более 63 тыс. руб. При этом около четверти приходится на долю московских торговых иноземцев П.Я.Вестова (около 11 тыс. руб.) и Т.Келдермана (5,5 тыс. руб.). Среди прочих иноземцев выделяются голландцы И.Любе (7 тыс. руб.), Р.Мейер (более 6 тыс. руб.), А.Свелленгребел (5 тыс. руб.), А.Брест, Н.Фаруфа, Е.Клюк, Х.Брант (все по 2-3 тыс. руб.), а также англичанин Д.Калер (5 тыс. руб.), А.Меврел (2 тыс. руб.) и гамбуржец М.Поппе (около 6 тыс. руб.). Ассортимент товаров, отпускаемых в кредит на московском рынке, значительно беднее того, что мы видели на архангельской ярмарке. Здесь это основные импортные товары: сукна (47 тыс. руб. или 75% всей суммы), вина (2,5 тыс. руб.), пряности (1 тыс. руб.). Прочие товары (рис, сургуч, иглы, фрукты и др.) отпускались в кредит крайне редко. Но весьма примечательны товарно-кредитные сделки голландца Е.Клюка, который наряду с винами, сукнами продавал и книги. Еще в 1700 г. голландский купец житель Амстердама Я.Тессинг получил от Петра I жалованную грамоту на исключительное право торговли в России книгами, картами, портретами, репродукциями с картин. Издание этой продукции на русском языке было им на-

ложено в Амстердаме вместе с И.Копневским⁵⁷. В России от имени Тессинга торговал книгами Е.Клюк. Он получал их в Архангельске и раздавал для продажи в кредит русским торговцам, либо нанимал «сидельцев». Так, в Москве в Самопальном ряду торговал книгами от Е.Клюка наборщик Печатного двора Д.Коробов⁵⁸. Как видим, по своей организации эта торговля весьма напоминает сбыт табака К.Гутфелем, развернувшийся в те же годы.

Определить прибыль иностранных купцов при торговле в кредит пока невозможно: на этот счет нет ни прямых ни косвенных данных. Возможно, отпуская товары в кредит, иноземцы запрашивали за них несколько больше, чем при обычной продаже. С другой стороны, товарный кредит существует только в сделках между купцами и он меньше подвержен влиянию ростовщичества. Именно в рамках товарного кредита русским купцам чаще удавалось установить взаимные отношения с иностранными купцами. Еще в 1702 г. Я.Болотин из Вязьмы отпустил пеньку Х.Бранту на 730 руб., а его земляк Т.Елчанский — Л.Гарланту на 1388 руб. В обоих случаях иностранцы расплатились заемными свидетельствами своих русских должников⁵⁹. То есть Елчанский и Болотин приняли участие в обычной для коммерческого кредита практике обращения заемных свидетельств. Таким же образом могли обращаться и настоящие векселя. В 1718 г. русский купец И.Стрежнев подал челобитную на С.Мюкса, который задолжал ему 4077 руб. Но Мюкс заявил, что Стрежнев должен ему сумму, превышающую иск на 2141 руб. Была назначена

комиссия из трех русских купцов и трех иностранцев, чтобы разобрать счета и рассудить тяжущихся⁶⁰. Это свидетельствует о взаимности расчетов и долговых обязательств Стрежнева и Мюкса, т.е. об относительном равенстве в кредитных операциях.

С середины второго десятилетия XVIII в. в крепостных книгах фиксируются случаи, когда торговые иноземцы занимают деньги у русских купцов. В петербургских книгах за 1717-1725 гг. их около двадцати. Правда, суммы здесь обычно небольшие. В 1717 г. датский купец А.Мейер трижды занимал деньги у жителя Лальского погоста, что близ Сольвычегодска, А.Бобровского — всего 180 руб. В 1725 г. гамбургцы П.Конов и Ф.Поппе оказались должны каргопольскому купцу И.Манушкину 358 руб., за что выдали в уплату заемное свидетельство каргопольца М.Алекина⁶¹. Известен и такой факт: в 1717 г. итальянский купец Д.Джанет занял у полковника Г.Орлова 1700 руб. сроком на год⁶². Видно, у русских купцов, своих торговых партнеров, он не мог достать столь крупной суммы и обратился к состоятельному полковнику.

Иногда русские купцы обменивались с иностранцами векселями при посредничестве европейских банков. Но далеко не всегда эти операции завершались успешно для их российских участников. В 1709 г. тот же И.Стрежнев выдал англичанин А.Меврелу и С.Деленою 2 тыс. руб., иноземцы дали на себя вексель на эту сумму, деньги по которому следовало получить в Амстердаме. И.Стрежнев расплатился этим векселем со своим амстердамским корреспондентом П.Калк-Бермером, од-

нако тамошними банкирами вексель был опротестован и прислан обратно в Москву. Пришлось И.Стрежневу доискиваться своих денег на Мевреле и Деленое в Посольском приказе⁶³. Ладожский купец П.Барсуков отпустил в кредит датскому купцу Х.Лерсу товары для продажи в Копенгагене на 6443 руб. Продав товары «немалой ценой», Лерс должен был перевести деньги Барсукову через берлинского банкира Лежена. Но Барсуков так и не дождался этого перевода⁶⁴. Это говорит о том, что отдельные русские купцы, ориентирующиеся на внешнюю торговлю, втягивались в систему европейского банковского и коммерческого кредита. Но зачастую они смутно представляли себе кредитоспособность своих партнеров, принимали у них ненадежные вексели, не могли всерьез рассчитывать на поддержку зарубежных судебных органов при несостоятельности или недобросовестности своих должников.

Все же большинство фактов говорит о том, что западноевропейским купцам принадлежала преобладающая роль в кредитных сделках с русскими купцами. Обладая крупными массами товаров, значительными денежными средствами, опираясь на системы коммерческого кредита европейских стран, иноземцы подчиняли своему влиянию деятельность русских купцов, связанных с внешним рынком. При этом наиболее эффективен денежный кредит, как самый гибкий и всепроникающий. Выдавая денежные ссуды, иностранные купцы устанавливали контакты со многими и многими русскими торговыми людьми, в том числе и с

мелкими и средними торговцами, крестьянами, действовавшими во многих городах и уездах по всей России. Тем самым они могли оказывать влияние на развитие торговли на внутреннем рынке, и при этом статьи Новоторгового устава, ограничивающие здесь деятельность иноземцев, иные таможенные барьеры не играли почти никакой роли. Выдавая русским купцам ссуды на поставку определенных товаров, иностранцы могли стимулировать развитие тех или иных отраслей торговли или производства. Направленность основной массы иностранного кредита на закупку русского сырья (пеньки, в меньшей степени кофты, льна и т.п.) очевидна. Об этом свидетельствуют состав заемщиков, распределение кредита по районам, сроки и место уплаты, иные условия сделок, иногда вплоть до прямого требования поставить в погашение долга пеньку или кофту. Такая направленность иностранного кредита способствовала одностороннему развитию русского рынка как сырьевого рынка для ряда промышленно развитых стран Западной Европы.

Конечно, значительные денежные суммы, поступающие от иностранных кредиторов к русским купцам, крупные массы товаров, отпускавшиеся в долг, являлись важным источником их оборотного капитала, способствовали активизации внутренней и внешней торговли страны. Но, используя свое ведущее положение на кредитном рынке, а также отсутствие в России развитых форм коммерческого кредита, иностранные купцы устанавливали высокие проценты по своим ссудам, рассчитывали на

присвоение всей или почти всей прибыли русских торговых людей, пользующихся их кредитом. В той или иной мере деятельность иностранных кредиторов способствовала развитию в России современных норм вексельного обращения и вексельного права. Но это касалось в первую очередь оформления самих сделок. Освобождение русской торговли из-под влияния иностранного кредита зависело главным образом не от внедрения современных форм вексельного обращения, а от уровня развития самой отечественной торговли, устойчивости капиталов русских купцов, выхода их на внешний рынок в качестве самостоятельных предпринимателей. В эпоху Петра I мы видим лишь незначительные успехи в этом направлении: поэтому так немного фактов займов русскими купцами у иноземцев денег из средних, обычных в Европе процентов (6-8% в год), так редко встречаются займы иноземцев у русских торговых людей и взаимные расчеты с ними по кредиту, так редки случаи сделок русских купцов со своими заморскими партнерами при посредничестве европейских коммерческих банков.

Западноевропейское купечество — торговый и финансовый партнер российского правительства

Активное участие государства в разного рода торговых и финансовых операциях — весьма характерная черта русской истории. Недаром еще В.О.Ключевский подчеркивал торговый характер Киевской Руси в эпоху первых Рюриковичей, а М.Н.Покровский писал о «торговом капитале в шапке Мономаха», имея в виду Московское царство XVI-XVII вв. и империю XVIII в. Сейчас эти оценки выглядят преувеличением; тем не менее очевидно, что казна издавна вела обширные внешнеторговые операции, а иностранные купцы задолго до Петра I стали ее постоянными партнерами. О широком размахе царских торгов в XVII в. сообщается во многих сочинениях того времени, об этом не раз писали историки¹. Но в начале XVIII в. непосредственные контакты западноевропейских купцов и казны приобрели особое значение. В эти годы государство, как никогда ранее, остро нуждалось в оружии, военном снаряжении, в поставках золота и серебра на денежное дело для покрытия растущих расходов. Сам Петр I в соответствии с духом своих преобразований стремился получить из Европы как можно больше различных

механизмов, предметов быта и т.д. При этом приходилось обращаться к помощи иностранных купцов, поскольку отечественное производство не могло сразу и полностью удовлетворить резко возросшие потребности, а русские торговые люди почти не имели выхода на европейский рынок. Кроме того, стремясь увеличить казенные доходы, государство взяло на себя продажу за рубеж ценных экспортных товаров (поташ, смольчуг, икра, смола и т.д.) и в этом случае могло действовать главным образом через заморских купцов, особенно на первых порах.

Особого внимания заслуживают поставки оружия и военного снаряжения. Того, что производили мастера Оружейной палаты, их коллеги в Туле, иных местах, явно не хватало. Еще в XVII в. огнестрельное оружие регулярно закупалось за рубежом. В 90-е гг. в начале правления Петра I по заказам казны его ввозили более десяти западноевропейских купцов, главным образом голландцы. Тогда Д.Артман и его зять А.Брест поставили 16,5 тыс. мушкетов, А.Дикс и Р.Мейер — более 18 тыс., И.Таберт — 1 тыс. А.Минтер, подданный Швеции, купец из Прибалтики, продал в Пушкарский приказ 2 тыс. карабинов, 2 тыс. пар пистолетов и 12 пицалей². Когда началась Северная война, развернулось создание регулярной армии, потребность в оружии еще более обострилась. По указу Петра I вводится усовершенствованное стрелковое оружие с ударно-кремневым замком, так наз. «фузея», взамен прежних мушкетов, пицалей³. Интересно, что первые образцы фузей были привезены в Россию

Д.Артманом еще в 1686 г.⁴ Их производство осваивали тульские оружейники, но поступало их оттуда еще недостаточно, и по качеству они были весьма несовершенны. В 1702 г. Б.П.Шереметев доносил Петру, что «присланные в полки 500 фузей не годятся, для того что они тульского дела, а не немецкие»⁵. В связи с этим покупка оружия за морем продолжается. В 1701 г. при посредничестве Р.Мейера голландец Н.Ромзвинкель привез 2100 фузей, в 1702-1704 гг. их поставляли Х.Брант, Д.Канигитер, Е.Клюк⁶.

С середины первого десятилетия ведущая роль в поставке оружия переходит к голландцу И.Любсу, его компаньонам Х.Бранту и А.Диксу. В 1705-1710 гг. эта группа поставила наиболее крупные партии вооружения. И.Любе взял на себя заключенные подряды в Оружейной палате, являлся ходатаем по этим делам в Посольском приказе, иных учреждениях, получал деньги на поставку в казну. Х.Брант, как известно, в 1705 г. отправился в Амстердам и занимался там закупкой оружия для России. А.Дике помогал тому и другому, бывая и в России и в Голландии, большое внимание уделял доставке оружия из Амстердама в Архангельск и далее в Москву. Здесь оружие сдавалось либо от имени И.Любса, либо от имени А.Дикса. В 1707 г. от них поступило 14529 фузей, в 1708 г. — 10521, в 1710 г. — 18863⁷. В меньших количествах ввозились основные части ружей — стволы и замки. Прочие детали производились русскими мастерами, они же выполняли и сборку фузей. В 1704 г. А.Дике взял подряд на поставку 15 тыс. стволов и

20 тыс. замков, который был выполнен к 1706 г. В 1707 г. от И.Любса было получено 12082 фузейных ствола, а в 1708 г. — 11169 замков трех видов⁸. Поставляли фузеи и другие торговые иноземцы, но не так много, как группа И.Любса. Гамбуржец И.Амон привез их в 1706 г. 1876 штук, англичанин А.Стейлс — в 1707 г. — 1500, и в 1709 г. — 1042 фузей. Р.Мейер в 1710 г. поставил 15 тыс. ружей, но при посредничестве И.Любса⁹.

Иностранцами купцами ввозилось стрелковое оружие и других видов. Это карабины, пистолеты, мортирцы. Мортирцы применялись в артиллерийских полках. В 1708 г. 81 мортирцу поставил И.Любе. Они, а также карабины, ввозились иноземцами в небольшом количестве и использовались, видимо, для вооружения избранных частей или в качестве образцов. Пистолеты, напротив, доставлялись в массовом порядке. Они поступали обычно в ящиках по две штуки и шли на вооружение кавалеристов-драгунов. В 1705-1709 гг. иностранные купцы поставили 19544 пары пистолетов, в том числе И.Любе и А.Дике — 13625 пар¹⁰. О поступлении из-за рубежа артиллерийских орудий сведений практически нет. Если не считать того, что в 1698 г. за два года до битвы под Нарвой 300 пушек были присланы в дар от шведского короля Карла XII¹¹. В дальнейшем потребности армии в орудиях удовлетворялись за счет отечественного производства и трофеев.

Исключительно острой была нужда русской армии в холодном оружии. В 1708 г. шпаги были приняты на вооружение всего личного состава пехотных полков, в драгунских кавалерийских ис-

пользовались палаша. Однако их производство внутри страны долгое время не удавалось наладить. Документы Оружейной палаты за 1701-1710 гг. не зафиксировали ни одного случая поставки в армию палашей и шпаг, изготовленных в России. Петр I однажды заявил датскому посланнику Ю.Юлю, что при его вступлении на престол в России не было ни одного мастера по холодному оружию. При этом он вручил посланнику для подарка королю несколько шпаг, которые начали выпускать на Олонечских заводах. Но, по замечанию Ю.Юля, качество этих шпаг было невысоким¹². В России тогда еще не выплавлялось в достаточном количестве высококачественное железо, необходимое для изготовления клинков. Поэтому приходилось и в этом случае обращаться к иностранным купцам, которые, как правило, поставляли из-за моря не готовые шпаги или палаша, а так называемые «полосы», т.е. неотделанные клинки. Их отделявали русские мастера, в России изготавливали и ножны, портупей, эфесы и проч. Еще в 1701 г. И.Любс и Х.Брант привезли 6698 палашных полос, которые были направлены ремесленникам Оружейной палаты «совсем в отделку». В дальнейшем клинки поступают от их компаньона А.Дикса. В январе 1704 г. за 40762 шпажные полосы и 5098 палашных он получил в казне 17121 руб. В том же году он заключил новый подряд на 20 тыс. полос для шпаг и 5 тыс. — для палашей. В 1704-1705 гг. он, перевыполнив свои обязательства, представил в Оружейную палату 6744 палашных клинка и 22228 шпажных. В 1707 г. А.Дикс сдал еще 26289

полос на шпаги. В 1707-1709 гг. холодное оружие поступало от И.Любса — он привез 38684 палашных клинка и 9009 шпажных. Кроме того, И.Любс доставил в Оружейную палату 362 кортика и 3250 штыков «шведского образца»¹³. Такие штыки использовались в русской армии с 1708 г.¹⁴ Они при помощи кольца надевались на ствол фузеи, и их не требовалось снимать при выстреле в отличие от русских багнетов прежнего типа, которые вставлялись в дуло. Возможно, привезенные И.Любсом кортики и штыки послужили русским оружейникам в качестве образца для изготовления их в массовом порядке. Участвовали в поставках холодного оружия и другие иностранцы. В 1702 г. 460 шпаг привез голландец И.Кинсиус, а его соотечественник Е.Клюк — 2957 шпажных полос. В 1706 г. И.Амон доставил 2 тыс. шпаг¹⁵.

Таким образом, поставки огнестрельного и холодного оружия из-за рубежа в первом десятилетии XVIII в. носили массовый характер и исчислялись десятками тысяч единиц. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1701-1710 гг. иностранными купцами в Россию было ввезено около 115 тыс. фузей и фузейных стволов, причем 99 тыс. поступило в 1705-1710 гг. — в период наивысшего напряжения вооруженной борьбы со Швецией. (См. табл. 3) По таблице 1711 г. в армию требовалось 172400 фузей¹⁶. Учитывая, что несколько тысяч их ежегодно выходили из строя, можно считать, что поставки стрелкового оружия западноевропейскими купцами примерно наполовину удовлетворяли потребности армии. Еще большее значе-

ние имели поставки холодного оружия. К 1710 г. из-за моря ввезено более 200 тыс. шпажных и палашных клинков. А за пятилетие 1704-1708 гг. — 127 тыс. Согласно табелю, правда от 1711 г., «во фрунте» в драгунских и пехотных полках насчитывалось 158 тыс. человек. Всем им полагалась либо шпага, либо палаш. Срок службы одного клинка — 5 лет¹⁷. Следовательно, поступление клинков из-за моря почти на 80% соответствовало потребностям армии.

Крупные партии оружия поставлялись на основании договора (подряда), заключаемого с иностранцем. Весьма типичен договор с А.Диксом о доставке 10 тыс. шпажных полос от 15 февраля 1702 г.¹⁸ А.Дикс обязался привезти полосы в Архангельск в том же году, «в приход ранних кораблей», т.е. в конце мая — начале июня. В свою очередь он размещал заказы на поставку оружия в Голландии. Известно, что 8 мая того же года он заключил контракт в Амстердаме о поставке 1600 шпажных полос с неким В.Расом, который обязался представить их к середине июля. Очевидно, эту партию А.Дикс намеревался отправить уже с «осенними кораблями». В.Рас получил задаток 4 тыс. гульденов или 80% всей суммы¹⁹. И сам А.Дикс при заключении договора в Москве получал вперед большую часть суммы. В договоре с ним фиксировалась и цена товара — по 13 алт. 2 ден. за полосу. Столько же запрашивал Дикс в челобитной о подряде — т.е. цены диктовались самими иностранцами. Иногда цена в договоре не указывалась. В 1701 г. И.Любе и Х.Брант взяли подряд на поставку 4 тыс. клинков, получив вперед 2 тыс. руб. Они оставили

Таблица 3

Поставки западноевропейскими купцами оружия в Россию в 1701—1710 гг.*

Год	Фужев, фужевые стволы (шт.)	Карабины (шт.)	Фужевые замки (шт.)	Пистолеты (пар)	Палашные клинки (шт.)	Шпажные клинки (шт.)
1701	2786	793	3723	124	84	1672
1702	423	—	400	—	11996	4814
1703	9511	—	9438	—	5098	40762
1704	3457	—	532	40	5503	22805
1705	6814	—	3562	1918	1241	24228
1706	16458	100	37506	5304	—	12258
1707	28101	743	21919	7177	14820	26289
1708	10140	1096	11169	1304	11049	8861
1709	1788	—	—	3677	12815	148
1710	34903	—	—	—	—	—
Всего:	114381	2732	88249	19544	62606	141837

* РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81, и др.; РГАДА, ф. 19, л. 1, ч. 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 16, 19, 21; ф. 248, оп. 1, л. 1, л. 223—241; ф. 396, оп. 2, л. 987—1008 и др.

за собой право после доставки товара предъявить счетную роспись, «во что те полосы ценой станут», на основании чего казна должна была с ними окончательно расплатиться²⁰. С оружием, поставляемого по таким договорам, иностранцы не платили пошлины. Об этом прямо говорилось в договоре с А.Диксом в 1702 г. В 1706 г. Петр I указал не брать пошлины с И.Любса за оружие, так как оно поставлялось им «не своей волей и не купеческим образом», а во исполнение царского указа. Лишь в 1710 г. было велено брать пошлины со всех иноземцев, в том числе и с тех, кто вез товары «по подрядам и указам».

Качество и параметры оружия должны были соответствовать образцам, представляемым иноземцами при заключении договора. Для обеспечения подряда поставщик выставлял поручителей, обычно также иностранцев. Они ручались не за выполнение подряда, а только за возвращение подрядчиком полученных в казне денег, если поставка срывалась. Е.Избрант, поручитель А.Дикса, писал в поручной записи, что он «... ручал по иноземцу... Диксу во взятых его деньгах, а в поставке шпажных полос я, Елизарей, по нему, Диксу, не ручаюсь»²¹. Поставки оружия из-за моря были в то время весьма рискованным предприятием, и никто не мог поручиться за точное выполнение такого рода контрактов. Транспорт оружия из Архангельска в Москву и расходы на охрану в дороге «от воровских людей» оплачивались из казны. Русское правительство принимало на себя обязательство возместить некоторые косвенные расходы и воз-

можные убытки поставщиков. И.Любе просил в 1706 г. доплатить ему за чистку стволов, а также «за умаление векселя», т.е. компенсировать падение курса рубля. Казна оплачивала и страхование груза: И.Любе и А.Дикс всегда включали в свои счета «морской страх». Очевидно, подобные условия были весьма выгодны для иностранных подрядчиков: они получали вперед крупные суммы денег, не платили таможенных пошлин, не несли транспортных расходов внутри страны, цены устанавливались в соответствии с их расчетами. Прибыль иноземцев могла быть весьма значительной, даже с учетом всех издержек. Так, шпажный клинок стоил в Голландии 18 штиверов, а в России казна принимала их по 13 алт. 2 ден., т.е. по 40 коп., следовательно, в два раза дороже (в 1702 г. 1 руб. = 85 штиверов)²².

Но доставка оружия из-за моря была сопряжена со многими трудностями. Еще в 1697 г. голландское правительство отказало «Великому посольству» в продаже оружия в Россию²³. А.Дикс просил впоследствии Посольский приказ «отписать в Гагу к русскому послу, чтоб он домогался о тайном пропуске ружья». Посланник в Голландии А.А.Матвеев «домогался», действуя через разных должностных лиц, нес при этом немалые издержки на взятки и подкуп. А.Дикс тоже использовал всякие хитрости, чтобы обмануть бдительность таможенных чиновников. Обычно ящики с закупленным им оружием засыпались в трюмах кораблей песком, используемым для балласта²⁴. Серьезно затрудняла эти операции разразившаяся в Европе война. И.Любе и

Х.Брант, перечисляя свои издержки, писал в челобитной: «... и в прошлом 1702 году положено на корабль 3510 шпашных полос, и тот корабль неприятель на море разбил, от того им на те полосы убытку учинилось сверх застрашенных денег 468 руб. 26 алтын»²⁵. Импорту иностранного оружия были свойственны и другие недостатки. Хотя по качеству иностранные фузели в целом превосходили те, что производились в России, поступавшее разными партиями заморское оружие различалось по калибру, иным техническим параметрам. Это затрудняло унификацию вооружения русской армии, а следовательно — и внедрение принципов регулярности, правильного строя и линейной тактики. Эта проблема в полной мере могла быть решена только при организации серийного производства фузелей на русских заводах. Импортное оружие было дорогим, причем цены постоянно росли. В 1703 г. тульским оружейникам за фузею платили 30 алт. (90 коп.), иностранцы поставляли по 1 руб. 13 алт. (1 руб. 39 коп.). В 1709-1710 гг. И.Любе и Р.Мейер брали по 2 руб. 36 коп., тульские мастера — по 1 руб. 79 коп.²⁶ Необходимо учесть и накладные расходы казны по доставке оружия в Москву, а также то, что оно нередко нуждалось в окончательной отделке. Именно в связи с дороговизной оружия казна стремилась закупать не готовые изделия, а основные их части: стволы, замки, «полосы».

Попытки использовать для закупок оружия за рубежом русских купцов успеха не имели. В 1701 г. был направлен в Польшу и Саксонию кашашевец Ф.Племинников, и ему удалось привезти оттуда 11

тыс. фузей. Но в 1702 г. из выданных ему казной 2 тыс. золотых он израсходовал только 800 ефимков (19% всей суммы), закупив лишь 30 шпаг, 5 пар пистолетов, 8 карабинов, 5 мушкетов и 6 лошадей. Неудачу Племинников объяснил высокой ценой на оружие: «Никто из цесарских, ганских, саксонских торговых людей не хотел взять меньше 8 ефимков (около 6 руб.!) за фузею и пару пистолетов»²⁷. Может быть, сказалась и неопытность кашашевца, оказавшегося на незнакомом ему рынке, и нежелание тамошних властей способствовать поставкам оружия в Россию, когда в тех же землях находилась войска грозного Карла XII.

Параллельно шла работа по налаживанию отечественной оружейной промышленности, которая вскоре принесла свои плоды. С 1712 г. вступил в строй Тульский оружейный завод, который давал до 15 тыс. фузей ежегодно. Значительных размеров достигает к этому времени производство оружия на Олонешских заводах и на Урале. Это привело к прекращению импорта стрелкового оружия. В 1711 г. архангельский вице-губернатор А.А.Курбатов еще проявляет заинтересованность в поставках фузелей и пистолетов из-за рубежа²⁸. Очевидно, с этим связана закупка в Голландии в 1712 г. 10 тыс. фузей, которую Л.Г.Бескровный считает последней значительной покупкой при Петре I²⁹. По нашим данным, последний случай поставки огнестрельного оружия из-за рубежа также имел место в 1712 г., когда Р.Мейер доставил в Архангельск 2254 фузели и 1602 пары пистолетов. Причем он привез оружие без договора, по собственной инициативе, надеясь

на выгодный сбыт его в России. Но фузеи приняты у него не были, а пистолеты взяли год спустя и по цене 2 руб. 75 коп. за пару, хотя Р.Мейер просил 3 руб. Эти пистолеты так и не поступили в армию — 18 лет они пролежали в Оружейной палате и заржавели³⁰.

Поставки холодного оружия продолжались и во втором десятилетии XVIII в. В 1712 г. И.Любе подрядился доставить 20 тыс. палашей, а привез их 24600 и, кроме того, еще 10 тыс. шпажных клинков. В том же году 2750 палашей привез без подряда голландец К. де Юнг. Предлагал купить палашин и Р.Мейер. Лет десять назад казна закупила бы сразу все клинки. Теперь же она стала торговаться. Де Юнг запросил за свои палашин по 60 коп., И.Любе — по 59 коп., затем снизил цену до 50 коп. Палашин были приняты у Любса, что делал со своим товаром де Юнг, неизвестно. В 1713 г. удалось продать 11 тыс. палашей Р.Мейеру, сбавив цену до 45 коп. Однако вскоре они были ему возвращены, так как надобность в них отпала. Нескольким недоставало солдатских шпаг, 3400 штук их взято у того же Р.Мейера. В 1716 г. он привез из-за моря еще 13200 шпаг, но казна приняла у него только 4 тыс. В 1717 г. 20 тыс. шпажных клинков взялся поставить П.П.Вестов и получил задаток 2 тыс. руб. Но контракт вскоре с ним был расторгнут, шпаги приняли у Р.Мейера, который уступил в цене с 39 до 33 коп. В 1717 г. он продал еще 5 тыс. шпаг. П.Вестов пытался бороться, уступил до 30 коп., вернул аванс, и к 1717 г. ему удалось сбыть привезенные им 10 тыс. клинков³¹. Это

последний отмеченный в источниках случай поставки иностранными купцами оружия при Петре I. Во втором десятилетии XVIII в. на различных железных заводах было налажено и производство холодного оружия. В 1712 г. началось строительство шпажного завода Ф.Люботея на р.Пехорке под Москвой. К 1715 г. он выпустил 30 тыс. шпаг. В 1717 г. было указано изготовить на нем 20 тыс. шпаг, что и было выполнено к 1719 г., причем шпаги стоили всего 27 коп., т.е. дешевле самых дешевых иноземных³². Таким образом, во втором десятилетии XVIII в. надобность в импорте оружия, в первую очередь огнестрельного, отпала. Шпаги и палашин иностранцы привозили теперь без предварительных контрактов и, конкурируя друг с другом, пытались сдать их в Оружейную палату. Казна диктовала свои условия, выбирая наиболее дешевое или необходимое оружие.

К военным поставкам следует отнести и продажу в казну меди, свинца, серы, селитры, применявшихся в производстве орудий и боеприпасов, сукон для обмундирования, а также некоторых видов амуниции. В отличие от оружия эти товары свободно обращались на рынке и приобретались как посредством предварительных подрядов, так и путем обычной скупки на ярмарке в Архангельске. В 1710 г. там было продано в казну сукон на 138 тыс. руб. (30% всех реализованных иностранцами), свинца на 11,5 тыс. руб. (81%), меди — на 136 тыс. руб. (84%)³³. Казенные агенты имели преимущественное право покупки. Пока они не закупят нужное им количество товаров, иностранцы не могли

продавать их русским купцам. Иногда эта скупка приобретала характер реквизиции. В 1709 г. потребовалось отлить 108 пушек, для чего понадобилась медь. Царский указ предписывал «взять на государя» медь, имеющуюся у русских и иностранных купцов. В Архангельск прибыл капитан артиллерии И. Давыдов и «взял» у А. Свелленгребела 10 пуд. меди, И. Амона, П. Розена, Ю. Конова — 112 пудов. Деньги они получили лишь в 1712 г., причем цена была назначена Сенатом³⁴.

Не меньшее значение имели поставки иностранными купцами этих материалов по подрядам в различные приказы. С 1697 г. в Оружейную палату поступал свинец от голландца И. Таберта. В 1703 г. подряд на 40 тыс. пудов свинца и 14 тыс. руб. (половину всей суммы) получил англичанин А. Меррел³⁵. Но неизвестно, удалось ли ему выполнить столь крупный контракт. В 1704-1706 гг. свинец доставляли по казенным подрядам П. Вестов, англичанин В. Лойд, голландец Е. Клюк³⁶. Несколько шире был круг поставщиков меди. В 1704 г. у Е. Клюка было принято 3 тыс. пудов меди в Приказ Артиллерии «к пушечным и мортирным делам», впоследствии М. Поппе поставил 1456 пудов, Д. Артман — 1097 пудов, П. Вестов — 171 пуд. Поступала медь и от И. Кинсуса, Д. Каннигитера, Л. Гарланта, В. ван Гевера³⁷.

И во втором десятилетии XVIII в. Приказ артиллерии оставался основным потребителем металлов, подряжаемых у иностранцев. Правда, число поставщиков сокращается. Очевидно, приказу было удобнее иметь дело с постоянными партне-

рами, чем каждый раз искать новых. В основном это английские купцы. В 1710 г. В. Лойд взял подряд на 1 тыс. пудов меди, 5 тыс. пудов свинца, 40 пудов медной проволоки и 150 пудов железной. В 1711 г. он поставил все сполна за исключением железной проволоки, которой не додал 32 пуда. Я. Спеллман, А. Ачкин, В. Стерлинг в 1715-1718 гг. доставили на Пушечный двор около 7 тыс. пудов свинца, 328 пудов свинцовой дроби, 168 пудов латуни, 95 пудов меди, 4954 пуда серы, 3760 пудов селитры, некоторое количество буры и камфары³⁸. Очевидно сокращение доли меди, свинец ввозится в том же количестве, что и до 1710 г. Увеличиваются поставки селитры. Еще в 1713 г. Ф. Гиз продал ее 11 тыс. пудов³⁹. Медь все больше приобретает у русских купцов, которые предварительно скупали ее у иноземцев. До 1710 г. медь сдавали в казну А. Турка, Ф. Федотов, И. Стрежнев. В 1715-1713 гг. С. Томилин, А. Павлов, И. Короткий поставили меди больше, чем английские купцы. Примерно с 1710 г. в выплавке пушек используется и медь отечественного производства, в частности с пермских заводов Строганова⁴⁰. По окончании Северной войны поставки иностранцами металлов, серы, селитры на Пушечный двор практически прекращаются. Лишь в 1723 г. англичанин В. Дюкар привез сюда 2310 пудов свинца⁴¹. Но покупка металлов у иноземцев не ограничивалась военными потребностями. Еще в 1717 г. В. Стерлинг и П. Миль подрядились доставить 1500 пудов меди к «домовому строению» в Петербурге. В 1725 г. голландец А. Бодиск с сыном взялись привезти в Кие-

во-Печерскую лавру 410 медных блях под позолоту, видимо, для кровли соборов и церквей⁴².

Создание многочисленной регулярной армии требовало огромного количества сукна для мундиров. Отечественное производство, несмотря на открытие в 1706 г. в Москве Суконого двора, далеко отставало от этих потребностей. Поэтому в начале XVIII в. они удовлетворились главным образом за счет импорта. Казна приобретала сукно на ярмарке в Архангельске, поставлялось оно по подрядам как русскими торговыми лкдями, скупавшими его у иноземцев, так и непосредственно самими иностранными купцами. В 1702 г. в Золотую палату, которой было поручено оснащение драгунских полков, А.Стейлс поставил 90 тыс. аршин английских сукон, Б.Андрис — 180 тыс. аршин любских (т.е. из Любека). М.Поппе доставил сюда 30 тыс. аршин, а еще 615,5 аршин — для Семеновского и Преображенского полков⁴³. Сукою для гвардейцев стоило в два раза дороже, чем для драгун. Эти поставки не уменьшаются и в последующие годы. В 1705-1708 гг. от Стейлса поступило 37 тыс. аршин, от М.Поппе — 30 тыс. аршин. В 1710 г. англичанин Т.Эль по подряду 1709 г. доставил 112 тыс. аршин. П.П.Вестов сдал в Приказ артиллерии «на мундир артиллерийским бомбардирам и капрадам» 7320 аршин. Одновременно казна закупила на ярмарке в Архангельске 125 тыс. аршин⁴⁴. По приблизительной оценке, в армию в то время требовалось 300 тыс. аршин сукна⁴⁵. Таким образом, к концу первого десятилетия XVIII в. примерно 40% удовлетворялось за счет непосредственных поста-

вок иностранцами, столько же поступало с ярмарки, остальные 20% приходится, видимо, на долю русских купцов и отечественного производства.

Во втором десятилетии XVIII в. среди иностранных поставщиков сукна значатся только англичане. С 1709 г. начинается деятельность в России С.Гаршана, который в 1712 г. по договору с казанским губернатором П.М.Апраксиным поставил 105400 аршин английских сукон, 36 тыс. аршин байки, а также иренки. К.Гутфель перед возвращением в Англию продал в Адмиралтействе на мундир матросам 18 тыс. аршин и заключил подряд в Кригс-комиссариате, ведавшим тогда оснащением армии, еще на 60 тыс. аршин сукна, которое было поставлено его компаньонами И.Рансом и В.Парсонсом. Я.Спеллман при содействии П.Вестова-младшего продал в казну в 1713-1715 гг. 153 тыс. аршин сукна и 100 тыс. аршин байки⁴⁶. В 1716-1718 гг. новых договоров на поставку сукна с иностранцами не отмечается. Правительство стремилось активизировать деятельность русских купцов по продаже сукна в армию. В 1718г. был издан указ о подряде сукна только у них⁴⁷. Тогда же предпринимается попытка по расширению Суконого двора в Москве, но они не дали желаемых результатов. К концу десятилетия Кригс-комиссариат вновь был вынужден обратиться к услугам иностранных купцов, так как «у русских купцов не могли подрядить ни в подряд, ни в продажу, и чтоб не произошло армии в мундире крайней нужды». Ситуация обострилась и в связи с переобмундированием войск на основании табеля 1720 г.⁴⁸ В

свою очередь, иностранцы (и прежде всего англичане) были крайне заинтересованы в поставках сукна в русскую армию. Это обеспечивало им надежный сбыт продукции их мануфактур, обещало немалые прибыли. Поэтому предложение иностранных сукон зачастую превышало потребности, обострялась конкуренция между поставщиками, что позволяло казне добиваться наиболее выгодных условий. В 1719 г. А.Ачкин и Я.Спеллман взяли подряд на 300 тыс. аршин сукна по 59 коп. аршин. В 1720 г. этот подряд был отдан В.Вейду, который уступил в цене до 58 коп. В 1721-1722 гг. он поставил 380 тыс. аршин. Но около 280 тыс. аршин не отвечало установленным стандартам, и казна не принимала их, пока Вейд не сбавил цену до 53 коп. Он уступил потому, что в 1721 г. его конкурентам Ачкину и Спеллману удалось взять подряд на 125 тыс. аршин по 58 коп. Однако ими было поставлено только 80 тыс. аршин, остальные сукна пропали в результате кораблекрушения⁴⁹. В 1724 г. вновь было решено обратиться к иностранцам, несмотря на то, что 17-й артикул Адмиралтейского регламента предписывал употреблять на мундир только сукна, произведенные на российских фабриках⁵⁰. Соперничество между поставщиками еще больше обострилось. Сукна предложили англичане Г.Эванс, В.Вейд, Я.Смалл, И.Эварас, Ф.Гарднер. У них появились конкуренты из других стран. Голландец Е.Мейер заявил, что ему обещан подряд и он уже заказал за морем 120 тыс. аршин. Предложил сукна и выходец из Нарвы Я.Ролфинк. Прусский посланник Т.Мардефельд добивался подряда

для компании берлинских купцов. Все они предлагали разные условия: англичане просили деньги вперед, Мейер отдавал сукна в долг с последующей уплатой за них русскими товарами, Мардефельд запрашивал самую низкую цену, но казна за свой счет должна была доставлять товар из Штеттина. Прусские купцы, чтобы оттеснить англичан, соглашались даже первое время торговать без прибыли. В этих условиях Коммерц-коллегия назначила цену по своему усмотрению: сначала 63 коп., затем снизила ее до 59 коп. (Некоторое удорожание сукон по сравнению с 1720-1721 гг. вызвано падением курса рубля). Несколько англичан отказались от торгов, так как они рассчитывали продать сукна дороже русским купцам. Тем временем экспертиза выяснила, что качество прусских сукон несколько выше английских. Однако Коммерц-коллегия считала, что следует закупить все 300 тыс. аршин в Англии, так как эта страна являлась главным внешнеторговым партнером России. Мардефельд все же не сдавался, шел на уступки, соглашался на доставку сукон в Петербург прусскими купцами, использовал свои связи при дворе. Наконец, было найдено «соломоново решение»: закупить 150 тыс. аршин у англичан (подряд взял Ф.Гарднер) и 150 тыс. аршин — в Пруссии. Эти поставки были осуществлены в 1725-1727 гг. Кроме того, более 100 тыс. аршин привез из Англии Е.Мейер⁵¹. Вскоре прусской компании удалось перехватить инициативу в поставке сукна в русскую армию. В 1726 г. было решено подрывать его только в Пруссии, так как «оно добротой лучше и це-

ной сходнее». На 1727 г. там было закуплено 327799 аршин⁵². Поставки сукна из-за моря продолжались и в последующие десятилетия. Таким образом, и в конце правления Петра I до 70% потребностей армии в сукне удовлетворялось за счет подрядов с иностранцами. С российских мануфактур в 1723-1725 гг. получено лишь 80 тыс. аршин и 50 тыс. аршин поставлено русскими купцами⁵³. Оказалось легче обеспечить армию за счет отечественного производства оружием, чем сукном. Не хватало шерсти должного качества, производственного опыта, отставала технология этого специфического производства. Впрочем, вопрос об отставании российской суконной промышленности заслуживает специального исследования. Правительство стремилось поддержать и русских купцов, но и им не удалось овладеть посредничеством в поставке в казну импортного сукна. Оно требовалось особо крупными партиями, и у русских торговых людей зачастую не доставало капиталов для таких закупок.

Иногда западноевропейские купцы ввозили детали обмундирования, амуниции из того, что до Петра I в России не производилось и не применялось. Это немецкие седла, солдатские шляпы, чулки, позументы. Они предназначались для офицеров, гвардейцев, использовались в качестве образцов при организации их производства в России — поэтому иностранцы поставляли такие товары небольшими партиями. В 1703 г. К.Гутфель доставил 412 пар чулок для Преображенского полка, гамбургец А.Прен — 1581 пару, 30 тыс. аршин галуна взялся закупить Б.Андрис⁵⁴. Интересен договор

Х.Бранта и И.Любса от 1702 г. о поставке 3 тыс. седел и узд. Поставщики также предлагали изготовить к седлам стременные ремни, пахви, подгрудники и фузейный «шулек», «как это делают за морем». Естественно, цена подряда поднималась, и иностранцы обещали представить счет дополнительным расходам. Им было отказано, так как в Москве эти предметы делали дешевле⁵⁵. Их взялся поставить Б.Андрис, который разместил заказы на изготовление 3 тыс. подгрудников, стременных ремней и проч. среди московских ремесленников⁵⁶. И.Любс и Х.Брант не выполнили подряд полностью и в срок. Закупив седла в Гамбурге, они до 1705 г. не могли их вывезти, так как «война со шведом стала и неприятель тех седел из Амбурха не выпускал». Там же застряли закупленные для русской армии 20 тыс. палаток и 10 тыс. пар сапог. Лишь в 1705 г. удалось вывезти через Амстердам 2,5 тыс. седел. Казне пришлось оплатить дополнительные издержки поставщиков, в том числе хранение седел в Гамбурге, в сумме 1064 руб.⁵⁷ Но это был практически единственный случай вывоза седел из-за рубежа. С 1706 г. производство «немецких» седел было налажено в Оружейной палате. Во втором десятилетии XVIII в. импорт амуниции разного рода почти прекращается. Известно лишь о поставке англичанином Я.Гутом в 1711 г. 411 гренадерских шапок для Преображенского полка и перьев к ним. В 1720 г. берлинский купец И.Пеллутье привез в Военную коллегию комплект солдатского обмундирования в качестве образца⁵⁸.

Некоторые иностранные купцы известны в ка-

честве поставщиков различных материалов для оснащения флота. Накануне Северной войны по инициативе Петра I богатые и знатные лица объединялись в «кумпанства», каждое из которых должно было построить и снарядить один военный корабль. Для приобретения необходимых материалов кумпанства обращались к торговым иноземцам. Дартман поставил «припасы к корабельному делу» в кумпанство купцов-гостей, М.Поппе — в кумпанство Строгановых, Б.Андрис для князя Я.Ф.Долгорукого⁵⁹. После упразднения кумпанств иностранные купцы имели дело непосредственно с Адмиралтейским приказом. В 1701-1708 гг. приказ принял у А.Стейлса 3 тыс. пудов дерева для шпангоутов, 34400 парусных итол, компасы, икоря. В.Лойд поставил стеклянные компасные «кружки». В 1702 г. у Е.Клюка было приобретено 20 тыс. аршин парусного полотна для верфей в Воронеже⁶⁰. В 1713 г. И.Любе получил 9547 руб. на поставку флагадука. Это вызвало жалобы со стороны Е.Клюка, который раньше доставлял этот сорт полотна в Адмиралтейство. В 1716 г. И.Любе привез блоки для 4-х кораблей⁶¹. В 20-е гг. особые сорта дерева поставлял в Адмиралтейство англичанин Эшенбурх, а его соотечественники Т.Незбит и Б.Вексель — точальный камень. Причем до 1731 г. Адмиралтейство так и не выплатило им деньги за эти товары⁶². Иногда при посредничестве иностранных купцов за морем приобретались целые корабли. В 1711-1714 гг. из Англии поступило 11 кораблей, по 1 из Голландии и Гамбурга. Активно сотрудничали при этом с Адмиралтейством англи-

чанин С.Гарцан, его корреспондент в Англии Р.Робинсон, гамбуржец М.Поппе. При посредничестве К.Гутфеля в 1713 г. был приобретен в Голландии корабль «Перл» за 54 тыс. гульденов⁶³.

Кроме военных материалов, по заказам правительства иноземцы доставляли и многое другое. Большое значение в годы петровских преобразований имели поставки ими некоторых видов оборудования и механизмов. Но известны случаи, когда английское правительство стремилось воспрепятствовать отправке подобных товаров в Россию. Так, в 1705 г. Я.Спеллман и С.Мартин взялись поставить оборудование для переработки табака. Но по настоянию торгово-промышленных кругов Англии королева Анна специальным указом запретила вывоз этого оборудования в Россию, а также выезд специалистов. Посланник в России Ч.Витворт получил предписание уничтожить оборудование мастерской, принадлежавшей английской табачной компании в Москве. Во исполнение чего Ч.Витворт в сопровождении нескольких слуг однажды ночью проник в мастерскую, где был устроен пожар: оборудование частью было разломано, частью сожжено, специальный раствор для обработки листьев вылит на землю, медные детали посланник приказал отнести в свою резиденцию, где его кузнец их расплавил⁶⁴. В 1711 г. С.Гарцан выдвинул, в целом нереальный, проект строительства в России англичанами нескольких канатных, мыловаренных, железных заводов. Но и этот проект встретил категорические возражения Ч.Витворта⁶⁵. Очевидно стремление наиболее влиятельной части

торгово-промышленных кругов Англии видеть в России рынок сбыта готовых изделий и, по возможности, препятствовать возникновению здесь обрабатывающей промышленности. Напротив, многие находившиеся в России англичане, заинтересованные в развитии здесь своей торговли, были готовы пойти навстречу просьбам российского правительства, но, сталкиваясь с сопротивлением у себя на родине, не всегда могли его преодолеть. В наибольшей степени среди них это удавалось А.Стейлсу. Для исполнения различных заказов Петра I он использовал и свои связи в Голландии: в 1712 г. он вывез оттуда 6 ящиков инструментов к пороховому и стеклянному делу⁶⁶.

Поставки оборудования и механизмов гораздо более характерны для голландских и гамбургских купцов. В 1704 г. А.Кинсиус заключил договор о доставке в Россию чертежей и модели «некоей машины, которой песок и камень со дна вынимают». Очевидно, речь идет о землечерпалке. Он обязался доставить и некоторые ее детали из тех, «что нельзя промыслить в России», а также выписать на свой счет 4 мастеров для сооружения и наладки «машины»⁶⁷. Тот же А.Кинсиус в 1701-1702 гг. поставлял пожарные трубы, «снасти» для фейерверков. В 1705 г. М.Поппе привез «некоторые вещи» для зеркального завода, строившегося в Москве на Воробьевых горах. В 1707-1708 гг. Х.Брант и И.Любе по распоряжению Петра I доставили два печатных станка, а также литеры и матрицы с новым гражданским шрифтом. В 1711 г. И.Любе поставил в Адмиралтейство 1690 пил различных ти-

пов⁶⁸. Все это оплачивалось князой по счетам, представляемым иноземцами, освобождалось от уплаты каких бы то ни было пошлин.

По заказам правительства иностранные купцы привозили и разнообразные предметы быта, коневые изделия, часы, книги, бумагу, лекарства, вина и т.д. — все это использовалось при дворе Петра I, должно было способствовать его «европеизации». Многие вещи доставлялись по личным приказам самого царя весьма узкой группой торговых иноземцев: И.Любеом, Х.Брантом, А.Стейлсом, которых он хорошо знал, доверял их опыту и вкусу. В 1704-1705 гг. И.Любе и Х.Брант доставили из Амстердама три механизма для башенных часов «с музыкой и танцами» (т.е. с двигающимися во время музыкального перезвона колоколов фигурками). Подобные часы Петр I увидел в Амстердаме, когда был там в составе Великого посольства, и непременно захотел иметь такие же куранты в своей столице. Один часы были установлены на Спасской башне Московского Кремля (в 30-е гг. XVIII в. они вышли из строя и позднее заменены). Остальные два механизма долгое время находились в Оружейной палате без употребления, и в 1713 г. были отправлены в Петербург⁶⁹. А.Стейлс привозил английские настольные, настенные и «стоячие» (напольные) часы. И.Любе в 1706 г. привез четыре «хора» гобоев. Те же купцы неоднократно доставляли ко двору слоновую кость и «ринощеровые рога» (т.е. рог носорога), что предназначалось для токарных работ — любимого занятия Петра I на досуге⁷⁰. Лекарства ко двору поставляли М.Поппе и

особенно часто А.Стейле, который в 1706-1711 гг. продал в Аптекарский приказ различных медикаментов на сумму более 30 тыс. руб.⁷¹ Доставлялись саженцы и семена сидовых и огородных культур, которые намеревались разводить в России. В 1712 г. поступило 12 тыс. виноградных черенков, заказанных при участии М.Поппе. Их было велено «сидить» в Астрахани⁷². О дальнейшей судьбе этих саженцев ничего неизвестно, не исключено, что тамошний континентальный климат оказался для них слишком суровым.

Любимой стихией Петра I было море. Он не хотел расставаться с ним и тогда, когда оно замерзло зимой. По его просьбе в 1708 г. И.Любе доставил два буера для катания под парусом по льду. Тот же Любе и А.Стейле неоднократно привозили яхты⁷³. В 1713 г. Р.Меннаринг доставил «образцовый кораблик», может быть, имеется в виду модель, по которой строились настоящие суда для Петра I и его компании⁷⁴. Неоднократно иностранные купцы доставляли к российскому двору книги. В 1701 г. Е.Клюк, компаньон Я.Тессинга из Амстердама, привез несколько ящиков книг на славянском, немецком и латинском языках. В 1704 г. И.Любе доставил книгу «Люстгард» (геометрия) и сочинение М. ван Кугорна о фортификации⁷⁵. Голландцы часто продавали в казну писчую бумагу: у Р.Мейера в 1708 г. принято 140 стоп бумаги для клеймения гербом⁷⁶. Как раз в это время начали выпускать гербовую бумагу для прошений, жалоб, контрактов, которая продавалась населению за определенную плату. Весьма характерны и поставки

ювелирных изделий. В 1702-1704 гг. А.Дикс привез из Амстердама 9 миниатюрных финифтных портретов Петра I, изготовленных на золоте, на общую сумму 20 тыс. руб. Эти миниатюры вставлялись в золотые запоны с алмазами (которые тогда доставил Х.Брант) и предназначались для награждения наиболее отличившихся приближенных Петра I, а также для подарков иностранным дипломатам и при европейских дворах. В дальнейшем подобные заказы выполнял Х.Брант. В 1710-1711 гг. он сдал в казну 16 миниатюрных портретов Петра I и 5 «кавалерских» крестов с алмазами⁷⁷.

Примеры поставок иноземцами всевозможных предметов и вещей из Европы по заказам правительства и двора легко умножить. Но это имело место главным образом в первом десятилетии XVIII в. В дальнейшем эти заказы выполняли в основном дипломатические и торговые агенты русского правительства за рубежом, число которых росло. Это О.Соловьев, И. ван дер Бург в Амстердаме, А.Веселовский в Лондоне, Д.Бошце в Венеции и др. Поставки иностранными купцами различных вещей на нужды двора в конце правления Петра I случались редко. Известно, что в 1720 г. англичанин А.Ачкин привез в Россию сервиз «про обиход его величества» стоимостью 8906 руб., а в 1723 г. итальянцы О.Маринотти и Д.Бюстелли доставили из Италии несколько мраморных статуй «на пинтергофскую каскаду»⁷⁸. Поставщики при этом платили пошлины на общих основаниях, чего не отмечалось ранее, в случае закупок иностранцами каких-либо товаров на нужды двора.

Говоря о поставках иностранными купцами различных вещей по заказам правительства, следует отметить, что они, как правило, сопровождалась вызовом в Россию соответствующих специалистов. Так, И.Любе и Х.Брант вызвали в Россию из Голландии несколько мастеров для наладки привезенных ими часов. М.Поппе пригласил «виноградного мастера»⁷⁹. Иностранцы при этом обычно оплачивали проезд вызванных специалистов, выдавали им жалованье, а также некоторую компенсацию семьям, оставшимся на родине. Впоследствии казна возмещала иностранцам эти расходы по представленным ими счетам.

Во втором десятилетии XVIII в. в ассортименте поставок из-за моря в казну появляются соль и уголь. В 1715 г. англичанин Денкот продал в Приказ артиллерии 207 бочек «каменного английского угля, которое против русского деревянного гораздо спорее». В 1716 г. поставлял английский уголь в Адмиралтейство Я.Спеллман⁸⁰. Соль поступала в Петербург и другие балтийские порты также в основном от английских купцов. Незрелость транспортных связей Петербурга с внутренним рынком страны пока не позволяла обеспечить эти районы солью, добываемой в России. В 1715 г. англичанин Я.Спеллман и В.Стерлинг поставили на остров Котлин более 100 тыс. пудов испанской соли. Они продали ее в казну по 25 коп. пуд., а оттуда «в народ» она продвигалась уже по 40 коп.⁸¹ Таким образом, прибыль казны с этой операции достигала 60%. В том же году англичанин Ф.Коллинг заключил подряд на поставку в Адмиралтейство

150 тыс. пудов соли. В уплату за все Адмиралтейство обязалось выдавать ему пеньку. В 1715-1716 гг. Коллинг поставил в военно-морское ведомство 119 тыс. пудов соли и 28 тыс. пудов доставил в Копенгаген для русской армии, находившейся за границей. Он продавал соль по повышенной цене и имел исключительное право на торговлю ею в портах Финляндии; его агенты продали в Або и Гельсингфорсе более 50 тыс. пудов. Для охраны этой монополии от конкуренции ревельских купцов они располагали отрядом солдат⁸². При заключении столь выгодного для себя контракта Ф.Коллинг не использовал свои связи с А.Д.Меншиковым и Ф.М.Апраксиным, главой Адмиралтейства. Направляя Ф.М.Апраксину письмо с просьбой о содействии в подряде, Ф.Коллинг передал ему и «малый презент», состоявший из 4 бочек дорогих вин, 3 кип сукна, оливок, анчоусов и проч. Позднее следователи, изучавшие злоупотребления Меншикова и его приближенных, обратили внимание на обстоятельство заключения этого контракта⁸³. В 1721 г. «за недостатком пермской соли» подрядился ее поставить из-за моря англичанин Г.Эванс. Привез соль и его соотечественник Р.Неттелтон, но его товар было велено конфисковать, так как он не заключил договора с казной. Однако вскоре, «чтобы иностранцам не учинить в купечестве озлобления», Неттелтону разрешили отправить оба его корабля с солью обратно⁸⁴.

Казна также покупала у иностранцев для последующей продажи «в народ» табак, курительные трубки, игральные карты, иногда вино. Табак про-

давался из казны после ликвидации деятельности английской компании. Известно, что в 1712 г. было приобретено его 3 тыс. пудов у англичанина С. Гаршина и 25 пудов у гамбургца П. Голстина⁸⁵. С этих операций казна получала неплохую прибыль. В 1713 г. в Архангельске местным курильщикам было продано табака на 218 руб., который был куплен у иноземцев всего за 118 руб., в Кевроле с продажи того же заморского зелья населению получили 22 руб., а обошлось оно казне в 4 руб.⁸⁶ Эта прибыль с лихвой возмещала убытки, связанные с тем, что табака приобреталось у иноземцев слишком много, он гнил, превращался в труху. Одновременно принимались меры по переработке сырья, поступающего с Украины. С этой целью были приглашены мастера из Голландии, которые, пробыв в России около 10 лет, наладили переработку «черкасского» табака. В результате в начале 20-х гг. XVIII в. поставки этого товара иностранцами для продажи из казны прекращаются⁸⁷.

Итак, иностранные купцы поставляли в казну самые разнообразные товары. Массовый характер имела продажа вооружения, сукна, металлов. Ввоз огнестрельного оружия имел место главным образом до 1712 г., холодного — до конца второго десятилетия, медь, сера, селитра поставлялись до завершения Северной войны, сукно поступало в течение всех 20-х годов и в дальнейшем. Всякого рода вещи по заказам двора и самого царя доставлялись иноземцами на протяжении всего периода правления Петра I, но большей частью — в первом десятилетии XVIII в. Поставки некоторых товаров

в казну для продажи населению (табак, соль и др.) характерны в основном для 1710-х гг. Иногда в литературе недооценивается значение иностранных поставок, встречаются утверждения, что редкий подряд с иноземцами выполнялся благополучно⁸⁸. Но приходно-расходные ведомости, другие документы центральных приказов регулярно отмечают поступление от иностранных купцов всевозможных товаров по контрактам и подрядам. Об этом подробно речь шла выше. Конечно, случалось, что сроки поставок срывались, некоторые из них выполнялись не полностью. В 1704 г. московский торговый иноземец Б. Андрис обязался доставить из-за моря 30 тыс. фузей, 5 тыс. пар пистолетов, сукна, получил из казны 40 тыс. руб. Деньги были направлены в Любек тамошнему коммерсанту А. Бранту, который прислал товаров всего на 12 тыс. руб. В 1705 г. Б. Андрис умер, а его сын, лекарь Аптекарского приказа, не смог добиться поставки оставшихся товаров или возвращения денег. В результате в 1709 г. был продан за недоимку двор Андрисов в Немецкой слободе и все их имущество⁸⁹. А. Шит из Бергена, уже известный нам по покупке хлеба в Архангельске для отправки в Норвегию, взял в казне деньги на поставку в Россию меди. Но своих обязательств он не выполнил и в начале 20-х гг. разорился⁹⁰. Однако такого рода случаи срыва поставок по контрактам казны с иностранными купцами встречаются крайне редко. Сохранившиеся за первые десятилетия XVIII в. доимочные книги упоминают среди должников по казенным поставкам главным образом русских

купцов. Фамилии иностранцев там почти не встречаются⁹¹. Следовательно, нет оснований говорить о неблагоприятном исходе большинства подрядов иностранцев на доставку в казну заморских товаров.

В свою очередь, хроническая нехватка денег в казне, приказная волокита затрудняли эти операции. Весьма типичны длительные задержки по выплате необходимых сумм из центральных ведомств по контрактам с иноземцами. Так И.Любе — один из основных поставщиков — недополучил за товары, привезенные в 1701-1708 гг., около 60 тыс. ефимков, задолженность казны А.Стейлеу к 1710 г. составила около 80 тыс. руб. Вопрос о выплате им этих денег рассматривался в Сенате лишь в 1711-1713 гг.⁹² (Правда, к началу 20-х гг. уже И.Любе оказался должен казне ирядную сумму.) Тем не менее претензии иностранных поставщиков рано или поздно удовлетворялись. Казна вместо выплаты иноземцам денег могла не взимать с них таможенные пошлины на соответствующую сумму, продать русские товары. Обе стороны были в то время заинтересованы в развитии подобного рода контактов.

Иностранные купцы принимали активное участие и в финансовых операциях правительства. Преобразования Петра I требовали огромных расходов, государство постоянно испытывало недостаток не только самих денег, но и металла для их чеканки. В то время в России золото и серебро почти не добывались. Энергичные меры Петра I по разведке их месторождений принесли свои пло-

ды позже. В начале XVIII в. поступление денежного металла из-за рубежа было практически единственным его источником. Европейская серебряная валюта (ефимки), золотые монеты поступали в казну в результате сбора таможенных пошлин с торговли иностранцев, продажи за море казенных товаров, скупки монет казенными агентами на архангельской ярмарке. Но этого было недостаточно, и правительство заключало с иностранцами контракты на поставку серебряных монет из-за моря на российские денежные дворы. Всего удалось обнаружить данные о 68 контрактах иностранных купцов на поставку ефимков, в соответствии с которыми ими было поставлено около 1500 пудов этих монет. Это лишь 3% от более чем 50 тыс. пудов всего серебра, поступившего на денежные дворы в 1698-1724 гг. Но это, очевидно, далеко не полные данные, так как есть все основания полагать, что поставка ефимков по подрядам являлась одним из основных каналов снабжения серебром денежных дворов⁹³. Большая часть выявленных поставок приходится на 1699-1702 гг. (616 пудов), 1708-1711 гг. (405 пудов), 1721-1723 гг. (131 пуд). И это неслучайно: на рубеже XVII и XVIII вв. правительство приступило к выпуску новых серебряных денег, в 1721 г. понадобилось 2 млн. ефимков для выплаты Швеции по условиям Ништадского мира. В данных операциях приняли участие практически все активно торговавшие в России иноземцы: П.Вестов, В. ван Гевел, Е.Клюк, А.Кинсенус, М.Поппе, Д.Артман, А.Меврел, К.Гутфель, Д.Калер, Ю.Конов, Х.Брант, И.Любе, С.Мюкс, Ф.Гиз, Я.Спеллман,

С.Гаршан, А.Стейле, А.Блант, И.Тамес, О.Вилкинс, А.Бодиск, П.Конов, С.Вернизообр, Ф.Морли, Г.Эванс и др. Некоторое количество ефимков сдавали русские купцы, но их поставки встречаются редко и не превышают 10 пудов, в то время как иноземцы регулярно продавали по 20, 30 и более пудов. В 1699 г. М.Поппе поставил в казну 200 пудов ефимков, Ф.Гиз в 1705 г. — 85 пудов, И.Любс в 1713 г. — 165 пудов⁹⁴. При заключении подряда иноземцы получали вперед обычно всю сумму в русских деньгах. Они закупали на них товары в России, отправляли их за море, получали оттуда в уплату от своих корреспондентов ефимки, которые и сдавали на денежные дворы. Здесь ефимки перечеканивались в русские деньги. Из одного ефимка чеканилось примерно по одному рублю, в то время как они поступали в казну, по крайней мере в первом десятилетии XVIII в., по цене дешевле рубля. Следовательно эта операция была выгодна казне. Известно, что в начале XVIII в. прибыль от передела серебряных денег составляла 26-29%⁹⁵. Выгодны были эти операции и для иноземцев, так как они получали в казне большие суммы русских денег, своего рода кредит или оборотный капитал.

Эти поставки были сопряжены с определенными трудностями. В течение всей первой четверти XVIII в. серебро постоянно повышалось в цене, а курс рубля падал. Во втором десятилетии стоимость ефимка приближалась к рублю и практически сравнялась с ним. Это сокращало прибыль казны при переделе ефимков в русские деньги. В

условиях денежного голода никак не удавалось подрядить ефимки подешевле, иноземцы ориентировались на курс рубля на европейском рынке. В 1711 г. по царскому указу предписывалось подрядить ефимки по 12 руб. фунт. Иностранцы же просили по 12,6 руб. за фунт или по 90 коп. за ефимок⁹⁶. Они настаивали на выдаче всей суммы денег за ефимки вперед, но в казне их не хватало. В 1715 г. было решено выдавать иноземцам вместо денег русские товары, но вскоре возникли трудности по сбыту их за границей, и пришлось вновь расплачиваться с иностранцами при заключении контрактов монетами отечественной чеканки⁹⁷. Правда, по указу 1720 г., разрешалось выдавать в задаток не более 3/4 всей суммы. Но этот указ не выполнялся: в 1721 г. Р.Менваринг, В.Вейгор, Г.Эванс, А.Бодиск добились получения вперед всех денег полностью. Нередко иноземцы сдавали на денежные дворы ефимки, скупленные в России, а не привезенные из-за рубежа. Это было невыгодно государству, так как общее количество денежного серебра в стране в этом случае не увеличивалось. В 1722 г. голландец П.Пель, подрядившись поставить 10 пуд. ефимков, пытался сдать 10 пуд. русских денег. Ему было отказано и велено привести монеты из-за моря. В 1723 г. вышел указ, запрещающий иноземцам скупку серебра внутри страны, так как они «обещались ставить ефимки из-за моря, а не коупные в России»⁹⁸.

Поставка ефимков была достаточно сложным делом и для самих иностранцев. Из 68 подрядов, зафиксированных в источниках, 40 были выполне-

ны, хотя не всегда в срок. В 9 случаях ефимки поставлены не полностью, а в 8 случаях — не поставлены вовсе. Результаты выполнения 11 подрядов неизвестны. Большой ущерб потерпели в 1714 г. И.Любе, И.Тамес, С.Мюкс, Ф.Гиз: в результате гибели груза при кораблекрушении они потеряли около 70 тыс. ефимков, которые им надлежало поставить по контракту 1713 г. По его условиям они должны были возместить ущерб казне до 1715 г., но неизвестно, удалось ли им это сделать⁹⁹. Итак, несмотря на то, что большинство договоров на поставку ефимков выполнялось, процент неудач здесь был значительно выше, чем при продаже в казну военных материалов, прочих товаров.

Подобные неудачи наносили значительные убытки казне, нередко приводили к банкротству поставщиков. Их причинами были не только трудности морских перевозок, но и нарушение своих обязательств европейскими партнерами торгующих в России иноземцев, неустойчивость русского рынка и кредита. В 1708 г. англичанин Е.Бель обязался поставить 20 пудов ефимков и не поставил, потому что его корреспондент в Англии и родной дядя Д.Эдвардс внезапно прервал с ним торговые связи, не оплатил поставленных ему товаров. Ф.Морли в 1722 г. взялся привезти ефимков на 80 тыс. руб., но не смог этого сделать, так как его английские партнеры не заплатили ему более 90 тыс. руб. за русские товары¹⁰⁰. Часто такого рода срывы происходили из-за несостоятельности русских должников иностранных купцов. Иноземцы давали им деньги, полученные в казне, в долг под

покупку русских товаров. Англичане Р.Борен и О.Диккинс заключили контракт на поставку 20 пуд. ефимков, который затем уступили С.Мюксу. Он ефимков не поставил, а предъявил несколько заемных свидетельств русских купцов на сумму более 11 тыс. руб. С.Мюксу была дана отсрочка на 10 лет, а для взыскания его долгов создана специальная комиссия во главе с майором Терпицким, которой удалось собрать лишь 2 тыс. руб. Р.Менваринг и В.Вейгор, также не поставившие ефимки в казну, представили 9 заемных крепостей ярославских и архангельских купцов на сумму более 16 тыс. руб., удалось взыскать лишь 737 руб. Такие же свидетельства на 2 тыс. руб. и 5 тыс. руб. предъявили И.Марица и И.Тиммерман, задолжавшие ефимки в казну. Все эти иностранцы получили отсрочку на несколько лет. Но по ее истечении казна взыскивала недоимку со всей строгостью. В 1720 г. был продан дом, товары и все имущество И.Марица, сам он находился под стражей. Также были арестованы С.Гарцын, Е.Бель, Р.Менваринг, В.Вейгор, их имущество описано. В отношении Менваринга и Вейгора даже был издан указ о ссылке их на галеры, а их жен «в прядильный дом». Но неизвестно, был ли это указ выполнен¹⁰¹.

В условиях острой нехватки денег правительство приступило к выпуску медной монеты. В связи с недостатком меди в стране заключались подряды на поставку ее на денежное дело с иностранными купцами. В этом случае требовалась медь самой высокой очистки, а нередко и так называемые «медные кружки», т.е. монетные заготовки, на ко-

торых оставалось выбить соответствующие знаки. В этих поставках приняли участие более 10 торговых иноземцев. Среди них особой активностью отличались И.Любе, поставивший около 5 тыс. пудов, К.Гутфель и И.Фарьюк (по 7,5 тыс. пудов)¹⁰². Такого рода операции торговых иноземцев отмечаются до 1712 г. В этом году К.Гутфель и его компаньон Савва Владиславич-Рагузинский — известный в то время дипломат, купец, по происхождению серб — поставили 10 тыс. пуд. меди на денежное дело. Но затем подрядчики отказались от дальнейших поставок, так как цену, предлагаемую казной, считали слишком низкой¹⁰³. Вероятно, повышение цен на медь на европейском рынке привело к прекращению подобных операций. Всего до 1722 г. на изготовление медных денег пошло свыше 100 тыс. пудов меди¹⁰⁴. Иностранцы поставили не менее 40 тыс. пудов (примерно, 39%). Остальное — закуплено на архангельской ярмарке, продано в казну русскими купцами.

Кроме серебра и меди на денежное дело, иностранцы поставляли в казну некоторое количество золотых монет. Эти деньги широкого хождения в России не имели, в переплавку не принимались, а предназначались для выплаты жалования знатым иностранцам, подарков, отправки за границу. Так, в 1712 г. И.Любе взялся поставить червонцы на 16 тыс. руб., а поставил их 10230 штук на 21 тыс. руб. У А.Ачкина было принято в том же году 3 тыс. червонцев, и еще 125 золотых в 1717 г. он продал в Приказ артиллерии. В 1723 г. 10 тыс. червонцев поставил в казну Е.Мейер¹⁰⁵. Причем ему было

разрешено скупать золотые в России, а не вывозить из-за моря. Очевидно, это объясняется тем, что на денежном рынке Англии, Голландии обращались в основном серебряные монеты; золотые — зачастую попадали в Россию из Польши, Венгрии, Чехии. В целом отсутствие в России в то время собственной добычи золота и серебра приводило к серьезной зависимости правительства в его валютных предприятиях от иностранных купцов.

Торговые иноземцы, которые располагали кредитом в Европе, пользовались услугами тамошних банков, могли переводить туда значительные суммы денег посредством векселей. Поэтому они могли оказывать аналогичные услуги и российскому правительству. В начале XVIII в. резко активизируется дипломатическая деятельность России за границей, ширится привлечение на русскую службу различных специалистов, вскоре в Европе появляются русские войска. Это требовало денег, которые переводились торгующими в России иностранцами. Данные операции, как правило, состояли в следующем: в России иностранный купец получал в казне известную сумму денег, эквивалентную той, которую следовало перевести за границу. В свою очередь, иноземец выдавал вексель на свое имя на эту сумму, но в иностранной валюте. Вексель пересылался за рубеж к русским дипломатам, торговым агентам, военачальникам, которые предъявляли его к оплате банкирам Амстердама, Гамбурга, Лондона, других городов, где выдавший вексель купец пользовался кредитом. Эти операции были выгодны иностранцам. Они полу-

чали определенный процент с переводимой суммы («провизию» или «наддачу»). Русские деньги при этом выдавались им по весьма высокому курсу: например, в 1712 г. — по 1 рублю¹⁰⁶. Напомним, что в денежный передел казна стремилась тогда подрядить ефимки дешевле рубля — по 78 коп. Под вексель иностранные купцы получали значительные суммы русских денег, т.е. своеобразный кредит, который они могли использовать в своей торговой деятельности. Это посредничество иностранных купцов было весьма ценно и для российского правительства. Оно освобождало его от необходимости транспортировки за границу крупных сумм денег, что повлекло бы огромные издержки по организации охраны и все равно бы не гарантировало от всякого рода «случайностей». Наконец, казна не расходовала в этом случае для различных выплат за рубежом иностранную золотую и серебряную валюту.

В первые годы XVIII в. крупные суммы переводились на расходы дипломатов и привлечение специалистов. При посредничестве М.Поппе было переведено в Вену 12 тыс. ефимков, их надлежало выдать в качестве «подъемных» для приглашенного на русскую службу фельдмаршала Г.В.Огильви. 2 тыс. ефимков для найма офицеров перевел в Вену А.Свелленгребел, с той же целью 1 тыс. ефимков перевел в Германию К.Гутфель. Посланник в Голландию А.А.Матвеев нанимал офицеров флота, матросов, корабельных плотников, для чего ему было переведено через Е.Клюка 20 тыс. ефимков, И.Любеа — 12600 ефимков. Посол в Польше

Г.Ф.Долгорукий в 1703 г. получил в Гданьске 8 тыс. червонцев по векселю на имя К.Гутфеля и 45 тыс. польских гульденов — по векселю от М.Поппе¹⁰⁷. Деньги предназначались для поддержки сторонников России в Польше.

С помощью иностранных купцов можно было перевести деньги даже в Стокгольм — столицу воюющего с Россией государства. Здесь находилась в плену группа русских генералов и офицеров. Деньги на «прокормление» пленникам переводились через Д.Артмана, А.Стейлса, Ф.Гиза, М.Поппе, Е.Кизла, Т.Книппера, К.Гутфеля, московского иноземца А.Крефта. Всего в 1701-1711 г. они перевели в Стокгольм 49 тыс. руб.¹⁰⁸

Еще в больших размерах подобные услуги иностранных купцов потребовались в 1712-1713 гг., когда в Померании действовал русский экспедиционный корпус. В 1711 г. на его содержание следовало перевести 200 тыс. ефимков. Никто из торговых иноземцев в России не мог взять на себя перевод столь крупной суммы, ведь она превышала товарооборот любого из них. Лишь И.Любеа взялся перевести 80 тыс. ефимков. Остальные деньги были отправлены под охраной 20 солдат. В 1712 г. на померанский корпус потребовалось еще 70 тыс. ефимков. На этот раз на призыв правительства откликнулись несколько иноземцев: Я.Спеллман взялся перевести 1500 золотых, П.Вестов — 3800 золотых через Гамбург. И.Любеа и Е.Клюк перевели 40 тыс. ефимков через своих амстердамских корреспондентов. От Ф.Гиза поступили ефимки через берлинского банкира Лежена, за что в России бы-

ло выдано 24 тыс. руб. В 1713 г. 40 тыс. ефимков по 7 векселям через лондонские банки перевели для померанского корпуса К.Гутфельд и Р.Менваринг¹⁰⁹.

В дальнейшем переводы денег иностранными купцами по просьбам российского правительства существенно сокращаются, что связано с завершением военных действий в Померании, активизацией деятельности русских торговых агентов за рубежом. В целом, при переводе денег иностранные купцы зарекомендовали себя надежными партнерами казны. Известен всего один случай опротестования векселей зарубежными банкирами. Е.Кизла в 1710 г. взялся перевести 50400 ефимков, что намного превышало его собственный товарооборот. Векселя из Амстердама возвратились с протестом. В течение двух лет гамбургские и берлинские кредиторы Е.Кизла смогли выплатить лишь 18635 ефимков. За остальные деньги у Е.Кизла были отписаны и проданы из казны его двор, имущество и товары¹¹⁰.

Наряду с поставками по заказам правительства, участием в его финансовых мероприятиях, многие западноевропейские купцы вели обширные операции по скупке в казне российских экспортных товаров. Только таким образом они могли приобрести некоторые ценные продукты, право на вывоз которых принадлежало исключительно государству. До 1719 г. находились в казенной монополии смола, икра, рыбий клей, ревеня, а поташ и смольчуг — на протяжении всего изучаемого периода. Эти товары пользовались значительным спросом в Западной Европе, использовались там в различных отраслях производства. Смола и смоль-

чуг (самая густая смола) применялись в кораблестроении. Поташ (в основе своей углекислый калий), добываемый в России из древесной золы, применялся в химическом (изготовление мыла, красок), стекольном и зеркальном производстве. Ревень (экспортировался в основном корень сибирского ревеня) использовался в медицине и ветеринарии. Кроме того, иноземцы покупали в казне какое-то количество пеньки, юфти, хлеба. Наконец, некоторые «заповедные» товары казна предоставляла скупать самим иноземцам на внутреннем рынке при уплате ими откупной суммы. Здесь они имели дело уже не столько с казной, сколько с русскими торговыми ладьями и товаропроизводителями, и речь об этом уже шла в соответствующей главе.

Товары из казны продавались как по специальным контрактам, заключаемым с одним или несколькими иноземцами на ряд лет, так и — непосредственно на архангельской ярмарке. В 1710 г. иностранные купцы приобрели у казенных агентов в Архангельске русского сырья на 36 тыс. руб., им же было в том году отпущено по контрактам товаров на 86 тыс. руб.¹¹¹ Эти операции приносили государству значительные доходы, являлись важным источником поступления иностранной валюты. Практически все экспортные товары казна подряжала у русских поставщиков и продавала иноземцам в несколько раз дороже. В 1701-1709 гг. берковец поташа ставился в казну по 3-4 руб., а продавался за море по 20 ефимков (примерно 16-18 руб.)¹¹². Иностранные купцы расплачивались не

только валютой, нередко они поставляли в обмен сукна, медь, свинец и пр.

Операции казны по сбыту за море экспортных товаров достаточно хорошо изучены историками. Этому посвящена обстоятельная статья Р.И.Козинцевой¹¹³. Здесь мы остановимся лишь на некоторых проблемах, связанных с участием в этих торгах иностранных купцов. В первом десятилетии XVIII в. основными покупателями казенных товаров были те иноземцы, которые наиболее активно продавали в казну оружие, военное снаряжение. В 1698-1702 гг. среди них выделялись голландцы Д.Артман, Е.Клюк, А.Гутман, И.Кинсиус. Они же скупили основную массу поташа (Артман и Клюк), смольчуга (Гутман и Кинсиус)¹¹⁴. В 1704-1711 гг. львиная доля в закупках этих товаров приходится на И.Любса и А.Стейлса. Так, в 1704-1708 гг. И.Любсу было продано из казны более 10 тыс. бочек смольчуга. А.Стейлс специализировался на вывозе смолы, которую он отпускал за море на правах монополии в 1702-1707 гг., а также поташа — этого товара он получил более 100 тыс. пудов¹¹⁵.

Казенные товары продавались нередко с торгов. Кто из иностранных купцов давал наивысшую цену, с тем и заключался контракт. Иноземцы стремились по возможности приобрести в казне весь наличный запас того или иного товара. Иногда они прямо настаивали на монополии. А.Стейлс получил право на монопольную торговлю смолой, когда в 1700 г. дал «наддачу» 100 руб. сверх откупной суммы¹¹⁶. В 1712 г. И.Любс закупил 20 тыс. бочек смолы при условии, «чтоб остальную смолу

никому не продавать, за море не отпускать и к Архангельскому городу не привозить». В 1716 г. на таких же условиях получил смолу англичанин О.Вилкинс. При этом он жаловался, что его вывозит из России и С.Гарцын, но тот получил это право за услуги по приобретению кораблей для Адмиралтейства. Значительное количество смолы поступало на европейский рынок из Риги. По просьбам О.Вилкинса правительство пыталось запретить ее вывоз отсюда. Однако торгующие в Риге англичане заявили, что тогда они перенесут смоляной торг в Кенигсберг, это могло лишить казну значительной части пошлинных доходов, поступающих с рижского порта¹¹⁷. Иностранцы столь ревностно заботились о монополии потому, что лишь в этом случае они могли рассчитывать на сбыт русской смолы в Европе по высоким ценам.

С середины второго десятилетия XVIII в. возникли трудности в сбыте данных товаров за границей. Оживление европейской коммерции в связи с окончанием войны за испанское наследство, восстановление торговли почти по всей Прибалтике привело к увеличению поступления поташа и смольчуга из Польши, Швеции. С 1710 по 1725 гг. привоз поташа из этих стран в Англию увеличился в 6 раз, а из России — сократился вдвое. С 1704 по 1718 гг. в 6 раз увеличилось поступление смолы в Англию из Северо-американских колоний и составило 80% ее импорта, в то время как ранее большинство смолы на европейский рынок поступало из России¹¹⁸. В результате цены на казенные товары падали. В 1709 г. А.Стейлс платил за берковец

поташа 20 ефимков, в 1712 г. К.Гутфель — уже 15 ефимков. На торгах 1717 г. иноземцы «учинили между собой створ» — никто не давал больше 13,5 ефимков, и поташ остался непроданным. В 1720 г. казенные агенты безуспешно пытались продать его в Лондоне: большое количество поташа поступило из Польши, он был значительно дешевле русского, хотя уступал ему по качеству. Русский поташ удалось продать через год всего по 14 ефимков за берковец — деньги пошли на уплату 2 млн. талеров Швеции по условиям Ништадского мира¹¹⁹. Столь же трудно шла продажа смольчуга, причем в отличие от поташа русский смольчуг был невысокого качества.

В этих условиях особое значение приобретает вывоз нового для русского экспорта товара — железа. С самого начала эта торговля главным образом идет через казну. Еще в 1717 г. Я.Спеллман обращался сюда с просьбой продать ему железо, но сделка не состоялась. В 1719 г. 10 тыс. пудов железа было продано итальянцу Д.Маринотти¹²⁰. В 1722 г. был заключен контракт с англичанином Г.Эвансом, который закупил уже 40 тыс. пудов по 56 коп. пуд. Поставки металла с далеких уральских заводов продолжались два года, деньги от Г.Эванса поступили только в 1724 г. В 1723 г. 3 тыс. пудов железа было продано Д.Маринотти и Д.Бюстелли, столько же — англичанину Я.Смалду по 60 коп. пуд¹²¹. Как видим, цена на железо росла, что свидетельствует о повышении спроса на железо на европейском рынке. Это обусловило неплохие прибыли казне от сбыта его за морем в последующие десятилетия.

Для самих иностранных купцов продажа в Европе приобретенных в казне «заповедных» товаров была прибыльной, хотя и связанной с определенным риском. Известно несколько случаев, когда из-за нестабильности связей с зарубежным рынком, трудностей мореплавания некоторые торговые иноземцы потерпели банкротство. Гамбуржец И.Фарьос в 1705-1706 гг. получил в казне 15344 пуда икры, за что должен был уплатить 69 пудов 31 фунт ефимков. Но смог доставить лишь 24 пуда. Остальных денег с заморских партнеров получить ему не удалось. Векоре И.Фарьос умер, казна взяла недоимку с его сыновей: Артемия и Ивана. В 1712 г. были конфискованы их товары, недостающую сумму взыскали с поручителей: П.Вестова, А.Свелленгребела, Р.Мейера, С.Мюкса. Братья Фарьосы так и не смогли возобновить самостоятельную торговлю и оказались в приказчиках у П.Вестова¹²². В 1711 г. С.Гарцын заключил контракт с казанским губернатором П.М.Апраксиним на сумму более 100 тыс. руб.: в обмен на казенную икру, юфть, сало, воск, мед он обязался поставлять сукно. В 1712 г. его корабли были захвачены шведами, в результате возникла недоимка в 16 тыс. руб. В 1713 г. С.Гарцыну было выдано из казны в долг 25 тыс. руб. для восстановления торговой деятельности. Это, пожалуй, единственный известный случай прямой помощи казны иноземцу, дела которого пришли в расстройство. Но в 1714 г. С.Гарцын не успел вовремя отправить корабли с товарами, его европейские партнеры отказали ему в кредите, а русские должники недоплатили более

7 тыс. руб. Казенная недоимка превысила 40 тыс. руб. На этом его торговля в России практически прекратилась, товары были опечатаны, а сам незадачливый коммерсант в течение 7 лет давал объяснения в различных инстанциях по поводу своих долгов. Все же С.Гарцыну удалось почти полностью погасить недоимку: к 1721 г. на нем оставалось около 1 тыс. рублей¹²³.

Несмотря на подобные издержки торгующие в России иностранцы были основными партнерами казны по сбыту экспортных товаров, хотя с 1706 г. часть их направлялась для сбыта непосредственно российским торговым агентам в Амстердам, а позднее — в Гамбург, Венецию, Бордо, Каде, другие порты. По нашим подсчетам, в течение первой четверти XVIII в. западноевропейские купцы, находившиеся в России, скупили в казне до 80% икры, смолы, более 60% смольчуга, поташа. Рыбий клей, ремень, некоторые другие редкие товары отправлялись за море небольшими партиями, как правило, без посредничества торговых иноземцев.

Таким образом, в течение всего царствования Петра I контакты иностранных купцов с казной были регулярны и многообразны. Особенно интенсивными они были в первые 10-12 лет XVIII в., когда основное их содержание составляли поставки оружия и военного снаряжения в обмен на русские деньги и товары. В дальнейшем, в 1712-1719 гг., на первый план выходят операции по переводу валюты за рубеж, доставка денежного металла в Россию, сохраняются поставки некоторых военных материалов. В начале 20-х гг. эти связи ограничи-

ваются продажей казне сукна, некоторых предметов роскоши по заказам двора. Существенно сокращается сбыт иностранцам казенных товаров (за исключением железа, а с середины десятилетия — смолы). Подобная эволюция операций иностранных купцов с государственной казной определялась, во-первых, развитием отечественной промышленности (главным образом — военной), во-вторых, активизацией деятельности российских торговых агентов за рубежом, в-третьих, изменениями в конъюнктуре европейского рынка.

В торговых и финансовых операциях казны приняло участие более 80 иностранных купцов. Однако систематические контакты на протяжении многих лет имели не более 20 торговых иноземцев. Следовательно, такие операции характерны для весьма узкой группы иностранцев, которые пользовались особым доверием правительства, и, как правило, выделялись значительными торговыми оборотами на русском рынке. На рубеже XVII-XVIII вв. это были давно торгующие в России голландские купцы Д.Артман, Е.Клюк, Л.Гарлант, Гутманы. В дальнейшем ведущая роль переходит к И.Любсу, его компаньонам Х.Бранту и А.Диксу, а также к А.Стейлсу и М.Поппе. После 1712 г. основными партнерами казны надолго становятся английские купцы. Сначала это были С.Гарцын, К.Гутфельд, затем — Я.Спеллман, А.Ачкин, О.Вилкинс, Ф.Коллинс, и в 20-е гг. — Г.Эванс, В.Вейд, В.Элмсалл, Я.Смалл. К середине 20-х гг. активизируются подобные операции голландских купцов, в первую очередь И.Любса-младшего, Е.Мейера.

Эти операции носили взаимовыгодный характер. Исключительно важными были массовые поставки оружия и военного снаряжения в наиболее напряженный период войны со Швецией, весьма кстати оказались услуги иноземцев по вывозу дефицитного металла и переводу денег за рубеж в условиях громадных расходов, вызванных петровскими преобразованиями; целям этих преобразований соответствовала и доставка иностранными купцами из Европы различных вещей по заказам правительства и двора. Иноземцы являлись в целом надежными партнерами казны, находили здесь выгодный сбыт своим товарам, получали немалые суммы денег под контракты, приобретали связи и доверие при русском дворе, что могли использовать при получении некоторых льгот в торговле на русском рынке в целом.

Заключение

В конце XVII и первой четверти XVIII вв. в России действовали несколько сот купцов примерно из десяти стран Западной Европы. По мере развития и углубления петровских преобразований их представительство на русском рынке неуклонно расширялось.

Их деятельность была активна и разнообразна. Но в основе своей она сводилась к обеспечению торговых контактов России со странами Западной Европы, а через них — и с иными регионами мирового рынка. Западноевропейские купцы доминировали в этом секторе российской экономики, практически вся заморская торговля в Петербурге и в Архангельске находилась в их руках. Таким образом, существенное расширение внешнеторговых связей России с европейскими государствами при Петре I в условиях сохранения гегемонии иноземцев в этой сфере не могло не способствовать усилению воздействия иностранного торгового капитала на развитие российской экономики.

Активная деятельность западноевропейских купцов в Архангельске и Петербурге аккумулировала там массы товаров со всей России, откуда же по

всей стране расходились многочисленные изделия европейского производства. Так складывались устойчивые торговые связи; Архангельск, а позднее Петербург становились узлами развивавшегося российского рынка. При непосредственном участии иностранных купцов на русский рынок поступали значительные денежные средства, которые стимулировали развитие многих отраслей российской экономики. Но это были как раз те отрасли, развитие которых определялось потребностями европейского производства и рынка. Речь идет в первую очередь о производстве и экспорте пеньки, льна, юфти, сбыта европейских мануфактурных изделий и колониальных товаров. Тем не менее совершенно очевидно, что львиная доля прибыли от операций в этой сфере доставалась не российским их участникам. Русские товары продавались в Европе значительно дороже, чем покупались в России — а поскольку иноземцы доминировали во внешней торговле страны, то и возникающая в результате разницы этих цен прибыль доставалась западноевропейским торгово-промышленным корпорациям и их агентам и комиссионерам в России. Кроме того, иноземцы оказывали кредит своим российским партнерам и при сбыте, и особенно — при закупке товаров, но проценты при этом были очень высокими, что еще более увеличивало прибыль иностранных коммерсантов.

На что могли рассчитывать в этой ситуации русские купцы? Для наиболее крупных из них было важно сохранить, расширить и упрочить свою гегемонию на внутреннем русском рынке, чтобы

сосредоточить в своих руках прибыль, возникающую в результате разницы цен в местах производства экспортных товаров и сбыта иностранных изделий — и в порубежных портах. В этом случае они являлись посредниками между действующими в России западноевропейскими коммерсантами и обширным внутренним рынком страны. И в первой четверти XVIII в. их положение в этом качестве, несомненно, упрочилось. Если в первые годы XVIII в. проникновение иноземцев на внутренний рынок по разным причинам активизировалось — то в дальнейшем их операции здесь практически сходят на нет. Этому способствовали и высокие проезжие пошлины для иноземцев в соответствии с Новоторговым уставом, и отмена правительством различных монополий и льгот по эксплуатации внутреннего рынка, другие меры.

Однако в своей торговой деятельности в России иноземцы вовсе не ограничивались контактами с крупными русскими купцами. Особенно гибкими и многообразными были их контакты по закупке российских товаров. Среди их торговых партнеров были и средние и мелкие торговцы внутренних городов и уездов, прибывавшие в Москву или Петербург для заключения сделок, и крестьяне Подвьяны и Поморья. Так иноземцы оказывали достаточно сильное, пусть и косвенное, влияние на развитие внутреннего рынка. Решающая роль в этом принадлежала их кредитной деятельности, которая позволяла им преодолевать протекционистские запреты и таможенные барьеры, оказывать регулирующее воздействие на торговлю массы мелких

скупщиков в различных регионах, вовлекать их в зависимость, диктовать свои условия, опираясь на свои исключительно сильные позиции на кредитном рынке, благодаря обширным связям с торгово-капиталистическим миром Запада.

Подобная роль во внешней и внутренней торговле России, развитые контакты с зарубежным рынком в той или иной мере свойственны всем западноевропейским купцам. Однако они не составляли однородной массы. Существенно различались масштабы их торговых операций, в разной степени они были вовлечены в собственно русскую торговлю, подвержены процессам ассимиляции. Некоторые из них сосредотачивались на крупной торговле в портах (Т.Эль, А.Ачкин, А.Бодиск, И.Герменгузен, И.Амон и др.), другие тягивались во внутреннюю торговлю, переходили на положение «московских торговых иноземцев», кое-кто сосредотачивался на ростовщических операциях (Я.Востов, А.Мингер и др.). Можно выделить и небольшую группу крупных иностранных купцов, имевших связи при дворе, активно сотрудничавших с казной, а посему пользовавшихся различными льготами, привилегиями, монополиями (И.Любе, Х.Брант, А.Стейлс, Д.Артман, А.Гутман, С.Гаршын, М.Поппе, Ф.Гиз, Е.Клюк, Ф.Коллинс и др.).

На рубеже XVII и XVIII вв. вновь обострилась конкуренция на русском рынке между голландскими и английскими купцами в связи с активизацией последних. Уже в 1710 г. англичане превосходили голландцев по объему товарооборота. Среди них наиболее значительна доля крупных купцов. Их

торговля в России наиболее тесно была связана с потребностями английской экономики. Они продавали здесь главным образом товары, произведенные в Англии, но гораздо большее значение в их деятельности имела скупка пеньки, льна, смолы, других материалов для оснащения флота. С перемещением европейской торговли России в Петербург превосходство англичан еще более упрочилось.

Голландские купцы к концу первой четверти XVIII в. вновь вышли на ведущие позиции в Архангельске. В течение всего правления Петра I они весьма активно действовали на внутреннем рынке, где имели давние связи. Их торговля была исключительно разнообразной. Они сбывали в России как изделия своей промышленности, так и товары из других европейских стран и из заморских колоний. Равное внимание они уделяли и скупке различных товаров русского экспорта, которые поступали как в Голландию, так и в другие страны. Таким образом, сила голландской торговли определялась не столько связями с отечественной промышленностью, сколько обширными контактами на всем пространстве мирового рынка.

Деятельность коммерсантов Германии на русском рынке во многом аналогична торговле голландцев. Но крупных купцов среди них было немного, в основном, это представители Гамбурга, специализировавшиеся на торговом посредничестве между Россией и различными германскими землями, а также другими европейскими странами. Значительную часть немецкого купечества составляли торговцы, обладавшие сравнительно

небольшими капиталами, товарооборот которых был невелик.

Значительная роль в деятельности западноевропейских купцов принадлежала их контактам с государственной казной. Правда, в основном эти операции были сосредоточены в руках небольшой группы иноземцев, пользовавшихся доверием правительства и самого царя. Нет сомнения, что деятельность иностранных купцов способствовала решению многих задач, стоявших перед правительством Петра I. Особенно важны были поставки ими оружия и военного снаряжения, материалов для оснащения армии и флота, других товаров по заказам правительства. Наибольшего размаха эти поставки достигают в первом десятилетии XVIII в., т.е. в самый напряженный период войны со Шведией, когда производство необходимого вооружения на отечественных заводах еще не было налажено. В те же годы иноземцами было поставлено наибольшее количество серебряной монеты на денежные дворы, что было необходимо для решения острейших финансовых проблем. Этим во многом объясняются и колебания правительства по отношению к торговле иностранцев, уступки некоторым из них, что характерно именно для начальной стадии петровских преобразований. Так, в 1698-1710 гг. отдельным западноевропейским купцам удалось наиболее глубоко проникнуть на внутренний рынок, получить наибольшие льготы в торговле в России, заподличить важные торговые откупа и монополии. В дальнейшем правительство более последовательно проводило курс по поддержке

отечественной промышленности и торговли, хотя и в 1710-1720-е гг. оно в ряде случаев шло навстречу пожеланиям иностранцев с целью активизации внешней торговли Петербурга, расширения ввоза некоторых товаров. Правительство все еще испытывало недостаток в сукне для обмундирования армии, серебряной валюте, оно, как и прежде, стремилось к развитию внешней торговли страны, укреплению ее активного баланса — все это позволяло иностранным купцам, отстаивавшим их интересы дипломатам оказывать определенное влияние на политику российских властей.

Роль торговых иноземцев в переменах, происходивших в России в начале XVIII в., не исчерпывается их поставками необходимых материалов на казенные и военные нужды. Значение их деятельности гораздо шире. Она была одним из основных каналов проникновения в Россию достижений и образа жизни стран Западной Европы. Иностранные купцы привозили и продавали многое из того, что использовалось для «европеизации» быта российской знати: ткани, мебель, одежду, обувь, посуду, украшения, книги, произведения искусства, музыкальные инструменты, различное оборудование и механизмы. В результате их деятельности осуществлялось воздействие культуры западноевропейских стран в самом широком смысле, включая и сферу экономики, коммерции. Торговля иноземцев в России способствовала распространению здесь уже известных на Западе форм и методов коммерческой активности: вексельного обращения, двойной бухгалтерии, деловой переписки;

не за горами было и создание банков для купечества, подобия акционерных обществ.

Другое дело, что усиление позиций русского купечества зависело не только и не столько от восприятия этих форм, сколько от успешного развития этих институтов на собственно русской почве, создания условий для более быстрого и свободного развития предпринимательства в сфере производства и обращения, накопления капиталов, выхода русских купцов на европейский рынок. Многое здесь зависело и от поддержки правительством отечественного предпринимательства, создания соответствующих кредитных учреждений, гибкой тарифной и налоговой политики. Только в этом случае представители отечественного торгового капитала могли посягнуть на гегемонию иноземцев в торговых связях России и Западной Европы, успешно конкурировать с ними не только на внутреннем, но и на зарубежных рынках.

Петр I

Афанасий Дми-
триевич Ор-
дин-Нащокин

Александр Данило-
вич Меншиков

Федор Алексе-
вич Головин

Петр Павлович
Шафиров

Вильгельм III Оранский, король Англии, штатгальтер Нидерландов

Маркиз Кармартен, английский адмирал, учредитель компании по продаже табака в России ("Russian Tobacco Company")

Андрей Артамонович Матвеев, российский посол в Англии и Голландии

Джон Хиткот,
английский купец и
банкир

Деловая встреча английских купцов в одном из
лондонских кафе

ГЕРБЫ АНГЛИЙСКИХ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ

Русская компания
("Russia Company")

Ост-Индская компа-
ния ("East-India
Company")

Компания Гудзонова
залива ("Hudson's Bay
Company")

ГЕРБЫ ЛОНДОНСКИХ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕХОВ, ИЗДЕЛИЯ КОТОРЫХ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ БОЛЬШИМ СПРОСОМ В РОССИИ

Герб оружейников

Герб часовщиков

Герб суконщиков

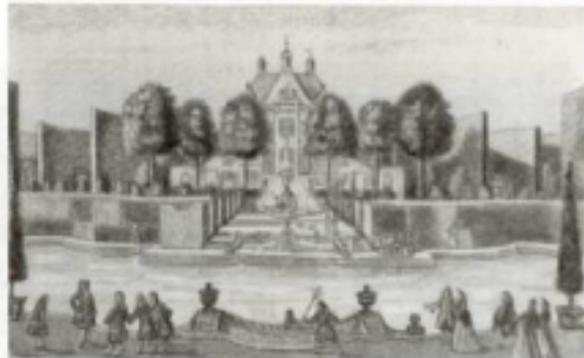
Лондон. Английский банк

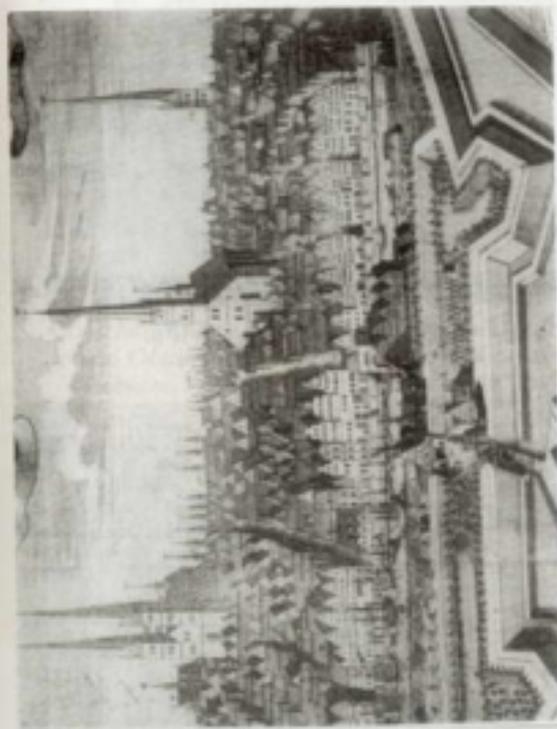
Лондон. Старая таможня (The Old Custom House)

Христофор Брант,
голландский купец,
торговый агент и ре-
зидент Петра I в Ни-
дерландах

"Петербург", загородный дом Хр.Бранта на
р.Вехте близ Амстердама

Любек. Вид города со стороны реки Траве

Гамбург. План города. XVII в.

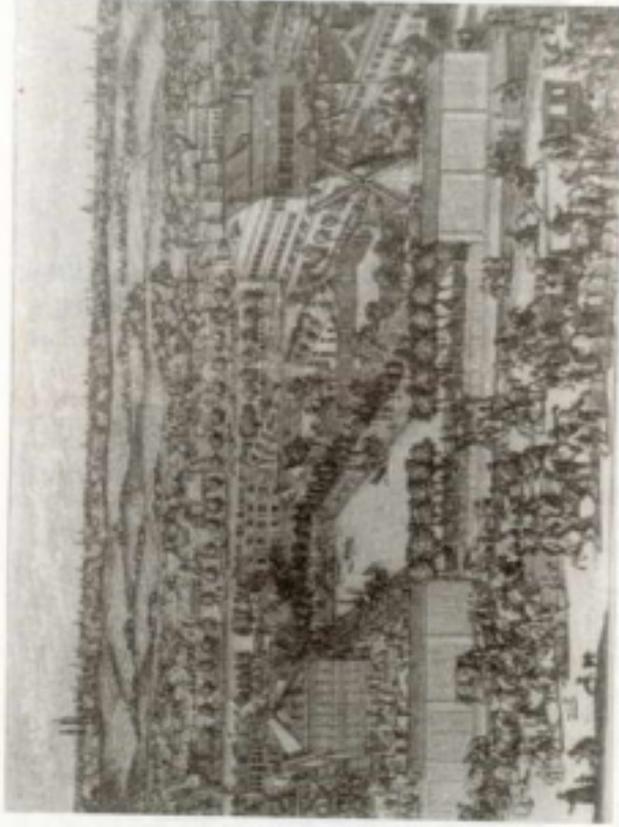
Военные корабли "Герб Гамбурга" (слева) и "Леопольд I", сопровождавшие торговые суда. Гамбург, конец XVII в.

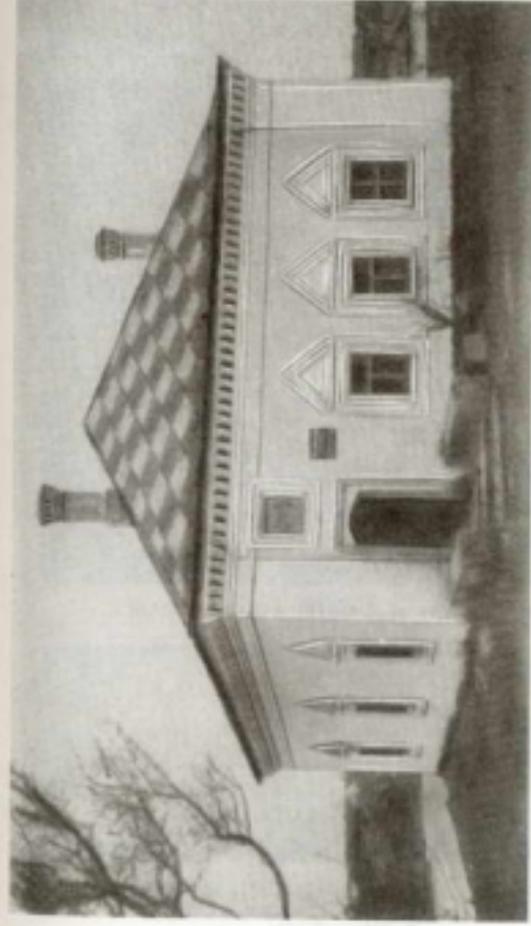
Обложка Книги протоколов и счетов гамбургского Общества купцов, торгующих с Архангельском. Гамбург, Государственный архив.

Фамильный герб гамбургских купцов Розенов.

Немецкая слобода в Москве. Начало XVIII в.

"Петровский домик" в Вологде (дом голландского купца А. Гутмана)

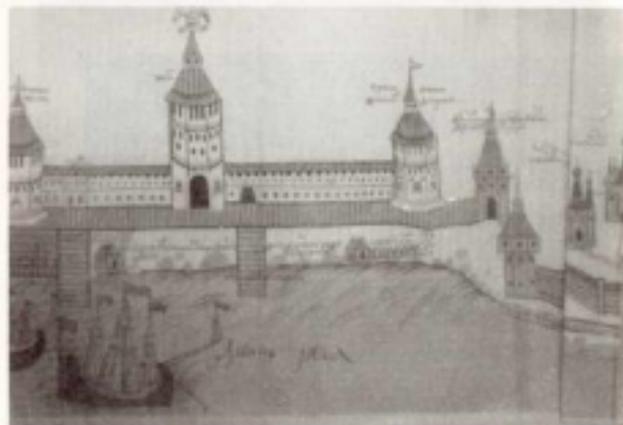
Устье Северной Двины и Архангельск

Иностранные торговые корабли на подходе к Архангельску

Петр I в Архангельском порту в окружении иностранных и русских купцов

Гостинный двор в Архангельске. Слева от центральной башни - немецкий гостинный двор с таможней, справа - русский гостинный двор. Рисунок конца XVII в.

Голландские корабли в Архангельском порту. На берегу - здание гостинного двора. Начало XVIII в.

Угловая северо-западная башня Гостинного двора в Архангельске. Современный вид

Гостинный двор в Архангельске. Реконструкция

План Петербурга. 1716 г.

Троицкая площадь в Петербурге в начале XVIII в.
На заднем плане - Гостиный двор

Набережная Невы в Петербурге при Петре I

Вид Гостиного двора и биржи на Васильевском острове в Петербурге. Середина XVIII в.

План Нарвы и Ивангорода. Начало XVIII в.

План Риги. Начало XVIII в.

Общий вид Нарвы (слева) и Ивангорода. XVII в.

Вид Риги со стороны реки Даугавы. Начало XVIII в.

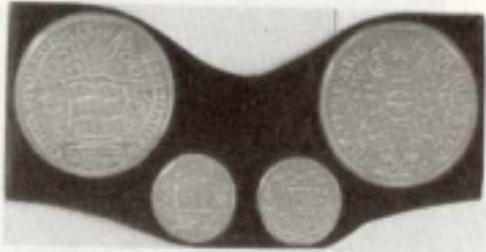
Титульный лист амстердамского издания книги
Е.Избранта о его посольстве в Китай. 1710 г.

Наградной знак с портретом
Петра I

Русский серебряный рубль. 1710 г.

Талеры, шиллинги. Гамбург, XVIII в.

Дукаты, талеры. Бремен, Любек,
конец XVII - начало XVIII в.

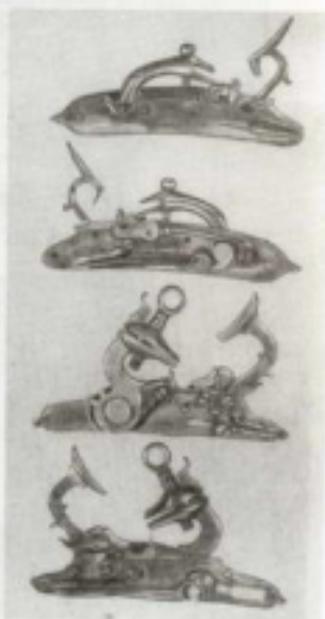

Русский солдат петровской эпохи.

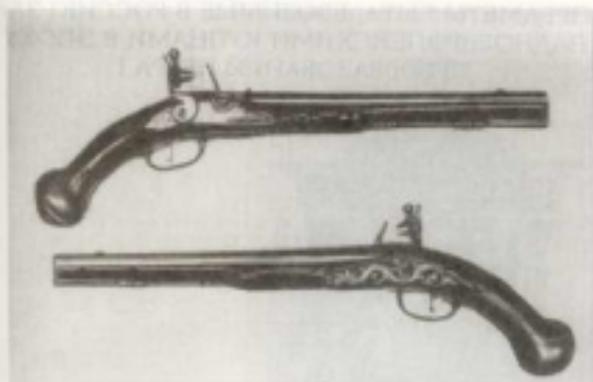
ТИПЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОРУЖИЯ.
XVIII В.

Ружье. Амстердам

Ружейные замки
шведского (два верх-
них) и голландского
(два нижних) типов

Пистолеты. Амстер-
дам.

Шпага. Германия?

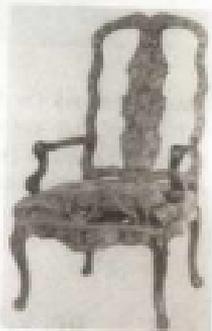
ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ВВОЗИМЫЕ В РОССИЮ ЗА-
ПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ КУПЦАМИ В ЭПОХУ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I

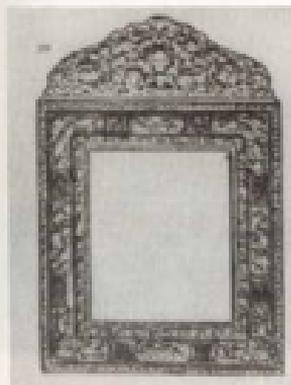
Шкаф. Гам-
бург, конец
XVII в.

Люстра. Герма-
ния

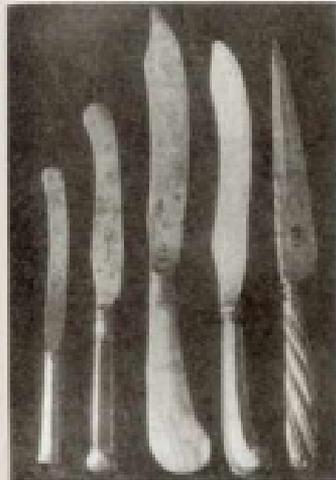
Кресло. Голландия,
первая половина
XVIII в.

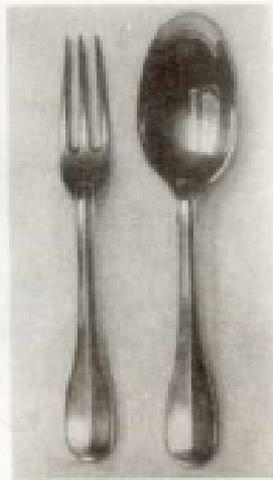
Зеркало с рамой
орехового дерева.
Англия, конец
XVII в.

Ступки

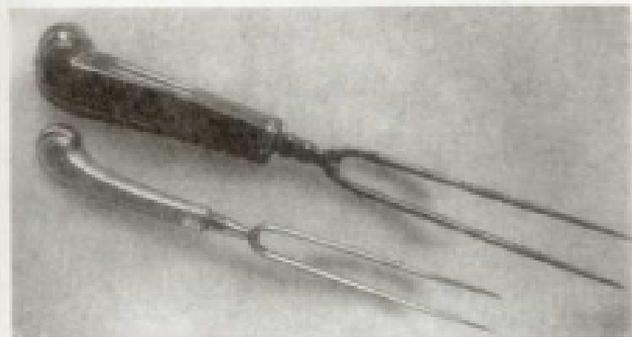
Ножи

Ложка и вила

Тарелки

Двузубые вила

Кофейники

Сахарница

Чайники

Чайник

Часы. Ан-
глия, начало
XVIII в.

Часы. Голлан-
дия, начало
XVIII в.

Примечания

Введение

1. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... СПб., 1781-1787. Т. 1-7.
2. Крестинин В.В. Исторические примечания о коммерческом кредите внешней торговли, по делам прошедшего века российских купцов вообще, и по действиям нынешнего столетия архангелогородских купцов особливо // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 76; Его же. Исторический опыт, о внешней торговле Государя Императора Петра Великого, от 1693 по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб, 1795.
3. Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
4. Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865; Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912; Цветаев Д.В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890; и др.
5. Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях. СПб., 1889; Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923;

Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX-XVIII веков. М., 1905; Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.

6. Любименко И.Н. Московский рынок как arena борьбы голландцев с Англией // Русское прошлое. М.-Пг., 1923. Вып. 5; Её же. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 11-12 и др.

7. Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914.

8. Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии единого всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964; Её же. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91 и др.; Некрасов Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721-1756 гг. М., 1984; Пийримаэ Х.А. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8 и др.; Рухманова Э.Д. Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980 и др.; Ретини Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989 и др.; Троицкий С.М. Архангельский хлебный рынок в первой четверти XVIII в. // Труды Московского историко-архивного института. 1957. Т. 9; Его же. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966 и др.; Шакольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994 и др.

9. Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1-2.

10. Price J. The tobacco adventure to Russia. Philadelphia, 1961.

11. Amburger E. Deutsche und holländische Familien in Russland in ihren Wechselbeziehungen // Sippenkunden des Deutschtums im Ausland. Stuttgart, 1938. Jahrbuch 3; Idem. Die van Brienen und ihre Sippe in Archangel. Berlin, 1936. Idem. Die Familie Marselis. Giessen, 1957 et al.

12. Attman A. The Russian market in world trade 1500-1860 // The Scandinavian economic history review, 1981. Vol. 39. № 3; Kellenbenz H. The economic significance of the Archangel route // The journal of European economic history. 1973. Vol. 2. № 3; Åström S.-E. From cloth to iron. Helsingfors, 1963; Idem. From Stockholm to St. Petersburg. Helsinki, 1962.

13. Kahan A. Observations on Petrine foreign trade // Canadian-American slavic studies. 1974. Vol. 8. № 2 et al.

14. Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelve wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1817-1819. D. 1-4.

15. Gerhard D. England und der Aufstieg Russlands. München-Berlin, 1933; Reading D. The Anglo-Russian commercial treaty of 1734. New Haven, 1938.

16. Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Russland im 17/18 Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1961. Bd. 41; 1962. Bd. 42; Idem. Lübeck und Hamburg im internationalen Handel mit russischem Juchtenleder in der Frühen Neuzeit (1650-1710) // Ibid. 1987. Bd. 67.

17. Knoppers J. Dutch trade with Russia from the time of Peter I to Alexander I: A quantitative study in eighteenth century shipping. Montreal, 1976. Vol. 1-3.

18. Buck P. de. De russische uitvoer uit Archangel naar Amsterdam in het begin van de achttiende eeuw (1703 en 1709) // Economisch- en Sociaal-Historisch Jaarboek. Amsterdam, 1988. Vol. 51.

19. Veluwenkamp J.W. Familiennetwerken binnen de Nederlandse Koopliedgemeenschap van Archangel in de eerste helft van de achttiende eeuw // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 1993. Vol. 108. № 4; Idem. The Dutch merchant community at Archangel and the Dutch trade system in the seventeenth and eighteenth centuries // Circumpolar journal. 1995. № 3-4; Idem. The Dutch merchant community at Archangel and the Dutch trade system in the seventeenth and eighteenth centuries // Circumpolar journal. 1995. № 3-4; Idem. Dutch merchants in St. Petersburg in the eighteenth century // Tijdschrift voor Skandinavistiek. 1995. Jaargang 16. № 2.

20. Kirchner W. Commercial relations between Russia and Europe 1400 to 1800. Bloomington, 1966. P. 244.

21. Архангелогородской таможи — т.е. Архангельской таможи. В XVII-XVIII вв. Архангельск официально назывался Город Архангельский. Иногда в источниках он именуется просто «Город», что еще раз свидетельствует об исключительном значении северной гавани в жизни всей страны.

Глава 1

1. РГАДА, ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 1, д. 69.

2. Крестинин В.В. Исторический опыт о внешней торговле Государя Императора Петра Великого от 1693 по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. С. 21-22; Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М., 1899. С. 312; Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeeringe betrekkingen. Amsterdam, 1819. D. 4. S. 217-218.

3. ПСЗ. Т. 4. № 1910.

4. Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья 1. СПб., 1865. С. 19-26.

5. Любименко И.Н. Московский рынок как arena борьбы Голландии с Англией // Русское прошлое. Вып. 5. М.-Пг., 1923. С. 3-23; Beut J. Dutch activities in the North and the Arctic during the sixteenth and seventeenth centuries // Arctic. 1984. Vol. 38 et al.

6. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. № 138.

7. Scott W.-R. The constitution and finance of English, Scottish and Irish joint-stock companies to 1720. Cambridge, 1912. Vol. 2. P. 68.

8. Åström S.E. From Stockholm to St. Petersburg. Helsinki, 1962. P. 17-19.

9. Price J. The tobacco adventure to Russia. Philadelphia, 1961. P. 38-46.

10. Ibid. P. 46.

11. Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи // Известия Академии Наук СССР. М., 1926. Т. 20. С. 527-532.

12. Amburger E. Deutschbaltische Unternehmer in Russlands Handel und Industrie // Zeitschrift für Ostforschung Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa. 1991. 40 Jahrgang. S. 525.

13. РГАДА, ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 1. 1706 г., л. 101; ф. 276, оп. 1, д. 74.

14. Amburger E. Deutsche und holländische Familien in Russland in ihren Wechselbeziehungen // Sippenkanten des Deutschtums im Ausland. Stuttgart. 1938. Jahrbuch 3. S. 101-102. Idem. Fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Tradition. 1957. № 4. S. 339.

15. Lehe E. von. Die Märkte Hamburgs von den Anfängen bis in die Neuzeit (1911). Wiesbaden. 1966. S. 53-55.

16. Перцев В.И. Очерк по истории Германии XVIII в. Минск, 1959. С. 23.

17. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 76; д. 2503, л. 1; д. 2813; ф. 340 (Канцелярия конфискации), оп. 1, д. 401, л. 14-15 и др.

18. Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 27, 36.
19. РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 3, д. 71, л. 1112-1150; ф. 340, оп. 1, л. 14559, л. 390-495; Hansen H.-J. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 251-260.
20. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 71, л. 1112-1150.
21. Некрасов Г.А. Торгово-экономические отношения России со Швецией в 20-х — 30-х гг. XVIII в. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. М., 1966. С. 269.
22. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. Т. 18. С. 475.
23. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 71, л. 24-25; РГАДА, ф. 53 (Сношения России с Данией), оп. 1, 1719 г., л. 17; ф. 276, оп. 1, л. 1364 и др.; Kellenberg H. The economic significance of the Archangel route // The Journal of European Economic History. 1973. Vol. 2. № 3. P. 570-574.
24. Жордания Г.Г. Первые французские купцы и мореплаватели в Русском Поморье. Зарождение франко-русских торговых и дипломатических сношений // Франко-русские экономические связи. Москва-Париж, 1970. С. 35-37.
25. Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции // Сб. РИО. Т. 34. С. 27-28, 38, 41; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. Вып. 2. С. 899-902.
26. РГАДА, ф. 248, оп. 9, д. 512, л. 1261-1266.
27. Донесения французских... С. 497.
28. Уляницкий В.А. Исторический очерк русских консульств за границей // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1898. Вып. 6. С. 64. Приложение. С. XCV.

29. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М., 1935. С. 17-18.
30. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. М., 1992. С. 75, 85; Шаркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII вв. Л., 1981. С. 58-60.
31. Крылова Т.К. Россия и Италия на рубеже XVII и XVIII вв. // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 57-58. *Risultati R. I rapporti commerciali fra la Russia e la Toscana* // *Archivio storico italiano*. 1978. A. 136. Disp. 3-4. P. 495.
32. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1713 г., л. 108.
33. РГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, л. 265; Россия и Испания. Документы и материалы. 1667-1917. М., 1991. Т. 1. № 41, 42, 43.
34. РГАДА, ф. 340, оп. 1, л. 401, л. 13.
35. Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 6.
36. Angermann N. *Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter der Grosse* // *Russland-Deutschland-Amerika*. Wiesbaden, 1978. S. 21.
37. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1828. Ч. 4. № 169.
38. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 3. № 113.
39. Демкин А.В. Московские торговые иноземцы в первой половине XVII века // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 173.
40. Перепиные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 234.
41. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 по 1708 г. // Сб. РИО. Т. 39. С. 368; Письма и бумаги... Т. 10. М., 1956. № 3809. В примечаниях к

данной публикации «великобританским архиепископом», очевидно ошибочно, назван сын П.Я.Вестова — П.П.Вестов (Там же. С. 623).

42. Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 528.
43. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 85; ПСЗ. Т. 5. № 3011.
44. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 85, л. 10-11.
45. Ретинг Н.Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII-XVIII вв. К вопросу о периодизации борьбы за рынок // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XX вв. М., 1987. С. 62.
46. Amburger E. Die Familie Marselis. Giessen, 1957. S. 128.
47. Глаголева А.П. Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 39-46.
48. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1710 г., л. 53, л. 2.
49. Бакшинова Н.А. Стеклоплавильные заводы в Московском государстве XVII века // Труды Государственного исторического музея. М., 1928. Вып. 4. С. 121, 126.
50. Письма и бумаги... Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. № 271; М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 1155; М., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 359-360; Лукьянов П.М. Производство пороха в России в первой четверти XVIII в. // Пытыва. М., 1959. С. 199-202.
51. Письма и бумаги... М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 1171, 1187-1188; Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.-Л., 1947. С. 168, 174, 181.
52. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 71, л. 33-34; л. 1191.
53. Из новейших публикаций см.: Ковригина В.А. Иноземные купцы-предприниматели Москвы петровского времени. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.
54. РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 3, л. 772; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. № 881; Amburger E. Die Familie Marselis... S. 165.
55. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1702 г., л. 37; Scheltema J. Op. cit. D. 2. S. 50.

56. Price J. Op.cit. P. 48.

57. Избрант Илес и Адам Брант. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967.

58. Письма и бумаги... М., 1977. Т. 12. Вып. 2. С. 121-122; Голландцы и русские. 1600-1917. Амстердам, 1989. С. 103.

59. РГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 3, л. 5, л. 2, 3.

60. РГАДА, ф. 397, оп. 3, л. 20/191; Поленин Д.В. О присяге иноземцев, принятых на русскую службу при Петре Великом // Русский архив. Год седьмой (1869). М., 1870. Стб. 1753.

61. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 15.

Глава 2

1. Price J. The tobacco adventure to Russia. Philadelphia, 1961. P. 23, 29.

2. Ibid. P. 47.

3. Kellenbenz H. The economic significance of the Archaengel route // The Journal of European Economic history. 1973. Vol. 2. № 3. P. 571; Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkerige betrekkingen. Amsterdam, 1817-1819. D. 2. S. 395-396; D. 3. S. 245; D. 4. S. 217-218.

4. Kellenbenz H. Op. cit. P. 570-571.

5. Eeghen I.-H. van. Inventarissen van de archieven van de Directie van de Moscovische handel, Directie van de Oosterse handel en reederijen, Commissarissen tot de graanhandel en commissie voor de graanhandel. [Amsterdam], 1961. S. 7-12, 92-93; Kellenbenz H. Op. cit. P. 572.

6. Докладения французского консула в Петербурге Ланн и полномочного министра при русском дворе Кампредона // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. № 101, 107; Schmoller G. Die russische Compagnie in Berlin 1724-1738 // Zeitschrift für preussische Geschichte und Landeskunde. 1883. Bd. 20.

7. РГАДА, ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 1, л. 1364, л. 2; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правитель-

ствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. 1. № 452. С. 316.

8. СПФ ИРИ, ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия), оп. 3, д. 246, л. 1-81; Доклады и приговоры... СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. № 788.

9. Доклады и приговоры... СПб., 1882. Т. 2. Кн. 1. № 15, 568; Price J. Op. cit. P. 47.

10. РГА ВМФ, ф. 233 (Дела графа Ф.М.Апраксина), оп. 1, д. 254, л. 52; РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 284; оп. 3, д. 23.

11. РГАДА, ф. 19 (Гос. архив. Финансы), оп. 1, д. 1, ч. 7, л. 282 об.; ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 1, 1707 г., д. 30, л. 45. О поддержке Н.Витгензюм амстердамских купцов, торговавших с Россией и сотрудничавших с Петром I см. также: Koningsbrugge J.S.A.M. van. Of diplomats, merchants, and regents; Dutch-Baltic relations in the period 1697-1709 // Russians and Dutchmen. Groningen, 1993.

12. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 2.

13. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 303, л. 74-76.

14. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1708 г., л. 175, 1710 г., л. 53; оп. 2, 1712 г., л. 137; Доклады и приговоры... Т. 2. Кн. 1. СПб., 1882. № 549.

15. Тревожные годы Архангельска. 1700-1721. Архангельск, 1993. С. 111-114.

16. РГАДА, ф. 158, оп. 1. 1705 г., д. 92.

17. Price J. Op. cit. P. 49.

18. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 255.

19. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 246.

20. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 246, л. 14-15.

21. РГАДА, ф. 273 (Камер-коллегия), оп. 1, д. 32871, л. 4-12; д. 32872, л. 8, 14, 17.

22. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 28, л. 1.

23. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 28.

24. РГА ВМФ, ф. 177 (Приказ воинского морского флота), оп. 1, д. 29, л. 48; РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 2740;

оп. 2, д. 830; ф. 340 (Канцелярия конфискации), оп. 1, л. 66, л. 14 об.-15.

25. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1705 г., л. 97; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912. С. 253.

26. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1705 г., л. 94.

27. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 78, л. 254-265.

28. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 191, ч. 1, л. 105-108, 217, 358-359.

29. Reading D. The Anglo-Russian commercial treaty of 1734. New Haven, 1938. P. 35-36.

30. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 165, л. 39-42; д. 254, л. 26; РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 284; Campbell R. The London tradesman. London, 1969. P. 295.

31. РГА ВМФ, ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия), оп. 1, д. 81, л. 49.

32. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 39; РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 1916; оп. 3, л. 52.

33. ПСЗ. Т. 1. № 408.

34. ПСЗ. Т. 1. № 408, ст. 12, 48 и др.

35. ПСЗ. Т. 1. № 408, ст. 51; Т. 3. № 1687, ст. 65; № 1700.

36. ПСЗ. Т. 5. № 3176, 3411; Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 57.

37. ПСЗ. Т. 7. № 4452; Т. 45. Книга тарифов. С. 2-123. Приложения к отд. 1-му. С. 1-2.

38. Козинцева Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы историко-экономики. М., 1962. Т. 10. С. 180.

39. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 1660, л. 2503; оп. 2, л. 543.

40. РГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, л. 129, л. 39-72.

41. ПСЗ. Т. 8. № 5820; Т. 45. Книга тарифов. С. 2-123. Приложения к отд. 1-му. С. 2-4.

42. Письма и бумаги... СПб., 1907. Т. 5. № 1627.

43. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145.

44. ПСЗ. Т. 4. № 2541.

45. ПСЗ. Т. 6. № 3672.

46. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1698-1699; РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 7, л. 70-71.
47. ПСЗ. Т. 3. № 1687, ст. 40.
48. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 213, 237 и др.; ПСЗ. Т. 4. № 2067.
49. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 368-371; Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 274.
50. Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 137; Письма и бумаги... СПб., 1912. Т. 6. С. 386.
51. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 472, 589, 651 и др.; ПСЗ. Т. 4. № 2290.
52. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1660, л. 2813, л. 47-49; РГИА, ф. 1329 (Копии сенатских указов), оп. 3, л. 8а, л. 44; ПСЗ. Т. 6. № 3959.
53. ПСЗ. Т. 7. № 4451.
54. РГАДА, ф. 397, оп. 1, л. 703.
55. ПСЗ. Т. 1. № 408, ст. 684, 686.
56. Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 290-304.
57. Репин Н.Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII-XVIII вв. К вопросу о периодизации борьбы за рынок // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XX вв. М., 1987. С. 57.
58. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32784, л. 103, 135; ф. 276, оп. 3, л. 50, л. 41.
59. РГАДА, ф. 248, оп. 4, л. 200, л. 250б.; л. 201, л. 240б., 142, 426, 615, 656; ф. 276, оп. 3, л. 51, л. 2; Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 52, 264; Dalton H. Geschichte der Reformierten Kirche in Russland. Gotha, 1865. S. 22, 25.
60. Беспятых Ю.Н. Указ. соч. С. 227.

61. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1609-1626; РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32784.
62. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... с 1703 по 1751 гг... СПб., 1779. С. 110-111, Беспятых Ю.Н. Указ. соч. С. 82.
63. Мулюкин А.С. Указ. соч. С. 132, 144 и др.
64. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32762, л. 22, 49, 81, 117; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 467.
65. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 520, л. 154-155; ф. 615, оп. 1, л. 520, л. 24 об.
66. РГИА, ф. 834 (Синод), оп. 3, л. 2067.
67. РГАДА, ф. 282 (Юстин-коллегия), оп. 1, л. 958, л. 603; л. 1280, л. 306, 318 и др.
68. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 52, л. 5; л. 54, л. 51; ф. 340, оп. 1, л. 14559, л. 393.
69. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32781, л. 32782.
70. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32771.
71. РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, л. 31, л. 1-42; СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 2.
72. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1705 г., л. 151.
73. ПСЗ. Т. 5. № 3420. Т. 6, № 3792.
74. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 61.
75. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 213, л. 176-178; Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 по 1719 год // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 520.
76. ПСЗ. Т. 5. № 3318, ст. 25.
77. Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М., 1899. С. 305-319.
78. Бантыш-Камельский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 136.
79. Вот один из примерных расчетов: в 1714 г. любекский купец К.Родде купил в Архангельске 257 пудов

юфты на 899 руб. 50 коп. Накладные расходы составили: таможенные пошлины — 88 руб. 47 коп., подвоз к кораблю и погрузка — 7 руб. 56 коп., кортаж (плата маклеру в 0,5%) — 4 руб. 50 коп., провозная (сумма, взимаемая за период вековел в 2%) — 18 руб., фрахт корабля до Гамбурга и страховые расходы — 180 сфизмов (по курсу 1714 г., примерно, 150 руб.). Всего около 270 руб. или 29% стоимости юфты. (Lammel В. Der Russlandhandel der Frankischen Stiftungen im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Deutsch-Slawische Wechseltigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956. S. 160). Те же цифры накладных расходов дают и сохранившиеся материалы нотариальных контор Амстердама по делам купеческих фирм, торговавших с Россией в начале XVIII в. (Клопретс J. Dutch trade with Russia from the time of Peter I to Alexander I. Montreal, 1976. Vol. 1. P. 312-315, 328).

Глава 3

1. ПСЗ. Т. 5. № 2768, 2793; Т. 6, № 4124.
2. РГАДА, ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 1, 1706 г., д. 101; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. № 1942.
3. Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 5, 91 и др.; Altman A. The Russian and Polish markets in international trade 1500-1650. Göteborg, 1973. P. 48-49, 56, 59; Price J. The tobacco adventure to Russia. Philadelphia, 1961. P. 51.
4. Пийдримэ Х.А. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661-1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере г.Нарвы // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Вып. 5; Его же. Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам нарвского вывоза. 1661-1700 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7.
5. Шаевский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVIII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 152-153.

6. ПСЗ. Т. 4. № 1872.

7. Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Факты. Архангельск, 1992. С. 160-162; Попова Л.Д. Архангельск. Очерк истории строительства. Архангельск, 1994. С. 12.

8. Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVI-XVII вв. М., 1991. С. 52, 53.

9. СПФ ИРИ, ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия), оп. 3, д. 145.

10. Здесь и далее приводятся результаты наших подсчетов на основании выписей Архангелогородской таможни 1710 г. Эти выписи уже использовались Р.И.Козинцевой, которая впервые ввела их в научный оборот, а также Н.Н.Репинам. Полученные ими сводные данные (общий товароборот, товароборот купцов отдельных стран, стоимость основных групп экспортных и импортных товаров) в целом совпадают с нашими данными, а зачастую совпадают. Некоторые различия объясняются тем, что Р.И.Козинцева и Н.Н.Репин, по-видимому, не учитывают продажу товаров иноземцами в розницу, напротив, они учитывают торговые операции армянских купцов, изучение деятельности которых не входит в нашу задачу. Кроме того, Р.И.Козинцева и Н.Н.Репин дают несколько иную группировку товаров, Р.И.Козинцева купцов Дании и различных городов и земель Германии объединяет под рубрикой «гамбургская статья». (См.: Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской армарки и ее роль в развитии единого всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964. С. 120, 121, 130; Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989. С. 37-38).

11. РГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, д. 703, л. 72.

12. Harder-Gersdorff E. Lübeck und Hamburg im internationalen Handel mit russischem Lichtenleder in der Frühen Neuzeit (1650-1710) // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1987. Bd. 67. S. 128-131.
13. РГАДА, ф. 397, оп. 1, л. 703, л. 74.
14. Price J. Op. cit. P. 51.
15. Козничева Р.И. Указ, соч.; Репин Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII в. // *Материалы по истории Европейского Севера*. Вологда, 1973. Вып. 3 и др.
16. Козничева Р.И. Указ, соч. С. 128-130.
17. Там же. С. 136.
18. Там же. С. 132-133.
19. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 299, 388об., 657-658.
20. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1379.
21. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 729 об., 989-990, 1207, 1464 и др.
22. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1082-1083, 1087 и др.
23. РГАДА, ф. 397, оп. 1, л. 129, л. 72.
24. ПСЗ. Т. 4. № 1988.
25. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 28-33, 1515; л. 71, л. 46; РГАДА, ф. 340 (Канцелярия конфискации), оп. 1, л. 14559, л. 335-377.
26. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 41-109.
27. РГАДА, ф. 340, оп. 1, л. 14559, л. 390-493.
28. Козничева Р.И. Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине XVIII века // *Материалы по истории сельского хозяйства, крестьянства СССР*. М., 1980. Сб. 9. С. 248; Репин Н.Н. Из истории торговых связей России со странами Западной Европы через Архангельск в первой четверти XVIII в. // *Сборник научных работ аспирантов историч. ф-та Московского госуд. ун-та*. М., 1970. С. 204-209.

29. РГАДА, ф. 340, оп. 1, л. 14559, л. 410 об., 416 об.
30. ПСЗ. Т. 4. № 1872.
31. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1702 г., л. 37; 1703 г., л. 44, л. 172; ф. 340, оп. 1, л. 14559, л. 21-33.
32. Козничева Р.И. *Русский экспорт*... С. 247.
33. ПСЗ. Т. 5. № 2672.
34. РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 1, л. 81, л. 123-172; ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 3, л. 7, л. 29-37.
35. РГАДА, ф. 276, оп. 3, л. 7, л. 36-37; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. № 1528. С. 1260.
36. Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 1043. С. 1097.
37. Доклады и приговоры... СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. № 1528. С. 1260.
38. РГАДА, ф. 248, оп. 15, л. 814, л. 973-978; ПСЗ. Т. 5. № 3069. Т. 6. № 3930.
39. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1364.
40. ПСЗ. Т. 5. № 2737, 2760.
41. ПСЗ. Т. 5. № 2784, 3115, 3268.
42. ПСЗ. Т. 6. № 3860.
43. Покровский В.И. *Значение С.-Петербурга во внешней торговле России*. СПб., 1899. С. 25.
44. РГАДА, ф. 273 (Камер-коллегия), оп. 1, л. 32741, 32786, 32787.
45. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32786, л. 48.
46. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32744, л. 53-72; л. 32782, л. 33-57; ПСЗ. Т. 5. № 3428.
47. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32743, л. 189, 267, 295 и др.
48. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32743, л. 79, 164, 217; л. 32872, л. 33-42.
49. Репин Н.Н. *Внешняя торговля и ...* С. 20.
50. Огородников С.Ф. *Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении*. СПб., 1890. С. 209.

51. Письма и бумаги... СПб., 1889. Т. 2. С. 563; «Ведомости» времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 95-96; Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1818. D. 3. S. 155-156.

52. Bang N.E., Køst K. Tabeller over skibsfart og varetransport gennem Øresund 1661-1783 og Storebaelt 1701-1748. Del. 1. Tabeller over skibsfarten. København, 1930. S. 154-164; Scherer J.-B. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. Paris, 1788. T. 1. P. 146.

53. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1705 г., л. 92; Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 144.

54. РГАДА, ф. 340, оп. 1, л. 401, л. 10-16.

55. Bang N.-E., Køst K. Op. cit. S. 162-164.

56. РГАДА, ф. 397, оп. 1, л. 129, л. 102-126.

57. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 478-484.

58. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1708 г., л. 121, л. 2.

59. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 1402-1404; РГАДА, ф. 53 (Сношения России с Данией), оп. 1, 1709 г., л. 12; ф. 158, оп. 1, 1708 г., л. 121.

60. Bang N.-E., Køst K. Op. cit. S. 160-164.

61. ПСЗ. Т. 6. № 3860.

62. РГА ВМФ, ф. 233 (дела графа Ф.М.Апраксина), оп. 1, л. 177, л. 106-114, 138, 139, 173, 180 и др.; Некрасов Г.А. Балтийская торговля России через эстонские порты в 20-е — 60-е гг. XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1979. Вып. 24. С. 173-176.

63. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1205, л. 1-2.

64. РГАДА, ф. 276, оп. 2, л. 559, л. 546 и др.

65. Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1811). М., 1899. С. 439; Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 68-70.

66. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 71, л. 18-19, 70-71, 104 и др.

67. Price J. Op. cit. P. 49.

68. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 71, л. 29.

69. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32771, л. 45-62.

70. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 71.

71. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 32771, л. 17.

72. РГАДА, ф. 53, оп. 1, св. 4, 1619-1620 гг., л. 1; 1619 г., л. 2.

73. ПСЗ. Т. 8. № 5820; Т. 45. Книга тарифов. С. 2-123. Приложение к отд. 1-му. С. 2-4.

74. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 2188, л. 2-17.

Глава 4

1. РГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, л. 1054, л. 597-599.

2. СПФ ИРИ, ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия), оп. 3, л. 145, л. 131, 135, 211, 527, 1006, 1115, 1307 об. и др.

3. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 156; л. 388; л. 398; л. 432; л. 447; л. 453 и др.

4. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 145, л. 131, 135, 211, 374, 514, 1006 и др.

5. РГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, л. 130, л. 10.

6. Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 134-136.

7. ПСЗ. Т. 3. № 1570; 1580.

8. Price J. The tobacco adventure to Russia. Philadelphia, 1961. P. 27, 46 etc.

9. ПСЗ. Т. 3. № 1628.

10. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 1140. С. 1214.

11. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet. Stockholm, 1978. № 56, 57.

12. РГАДА, ф. 282 (Юстин-коллегия), оп. 1, л. 957, л. 251об.-252; л. 1029, л. 137об.

13. РГАДА, ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 1, 1700 г., л. 10; ф. 282, оп. 1, л. 1279, л. 69; л. 1280, л. 216; ф. 396, оп. 1, л. 48333; ф. 615

- (Крепостные книги местных учреждений XVI-XVIII вв.), оп. 1, д. 6685, л. 174-175.
14. РГАДА, ф. 282, л. 1279; л. 1280.
15. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1279, л. 433, 443 об., 469 об., 518 об., 587 об. и др.
16. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 957, л. 252; д. 1279, л. 569.
17. Имена торговцев, бравших табак у К.Гутфеля, сведения о их сделках публиковались ранее. См.: Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции западноевропейских купцов на русском рынке в начале XVIII в. // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 139-140.
18. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1279, л. 122.
19. Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 1140. С. 1220.
20. Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 1140; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 год // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 6; ПСЗ. Т. 4. № 2001, 2002.
21. Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 1140. С. 1216-1227; Донесения и другие бумаги... С. 340-341.
22. Price J. Op. cit. P. 61.
23. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1279, л. 69, 518 об.; д. 1280, л. 216 и др.
24. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1029; д. 1030; д. 1031; д. 1032.
25. Price J. Op. cit. P. 34-37.
26. Ibid. P. 86.
27. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 1173.
28. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 907.
29. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 859.
30. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 246, 775 об., 859, 880 об., 961 об.
31. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 200 об., 237, 500-501, 684 об., 699, 750.
32. РГАДА, ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 2, д. 553, л. 2-2 об.

33. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 809 об. — 810, 884 об.
34. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 1014 об., 250-251.
35. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 815, 884 об., 1007-1007 об.
36. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 200 об., 889.
37. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 829, 885 об. и др.
38. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 957, л. 425 об.; д. 1029, л. 102; д. 1030, л. 118.
39. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 958, л. 353, 376, 377; д. 1032, л. 767. Цены на юфть и сырые кожи см.: СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 337 об., 413 об., 643 и др.
40. РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 823.
41. СПФ ИРИ, ф. 178 (Астраханская приказная палата), оп. 1, д. 14030, л. 4; РГАДА, ф. 273 (Камер-коллегия), оп. 1, д. 4, л. 162; ф. 282, оп. 1, д. 1031, л. 693.
42. РГА ВМФ, ф. 177 (Приказ воинского морского флота), оп. 1, д. 31, л. 1-42; РГАДА, ф. 233 (Печатный приказ), оп. 1, д. 453, л. 91; Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 18.
43. РГАДА, ф. 233, л. 453, л. 68-69.
44. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 71-72.
45. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 75 об.
46. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 76-77.
47. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 85-86; Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 289-290.
48. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 77 об.
49. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 288, л. 37.
50. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 77-89.
51. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 473; РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 884, 939 об., 944-945.
52. РГА ВМФ, ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия), оп. 1, д. 81, л. 24; РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 1032, л. 1007.
53. Козинцева Р.И. Участие казны... С. 290.

54. РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 3, л. 75, л. 61-70.
55. РГА ВМФ, ф. 233 (Дела графа Ф.М.Апраксина), оп. 1, л. 252, л. 282 об.
56. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 254, л. 28-29.
57. РГАДА, ф. 248, оп. 3, л. 71, л. 1128-1144; ф. 276, оп. 1, л. 1499, л. 30-33.
58. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 1032, л. 93, 111, 157 об., 158 и др.
59. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 1035, л. 210-211; л. 1036, л. 109-110, 112-113.
60. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 1039, л. 85.
61. РГАДА, ф. 273, оп. 1, л. 82; л. 32733, л. 60; л. 32740, л. 142 об., 145, 146 и др.
62. Репин Н.Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII-XVIII вв. К вопросу о периодизации борьбы за рынок // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XX в. М., 1987. С. 57.
63. Там же. С. 56.

Глава 5.

1. Марке К. Капитал. Т. 3 // Марке К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. 2. С. 142-144.
2. РГАДА, ф. 282 (Юстин-коллегия), оп. 1, л. 957-974, 976; ф. 285, оп. 1, л. 508-516.
3. ПСЗ. Т. 6. № 3672, ст. 4.
4. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 512, л. 98-99, 324-325; л. 514, л. 16-17.
5. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 513, л. 87-88, 405-406; л. 514, л. 372-373.
6. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 963, л. 204об., 377 об., 579; л. 964, л. 199об.; л. 972, л. 193об.
7. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 512, л. 388-389 и др.
8. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 514, л. 525-526.
9. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 964, л. 72, 198 об.; л. 967, л. 507, 546, 551, 567.

10. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 957, л. 214 об.; л. 958, л. 373, 468 об., 661; л. 959, л. 373, 457 об., 478, 577 об., 616, 636, 701, 710 и др.
11. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 963, л. 424 об., 429 об.; л. 964, л. 363; л. 965, л. 214, 770; л. 967, л. 831; л. 969, л. 147 об., 229; л. 972, л. 195об. и др.
12. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 967, л. 356 об., 404; л. 969, л. 183 об., 358, 405; л. 971, л. 142об., 288 об.; л. 972, л. 331, 688 об.; л. 973, л. 127, 306 и др.
13. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 963, л. 238 об., 424 об., 759 об.; л. 964, л. 43; л. 967, л. 751 об.; л. 969, л. 582; л. 971, л. 364 и др.
14. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 972, л. 241; л. 976, л. 321-322.
15. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 511, л. 95-97, 729-730, 745-747, 848-850 и др.
16. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 511, л. 85-86, 89-92, 317-319; л. 513, л. 522-523; л. 514, л. 445-447 и др.
17. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 513, л. 405-406, 505-506; л. 514, л. 509-511, 532-533, 543-545; л. 516, л. 33 и др.
18. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 963, л. 297 об., 298; л. 965, л. 287 об., 512, 794; л. 967, л. 380, 453; л. 969, л. 446 об.; ф. 285, оп. 1, л. 513, л. 512-515; л. 514, л. 484-485; л. 516, л. 271 и др.
19. РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, л. 1116, л. 6 об.
20. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 957, л. 294 об., 364; л. 958, л. 353, 377, 640 об.; л. 959, л. 771 об.; л. 971, л. 527 об.
21. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 965, л. 192; ф. 285, оп. 1, л. 512, л. 97-99.
22. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 516, л. 190-191, 199.
23. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 970, л. 481-482 об.
24. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 969, л. 262, 514 об.
25. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 958, л. 562, 600; л. 959, л. 458 об.; л. 970, л. 275, 277 и др.

26. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 958, л. 192, 640об.; л. 959, л. 795, 1089 и др.
27. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 957, л. 739 об., 1010; л. 958, л. 552, 761, 801, 957; л. 959, л. 823; л. 963, л. 847 об.; л. 964, л. 39 об., 420 об. и др.
28. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 968, л. 417, 419; л. 969, л. 669-670, 724 об.; л. 970, л. 212, 613 об. и др.
29. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 963, л. 429 об.-430; л. 970, л. 716; л. 972, л. 195-196; л. 974, л. 420 об.-421.
30. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 957, л. 263, 497.
31. Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 54, 61.
32. Голикова Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 265-267; Тарловская В.Р. Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. // Вестник Московского госуд. университета. Сер. 9. История. 1977. № 3. С. 53-54.
33. РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 2, л. 30, л. 13 об.-14.
34. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 957, л. 645; л. 958, л. 678, 900; л. 959, л. 782 об. и др.
35. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 964, л. 552 об.; л. 965, л. 435 об.; л. 967, л. 356 об., 362 об., 416 об. и др.
36. РГАДА, ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 2, 1713 г., л. 130, л. 1об.
37. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 971, л. 281, 288 об., 310, 423.
38. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 969, л. 405; л. 973, л. 257.
39. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 959, л. 654 об., 1138 об.
40. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 959, л. 355 об.
41. Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 269.
42. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 971, л. 389-390.
43. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 974, л. 238 об.
44. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 971, л. 400-401.
45. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 969, л. 284.
46. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 974, л. 101 об.-102.
47. ПСЗ. Т. 8. № 5410. С. 185.
48. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 971, л. 512 об.; л. 974, л. 255-257.
49. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 967, л. 357-357 об.
50. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1707 г., л. 30, л. 45, л. 83; оп. 2, 1713 г., л. 84, л. 86; 1714 г., л. 68; 1717 г., л. 112 и др.
51. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1713 г., л. 82, л. 149; 1718 г., л. 36, л. 70 и др.
52. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1714 г., л. 35.
53. РГАДА, ф. 291 (Главный магистрат), оп. 1, л. 21829.
54. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1713 г., л. 52, л. 56; Соборное уложение... С. 61.
55. РГАДА, ф. 271 (Берг-коллегия), оп. 1, л. 3168, л. 11-12; ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 3, л. 33.
56. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 1279-1283, л. 1285.
57. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1703 г., л. 125; ф. 282, оп. 1, л. 1279, л. 242 об.; ПСЗ. Т. 4. № 1751; Быкова Т.А. Книгоиздательская деятельность Илья Копьевского и Яна Тессинга // Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 гг. М.-Л., 1958. С. 321-324; Veluwenkamp J.W. «'N huis op Archangel». De Amsterdamse koopmansfamilie Tessingh. 1650-1725 // Jaarboek Genootschap Amstelodamum. Amsterdam, 1977. Vol. 69. S. 132-133, 136-139.
58. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 1280, л. 183.
59. РГАДА, ф. 282, оп. 1, л. 958, л. 493; л. 959, л. 815 об.; л. 1280, л. 209 об.
60. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1718 г., л. 78.
61. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 508, л. 15 об., 17-18; л. 516, л. 29 об.
62. РГАДА, ф. 285, оп. 1, л. 508, л. 46.
63. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1713 г., л. 130.
64. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1719 г., л. 146; ф. 276, оп. 1, л. 303.

Глава 6

1. Кошкин С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 18; Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях, СПб., 1889. С. 93-94 и др.
2. ВИМАИВВС, ф. 1 (Пушкарский приказ), оп. 1, д. 454, л. 560; РГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 3, л. 34, л. 259-263.
3. РГАДА, ф. 19 (Гос. архив. финансы), оп. 1, л. 1, ч. 2, л. 154 об.
4. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода. М., 1826. С. 29.
5. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. № 409.
6. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 35242; л. 35501; оп. 2, л. 996, л. 94.
7. РГА ВМФ, ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия), оп. 1, л. 81, л. 12-13, 339 об., 505; РГАДА, ф. 158 (Посольский приказ. Приказные дела новых лет), оп. 1, 1706 г., л. 63 и др.
8. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81, л. 12-13, 339; РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, л. 2, л. 398, л. 59, 78 и др.
9. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1707 г., л. 76; ф. 396, оп. 2, л. 998, л. 82.
10. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81, л. 13; РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 1, л. 1, л. 223-241.
11. РГВИА, ф. 24 (Кабинетские дела 1701-1795 гг.), оп. 1/119, л. 62, л. 309.
12. Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М., 1899. С. 251.
13. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81, л. 13, 339; РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 35085, л. 35835; оп. 3, л. 96, л. 5, 185 об., л. 128, л. 6-7.
14. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 2. С. 18-19.

15. РГАДА, ф. 396, оп. 2, л. 993, л. 17; оп. 3, л. 144, л. 56 об.

16. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 75.

17. ПСЗ. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. Отд. 1. С. 1-6.

18. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 34625.

19. Zuiden D.S. van. Nieuwe bijdrage tot de kennis van de hollandsch-russische relaties in de 16e-18e eeuw. // Economisch-historisch jaarboek. Bijdrage tot de economische geschiedenis van Nederland... s'Gravenhage, 1916. Vol. 2. № 37.

20. РГАДА, ф. 19, оп. 1, л. 1, ч. 2, л. 154 об.; ф. 396, оп. 1, л. 35445.

21. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 34645, л. 35835.

22. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1703 г., л. 97, 1706 г., л. 63; Zuiden D.S. van. Op. cit. № 37.

23. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 222.

24. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 35834, л. 35835.

25. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1703 г., л. 97.

26. РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 1, л. 1, л. 218 об.; л. 5, л. 85; ф. 396, оп. 1, л. 34237 и др.

27. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1702 г., л. 72; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 118.

28. СПФ ИРИ, ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия), оп. 4, л. 16, л. 2-9.

29. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 76.

30. РГАДА, ф. 276 (Коммерц-коллегии), оп. 1, л. 843.

31. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 843, л. 2-103; Доклады и переговоры... СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 841; СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. № 23, 138, 339. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 78.

32. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 843, л. 88, 90. Правда, в дальнейшем этот завод бездействовал. Не вполне ясно и его местонахождение — по сведениям Военной коллегии он находился на р.Яузе (Звозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М., 1947. С. 162).

33. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 173б, 173г; Кошница Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964. С. 122.

34. РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 9, л. 673-677, 682; д. 11, л. 157-160.

35. РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 34, л. 262-263.

36. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 10, л. 102; ч. 21, л. 331.

37. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 9, л. 289, 296 об.; ч. 10, л. 100 об.

38. ВИМАИВВС, ф. 2 (Приказ артиллерии), оп. 1, д. 1, л. 140, 155; д. 94; д. 198, л. 115; д. 215, л. 30, 78; РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 7, ч. 2, л. 116-118.

39. РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 7, л. 65.

40. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 10, л. 102; ф. 248, оп. 1, д. 9, л. 682; д. 11, л. 160.

41. РГАДА, ф. 271 (Берг-коллегии), оп. 1, д. 94, л. 634 об.

42. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 994; ф. 282, оп. 1, д. 1039, л. 106-107.

43. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 151, 162 об., 175 об. и др.

44. ВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, д. 94; СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 47, л. 18 об., 19; д. 146 а, л. 2, 3; РГАДА, ф. 396, оп. 3, л. 137, л. 29 и др.

45. Численность армии Петра I по штату 1711 г. составляла около 100 тыс. человек (не считая гарнизонных полков, для обмундирования которых обычно использовались сукна отечественного производства). На мундир одному солдату требовалось, примерно, 10 аршин сукна (в кавалерии — 7 аршин). Срок службы мундира — 3 года (ПСЗ. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. С. 2-3; Висковатов А.В. Указ. соч. С. 36-43).

46. РГА ВМФ, ф. 233 (Дела графа Ф.М.Апраксина), оп. 1, л. 165; л. 252, л. 71; РГВИА, ф. 2 (Журнальная часть канцелярии Военной коллегии), оп. 12/3, св. 9, л. 7, л. 1; Южт А.И. Русская промышленность и снабжение армии обмундированием и амуницией // Полтава. М., 1959. С. 212.

47. РГВИА, ф. 12 (Комиссариатская экспедиция Военной коллегии), оп. 1/60, св. 4, л. 4 об.-5.

48. РГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 4, л. 4 об.; Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 164, 166.

49. РГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 3, л. 63-67, 93, 634-697; св. 42, л. 82-92; св. 12, л. 395-471 и др.

50. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1294, л. 191; ПСЗ. Т. 6. № 3937. Гл. 1, ст. 17.

51. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1294, л. 1295.

52. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1294, л. 77.

53. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 1294, л. 92, 177, 178.

54. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 6, л. 173 об.; ф. 158, оп. 1, 1704 г., л. 55; ф. 396, оп. 3, л. 161, л. 131.

55. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 34974; л. 34977, л. 3.

56. РГАДА, ф. 282 (Юстиц-коллегии), оп. 1, д. 1031, л. 604; ф. 396, оп. 1, л. 34977, л. 1-3.

57. РГАДА, ф. 396, оп. 2, л. 998, л. 79-81 об.

58. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 2, л. 123, л. 1-6; РГВИА, ф. 12, оп. 1/60, св. 5, л. 278-285.

59. РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 85, л. 155-163.

60. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 9, л. 346; ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 6-ж, л. 165, л. 2 об.; л. 265, л. 423.

61. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 81, л. 76; л. 128, л. 103; л. 149, л. 13 об., 120 об.

62. РГА ВМФ, ф. 212 (Указы, поступившие в Адмиралтейскую коллегию, доклады и донесения), отд. 1, л. 15, л. 289-290.

63. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 81, л. 9-19; ф. 252, л. 1 и др.

64. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 год // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 103-106; 137-139; Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 41.

65. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретари его Вейсброта с 1708 по 1711 год // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 229-230.

66. Доклады и приговоры... СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 906, 918.

67. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1704 г., л. 64; Zuiden D.S. van. Op. cit. № 39.

68. РГАДА, ф. 19, оп. 1, л. 1, ч. 12, л. 143; ф. 158, оп. 1, 1702 г., л. 44; оп. 2, 1711 г., л. 44; ф. 396, оп. 1, л. 35737; оп. 2, л. 986, л. 68; Письма и бумаги... СПб., 1907. Т. 5. С. 711-713; М.-Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3405 и др.; Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 60.

69. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1705 г., л. 89; Доклады и приговоры... СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. № 771 и др.

70. Письма и бумаги... СПб., 1900. Т. 4. Вып. 2. С. 1183; СПб., 1907. Т. 5. № 1508. С. 20 и др.

71. РГАДА, ф. 19, оп. 1, л. 1, ч. 10, л. 209; ф. 340 (Канцелярия конфискации), оп. 1, л. 363, л. 2 и др.

72. Доклады и приговоры... СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. № 101.

73. РГА ВМФ, ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия), оп. 1, л. 81, л. 250; Письма и бумаги... СПб., 1912. Т. 6. № 1983 и др.

74. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 2, л. 226.

75. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81, л. 49, 165; Письма и бумаги... СПб., 1900. Т. 4. Вып. 1. № 1453, 1475. С. 497; СПб., 1912. Т. 6. С. 399 и др.

76. РГАДА, ф. 396, оп. 2, л. 1004, л. 223 и др.

77. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1711 г., л. 52; ф. 396, оп. 2, л. 986 и др.

78. РГАДА, ф. 276, оп. 1, л. 798.

79. РГАДА, ф. 19, оп. 1, ч. 19, л. 278-284; ф. 158, оп. 1, 1710 г., л. 33; оп. 2, 1711 г., л. 44 и др.; Zuiden D.S. van. Op. cit. № 32-46.

80. ВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, л. 178, л. 40; РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 165, л. 42; л. 254, л. 28.

81. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 165, л. 34-42; РГАДА, ф. 248, оп. 2, л. 31, л. 876.

82. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 126, л. 94-108; л. 254, л. 273, 274.

83. РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 126, л. 109.

84. РГАДА, ф. 248, оп. 15, л. 811, л. 339-340.

85. РГАДА, ф. 248, оп. 3, л. 81, л. 254-286; ф. 396, оп. 3, л. 161, л. 910б.

86. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 142, л. 13, 36.

87. РГАДА, ф. 248, оп. 3, л. 81, л. 300-350, 434-475.

88. Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности... С. 86; Бескромный Л.Г. Указ. соч. С. 74-75.

89. РГАДА, ф. 16, оп. 1, л. 31, л. 61-63; ф. 158, оп. 1, 1710 г., л. 53.

90. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 4, л. 60; РГАДА, ф. 248, оп. 9, л. 527, л. 1-12.

91. РГА ВМФ, ф. 212, отл. 1, л. 15, л. 353-354 об.; РГАДА, ф. 16, оп. 1, л. 31, л. 61-153; ф. 210, оп. 6-ж, л. 165; ф. 340, оп. 1, л. 471, л. 479 и др.

92. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, л. 81; Доклады и приговоры... СПб., 1880. Т. 1. № 59; СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 567.

93. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, л. 246, л. 457; РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, л. 18; РГАДА, ф. 248, оп. 3, л. 81, л. 567-569; ф. 396, оп. 1, л. 34138; оп. 2, л. 111; Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 18, 23.

94. РГАДА, ф. 396, оп. 1, л. 34138; оп. 3, л. 111, л. 59,

138. Захаров В.Н. Участие западноевропейских купцов в операциях российской казны с иностранной валютой при Петре I // «Когда Россия молодая жужала с гением Петра». Труды Всерос. науч. конференции. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 86-87.
95. Юхт А.И. Русские деньги... С. 21-22.
96. РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 34244; оп. 2, д. 1169, л. 14 и др.; оп. 3, д. 35, л. 40 об.; д. 60, л. 3 об.; Кауфман И.И. Серебряный рубль в России. СПб., 1910. С. 135.
97. РГАДА, ф. 248, оп. 2, д. 39, л. 119.
98. РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 89, л. 94, д. 3168, л. 6 и др.
99. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 81, л. 567-569.
100. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 246; РГАДА, ф. 340, оп. 1, д. 363, л. 80-81.
101. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 246; РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1, л. 147-148; д. 89, д. 3168; ф. 276, оп. 3, д. 33, л. 8-10; д. 36, л. 1-3 и др.
102. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 5, л. 221, 225 об.; ф. 396, оп. 3, д. 144, л. 34 об.-45; Доклады и приговоры... СПб., 1880. Т. 1. № 509 и др.
103. РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 9, л. 670-671; д. 11, л. 98-103 и др.
104. Юхт А.И. В.Н.Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20-х — 30-х гг. XVIII в.) // Исторические записки. М., 1978. Т. 101, С. 276-277.
105. ВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, д. 216, л. 24; РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 3, л. 30, 49; Доклады и приговоры... СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 761, 796.
106. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 47, л. 19 об.; РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 9, л. 196; Доклады и приговоры... СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. № 323, С. 300.
107. РГАДА, ф. 158, оп. 1, 1703 г., л. 60, 1704 г., л. 46; ф. 396, оп. 3, д. 6, л. 138 об.; д. 37, л. 106 об. и др.
108. РГАДА, ф. 158, оп. 2, 1712 г., л. 137; Доклады и приговоры... СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. № 150 и др.

109. Доклады и приговоры... СПб., 1880. Т. 1. № 59; СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 549, 674, 778; СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. № 223 и др.

110. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 230; Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. № 765, 899.

111. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 1719.

112. РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 35, л. 133 об.

113. Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91.

114. РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 34078, д. 34316, д. 34722 и др.

115. РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 81, л. 21; РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 71, л. 689; Доклады и приговоры... СПб., 1880. Т. 1. № 404; СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 292 и др.

116. Письма и бумаги... СПб., 1887. Т. 1. № 296.

117. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 75, л. 496-499; ф. 276, оп. 1, д. 1481.

118. Åström S.-E. From Stockholm to St. Petersburg. Helsinki, 1962. P. 141-144.

119. РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 1065, д. 1066; Доклады и приговоры... СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. № 292 и др.

120. РГАДА, ф. 233 (Печатный приказ), оп. 1, д. 176, л. 303; Шаркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII вв. Л., 1981. С. 162.

121. РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 94, л. 570 об.-572, 714-715; д. 609, л. 160.

122. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 463.

123. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 4, д. 60; РГАДА, ф. 340, оп. 1, д. 66.

Список сокращений

- ВИМАИВВС** — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.
- ПСЗ** — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Спб., 1830. Т.1-45.
- РГА ВМФ** — Российский государственный архив военно-морского флота. Санкт-Петербург.
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов. Москва.
- РГВИА** — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
- РГИА** — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
- Сб. РИО** — Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 1-148. Спб., Пг., 1867-1916.
- СПФ ИРИ** — Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН. Санкт-Петербург.
- ЧОИДР** — Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846-1918.

Приложение 1

Западноевропейские купцы в России в конце XVII — первой четверти XVIII вв.¹

Англия

1. Анжон (Hordkin) Андрей (1708-1730)
2. Баконер Иван (1711-1724)
3. Бален Вильям (1701-1704)
4. Вель Елизаветий (1706-1711)
5. Бен Клементий (1724-1728)
6. Бонли Франц (1708)
7. Блант Андрей (1697-1714)
8. Блекли Роберт (1725)
9. Борен Рыцарь (1711-1712)
10. Букар Иван (1711-1713)
11. Ваткер Рыцарь (1719-1721)
12. Вальке (1711)
13. Вансигард Вильям (1708)
14. Вард Томас (1710-1728-)
15. Вейтер Вильям (1721-1727-)
16. Вейд (Вейт) Томас (1719-1723-)
17. Воксель Богдан (1719-1726-)
18. Верми (1711)
19. Волкис Осип (1711-1723-)
20. Ванн Карл до (1720)
21. Вульф Осип (1678-1699)
22. Вульф Филипп (1689-1704)
23. Вульф Яков (1718-1759†)
24. Галте Иван (1726)
25. Гарднер Франц (1719-1726-)
26. Гарднер Яков (1723-1726-)
27. Гарп (Гарп) Франц (1724)
28. Гаршан (Hartside) Самойла (1708-1719)
29. Гойл Иван (1723)
30. Голройде Яков (1714-1715)
31. Готт Иван (1717)
32. Гут (Guivitt) Юрий (1710)
33. Гут (Guivitt) Яков (1708-1716)
34. Гудфелл (Goodfellow) Карл (1695-1714)
35. Деленкой (de Lannoy) Самойла (1704-1709)
36. Денот (1715)
37. Дикнис Осип (1710-1719)
38. Дрейх Иван (1713-1714)
39. Дюскар Вильям (1724-1726-)
40. Дюскар Гавриил (1703-1707)
41. Иглиц Вильям (1705)
42. Исааксон Иван до (1719)
43. Калер Давид (90-е гг. XVII в. - 1704)
44. Кетлин Яков (до 1721)
45. Кок Петр (1703-1724)
46. Коллине Франц (1714-1719†)
47. Лекрель Иван (1716)
48. Лойд Вильям (1689-1724)
49. Лосон Яков (1705)
50. Мартин Самойла (1704-1709†)
51. Мерсел Ахтай (90-е гг. XVII в. - 1714)
52. Мейер Иван (1722)
53. Мейс Петр (1711)
54. Менкварнт Родон (1714-1726)
55. Менкварнт Роман (1705-1719)

56. Миллер Иван (1719)
57. Морли Франц (1716-1734F)
58. Мюкс(Меух) Самойла (1703-1721)
59. Незбит Томас (1719-1725)
60. Неггелтон Роберт (1718-1726-)
61. Нотель Иван (1713-1719)
62. Парисел Вилем (1714-1721)
63. Парсонс Вейтас (1720-1726-)
64. Парсонс Вилем (1706-1722F)
65. Паулсен Юстер (1702-1719)
66. Портнер Вилем (1726)
67. Прейс Андрей (1719)
68. Пуленс Франс (1719)
69. Рансол Иван (1702-1716)
70. Робинсон Ральф (1710-1713)
71. Рокет Петр (1713-1715)
72. Ромзин Сэм (1726)
73. Рытлов Томас (1705)
74. Смайл Яков (1721-1724-)
75. Смит Ян (1705-1708)
76. Спелтман Яков (1704-1720)
77. Стейле (Stiles) Андрей (1684-1712F)
78. Стейлс Барбара (1712-1715)
79. Стерлинг Вилем (1715-1719)
80. Торзел Томас (1726)
81. Форстер Франц (1726)
82. Фрагс Родион (1708-1726)
83. Хайт Вилем (до 1704)
84. Хотел Карл (1713-1720)
85. Шерс Иван (1710-1723)
86. Шерс Самойла (1714-1723)
87. Эванс Гель (1719-1737-)
88. Эльварс Иван (1719-1726)
89. Эмсалт Вилем (1719-1737-)
90. Эль Томас (1705-1710)
91. Эшенбург (1723)
92. Юнох Андрей (1714)

Голландия

1. ван Ахер Иван (1719-1726-)
2. ван Амстель Андрей (1720)
3. ван Ансин Андрей (1715-1717)
4. Артман (Hartman) Даниил (1648-1704)
5. Бахир Адриан (1710-1715)
6. Балк Родион (до 1720)
7. Барлот Гавриил (1724)
8. Баринс Матвей (1715)
9. Барет Матвей (1715)
10. Барет Петер (1704-1707)
11. Бару Павел (1705)
12. ван Басен Еремей (1711-1720)
13. ван Басен Иван (1707-1719)
14. Бахарт (Bacheracht) Гавриил (1723-1730-)
15. Белтем Томас (1705)
16. Бетефир Михаил (1726)
17. Бетлинг Петр (1723-1726-)
18. ван дер Блюх Вилем (1715-1716)
19. Бодиск (Bodisco) Андрей Андреев (1687-1722)
20. Бодиск Андрей Петров (1705-1726-)
21. Бодиск Яков (1718-1725-)
22. Борст Варфоломей (1719-1726-)
23. Борн Яган (1724)
24. Брант Адам² (до 1699)
25. Брант Христофор (1687-1705)
26. ван дер Бракт Томас (1697-1698)
27. Брест Андрей (1679-1705)
28. ван дер Брехт Август (1702)
29. ван дер Брехт Марк (1702)

30. Брокланг Захар (1719-1726-)
31. Брокланг Иван (1723-1724-)
32. Буштен (Bontgen) Яков (1721-1724)
33. ван дер Бург Иван (до 1706)
34. ван дер Бург Исаак (1696-1716)
35. ван дер Бустр Андрей (1706)
36. ван Вейл Андрей (1719)
37. ван Вен Владимир³ (1719-1721)
38. Веркустен Иван (1708-1711)
39. Веринзобр Иван (1708-1719)
40. Веринзобр Соломон (1706-1724-)
41. Вюс (1711)
42. Гак Петр (1716)
43. Гарланг (Gaarlant) Лаврентий (1699-1711)
44. Гарланг Юрий (1726-)
45. Гарсен Иван (1725-1726-)
46. ван Гевер (van Iever) Андрей (1711-1726-)
47. ван Гевер Владимир (1677-1710)
48. ван Гевер Ульяна (1714)
49. ван Генг Иван (1705-1714)
50. Герменгузен Иван (1710-1726-)
51. Герменгузен Христофор (1718)
52. Госсель Яган (1723-)
53. Готмейстер Абрам (1714-1715)
54. Горкин Абрам (1686-1701)
55. ван Горн Родион (1720)
56. Горшмен Александр (1685-1715)
57. Горшмен Марья (1718)

58. Гофман Самуэль (1708)
59. Грунд Герард (1709-1722)
60. ван Гувен Вахрамей (1719-1723)
61. ван Гуксен Даниил (1726)
62. ван дер Гульст Андрей (1703-1723)
63. Гутман (Houtmans) Абрам (1697-1702)
64. Гутман Адольф (1652-1702)
65. Гутман Андрей (1706-1719)
66. Гутман Екатерина (1719-1724)
67. Гутман Иван (1684-1712)
68. Гутман Исаак (1688-1701)
69. Дансер Николай (1707-1726)
70. Дебас (de Boese) Еремей (1719-)
71. Дебас Козьма (1684-1714)
72. Дебас Петр (1696-1716)
73. Деваль (1726)
74. Дикс Арнольд (1696-1706)
75. Диксон Родион (до 1710)
76. ван дер Дост (1724)
77. ван дер Зант Яков (1721-1724)
78. Исеендорп Федор (1724-1726)
79. Кантгетер Даниил (1672-1708)
80. Кантгетер Кондрат-старш. (1657-1699)
81. Кантгетер Кондрат-младш. (1719-)
82. Кант Гис Иван (1711)
83. ван дер Карс Асъярмас (1719-1725)
84. Кинсиус Авраам (1687-1703)
85. Кинсиус Исаак (1693-1626)

86. ван Клик Андрей (1720)
 87. Кюок Екатерина (1718-1721)
 88. Кюок (Сюок) Елисей (1660-1716)
 89. Конбат Каштир (1703)
 90. Кройс Ян (1724-1726)
 91. Ланг Тимофей (1710)
 92. ван Ленни (van Liesen) Тимофей (1721-1726)
 93. Летгейр Ян (1708)
 94. Лямбург Абрам (1720-1726-)
 95. Любе (Люр) Иван Петров-старший (1693-1718)
 96. Любе Иван Петров-младший (1719-1728-)
 97. Люфтин (Leuffink) Андрей (1710-1719)
 98. Люфтин Витим (1714-1721)
 99. Маршанк Корнела (1714-1726)
 100. Матпан Иван (1719-1726-)
 101. Мейер Артемий (1717-1722)
 102. Мейер Еремей (1714-1726-)
 103. Мейер-Родмон (1686-1715)
 104. Мене Андрей (1705-1710)
 105. Ниманде Ян (1708)
 106. Ниспорт Яков (1679-1704)
 107. Одденборг Адам (1724)
 108. Офман Семен (1713)
 109. Охкерк (Hoogkerk) Семен (1708-1726)
 110. Пахшен Иван (1719)
 111. Парком Леонтий (1713-1719)
 112. Пейтселинг Мария (1726-)
 113. Пейтселинг Табей (1709-1718)
 114. Пель Азаний (1706-1740)
 115. Пель Даниил (1706-1726)
 116. Пель Павел (1722-1726-)
 117. Постер Осип (1710)
 118. Потт Адольф (1701-1716)
 119. Раш Андрей (1719-1726)
 120. Ренефелт Исаак (1695-1696)
 121. Розен Абрам (1707, 1721)
 122. Розенкранц Петр (1714-1717)
 123. Ромзвинкель Николай (1674-1716)
 124. Ромзия Михаил (1703)
 125. Рос Витим (1719-1726)
 126. Рос Петр (1705-1714)
 127. Руль Рудольф (1716)
 128. Рутхерс Ламбрехт (1717-1724)
 129. Рытас Адольф (1703)
 130. Салман Давид⁴ (1719-1727)
 131. Саванг Франц (1711-1721)
 132. ван Сведен Иван (1687-1718)
 133. Свелленгребел Андрей-старший (40-е гг. XVII в. —1699)
 134. Свелленгребел Андрей-младший (90-е гг. XVII в. —1726-)
 135. Секкербакер Ян (1707)
 136. ван дер Стамм Николай (1710)
 137. ван Ственн Иван (1715)
 138. Таберт Илья (1660-1697)
 139. Тамес Иван (1710-1729⁴)
 140. Тамес Павел (1710-1725-)
 141. Тембоузен Абрам (1710)
 142. Тембоузен Григорий (1710)
 143. Тиммерман Андрей (1715-1724⁴)
 144. Тиммерман Анна (1725-1726)
 145. Уамстель Андрей (1715)
 146. Фамбен Яков (1702)
 147. Фандорт (ван Дорт) Иван (1699-1704)
 148. Фандорт Сергей (1712-1735-)
 149. Фандорт Франц (1719-1725-)
 150. Фанлар Питер (1701)
 151. Фарбек Иван (1703-1705)
 152. Фаруфа Николай (1695-1704)
 153. Ферколен Витим (1703-1711)
 154. Ферколен Екатерина (1724-1726)
 155. Ферколен Иван (1674-1719)
 156. Фрейденс Корнела (1708-1726)
 157. Фрик Франц (1717-1718)
 158. Фюрст Иван (1719-1726-)
 159. ван дер Хорт Герман (1708)
 160. Хреснех (Gresing) Адам (1705-1716)
 161. Цоликофер (Sollikoffer) Яган (1722-1729)
 162. Шмидт Райнер (1708)
 163. Шуцлер (1726)
 164. Шхарбатур Даниил (1697-1704)
 165. Эденк (Hiddink) Борис (1705-1716)
 166. Элеут (Elout) Степан Григорьев (1668-1700)
 167. Элеут Степан Павлов (1710-1714)
 168. Элеут Степан Степанов (1710-1725-)
 169. де Юнг Владимир (1668-1711)
 170. де Юнг Иван (1721-1726-)
 171. де Юнг Корнела (1707-1712)
 172. Ягор Арнан (1709-1726)

Гамбург

- Альбрехт (Гиз) Катарина (1724)
- Амон Иван (1701-1716)
- Армус Ян (1710)
- Бекен Логин (1718-1726)
- Веркузен Давид (1706-1720)
- Бест Иван (1717)
- Бокман Каштир (1725-1729-)
- Брант Марк (1719)
- Брунд Еремей (1710)
- Варнике Ерим (1710-1714)
- Вольф Карл-Томас (1711)
- Гарнак Ефим (1716)
- Гей Андрей (1710-1725)
- Гиз Франц (1705-1724-)
- Говарс (Говерс) Еремей (1677-1719)
- Говарс Иван (1693-1705)
- Голман Николай (1703)
- Голстин Петр (1710)
- Гоце Яков (1710)
- Горн Тимофей (1719)
- Готман Николай (1721)
- Гребин Гаск (1721)
- Держен Иван (1719-1726)
- Зумборх Борис (1712-1723⁴)
- Карл Андрей (1710)
- Козелец Франц (1714)
- Конов (Копам) Иван (1711)
- Конов Петр (1705-1726-)
- Конов Юрий (1704-1711)
- Кравгорт Андрей (1710-1725)
- Криер Иван (1715)
- Ломен Логин (1719)
- Лопбор Абрам (1710)
- Маринц Иван (1709-1720)
- Мейбух Иван (1701-1711)
- Мейер Андрей (1715-1720)
- Мейер Кристиан (1710-1726)

38. Мейер Христофор (1702-1709)
39. Миллер Христиан (1726)
40. Мицов Эмишуил (1720)
41. Нейман Тобиас (1719-1726)
42. Паурус Захарей (1705-1707)
43. Поппе Агафья (1713)
44. Поппе Иван (1685-1711*)
45. Поппе Лаврентий (1701-1715)
46. Поппе Матвей (1682-1711*)
47. Поппе Франц (1713-1726-)
48. Прен Андрей (1689-1712)
49. Прен Иван (1707-1712)
50. Реер Ефрем (1710-1712)
51. Рюшнейдер Андрей (1709-1720)
52. Розен Павел (1701-1724)
53. Руер Яков (1710)
54. Сандерс Андрей (1719-1723)
55. Сандерс Николай (1719-1726)
56. Сейдере Андрей (1713)
57. Твоек Иван (1689-1714)
58. Толк Иван (1725)
59. Фабрин Роднон⁵ (1725-)
60. Фансом⁶ Андрей (1690-1707)
61. Фансом Иван (1687-1720)
62. Фарнхистон Вилем (1726)
63. Фарьяс (Verijs) Артемий (1701-1710)
64. Фарьяс Иван-старший (1664-1706*)
65. Фарьяс Иван-младший (1707-1710)
66. Фаттер Иван (1706-1709)
67. Финк Ефим (1719-1724)
68. Финк Михаил (1714-1724)
69. Фойт Христиан (1724-1726)
70. Фрей Анна (1715)
71. Фрей Тимофей (1709-1723)
72. Хеверс Андрей (1710)

73. Холтаппель Петр (1710)
74. Цехерс Альберт (1710)
75. Шель Яган (1715-1725*)
76. Шмаудин Михаил (1719)
77. Шмет Иван (1701)
78. Швеллинг Яган (1724-1726)
79. Шугтов Лукоз (1702)
80. Шхунеман Андрей-старш. (1687-1714)
81. Шхунеман Андрей-младший (1710-1725)
82. Шхунеман Петр (1705-1722)
83. фон Экохель (1726)
84. Эхт Андрей (1710)

Любек

1. Августин Еремей (1726)
2. Егт Борис (1719)
3. Кизл Еремей⁷ (1705-1737-)
4. Мартин Франц (1722)
5. Мартин Яков (1722)
6. Матис Андрей (1726)
7. Родде Каспар (1700-1725-)
8. Родде Тимофей (1725-1726-)
9. Фолбрехт Бартоломей (1719-1722)
10. Шьнгт Николай (1704-1712)

Бремен

1. Мартисен Арист (1714-1719)
2. Мартисен Петр (1705-1716)

Мекленбург и Передняя Померания

1. Вент Марк (Штральзунд) (1725)
2. Рогенбау Яков (Росток) (1726)

Гольштейн, Шлезвиг (Киль, Фленсбург)

1. Магнус Яков (1726)
2. Махрув Петр (1726)
3. Миллер Христиан (1726)
4. Шлитор Андрей (1721-1724)

Пруссия

1. Адельгейт Марк (1721)
2. Брун Яков (1718)
3. Гелеллер (1726)
4. Думант Роберт (1726)
5. Пеллутые Жан (1719-1726-)
6. Рейх (1725-1726)

Саксония

1. Ток Иван (1719)

Нюрнберг

1. Тазер Марк-Йозеф (1719-1723)

Другие города и земли Германии, Австрия ("Цесарской земли торговые иноземцы")

1. Брегнер Христофор (1726)
2. Верер Захарий (1726)
3. Гавзель Юрий (1710)
4. Геххель Юрий (1719)
5. Гертман Христофор (1710)
6. Гертнер Вилем (1726)
7. Грайлев Яков (1726)
8. Гросман Михаил (1710)
9. Кампер Ильяс (1710)
10. Коппель Иван (1705)
11. Краузе Юрий (1702-1722)
12. Крелен Вильям (до 1710)
13. Крених Борис (1710)

14. Креук Христиан (1705)
15. Кристен Андрей (1710)
16. Лангер Юрий (1710)
17. Либс Тобиас (1719)
18. Миллер Георг (1705-1710)
19. Миллер Ян (1719)
20. Мутавия Яков (1719)
21. Опель Александр (1710)
22. Опен Христофор (1710)
23. Прекер Захар (1719)
24. Пулл Христиан (1705)
25. Синк Яков (1719)
26. Слинг Ильяс (1710)
27. Уман Ильяс (1719)
28. Феннфер Христиан (1718)

Гданьск

1. Рентгофелт (1726)
2. Торшен Даниил (1726)
3. Шпенфельт Леон (1726)

Курляндия

1. Граф Давид⁸ до (1721)
2. Миль Петр⁹ (1717-1721)

"Свейской земли торговые иноземцы"

1. Гетлин Борис (1695)
2. Дюссон Азаный (1695)
3. Кантлер Томас (1689-1714)
4. Лви Карл (1695)
5. Мейер Яков (1695-1699)
6. Минтор Андрей (1675-1718)
7. Нумменс Яков (1699)
8. Рейнгольд Яков (1698-1721)
9. Финглен Филипп (1692-1699)
10. Фогель Яков (1723)
11. Шьнгт Николай (1699)

Нарва

1. Арпе (Arbus) Генрих (1708-1725-)
2. Керндор Каспар-старш. (1713-1720)
3. Керндор Каспар-младш. (1723-1726)
4. Кетлевель Вилли (около 1699-1725)
5. Местымакер Николай (1714-1716)
6. Ролфонк Яков (1720-1725-)
7. Шварц Карл (1717-1718)
8. Яковлев Артай (1719-1721)

Дерпт

1. Крап Сидор (1716-1724)
2. Ланг Иван (1716-1722)

Выборг

1. Гавеман Генрих (1714-1726-)
2. Дамнеберг Яков (1724-)

Дания и Норвегия

1. Брокман Давид (1710)
2. Вульф Рейнгольд (1719)
3. Гренцаль Иван (1712)
4. Лерс Христиан (1718-1719)
5. Линдеман Стефан (1724-1726-)
6. Лофтус Иван (1711-1715)
7. Лофтус Тимофей (1710-1715)
8. Мейер Андрей (1710-1717)
9. Оксен Петр (1705)
10. Оландер Иван (1722)
11. Равенберг Петр (1706-1708)
12. Рудтов Яков (1723-1726)
13. Скулесен Андрей (1705)
14. Титус Тит (1726)
15. Торшин Ефрем (1726)
16. Фрейс Петр (1715-1719)

17. Шет (Sciot) Андрей (1711-1719)
18. Шет Иван (1713-1719)
19. Эпплер Вилли (1706-1710)

Франция

1. Андреев Ефим (1717)
2. Гибо Луй (1721)
3. Делорм Жан (1724)
4. Дибисон (1726-)
5. Лебон (1721)
6. Монморельон (1723)
7. Перно Шарль (1724-1725-)
8. Поззи Франс (1726)
9. Ярт (Yert) Михаил (1721)

Италия

1. Буотелли Иван (1722-1724-)
2. Гваскони Антонио (около 1695-1699)
3. Гваскони Франко (1668-1697)
4. Джанет Иван (1717-1719)
5. Дон Феликс (1725)
6. Марнотта Осип (Джузенте) (1712-1726-)
7. Нолли Джан-Батиста (1719-1725-)

Швейцария

1. Мейер Христиан (1726)
2. Торшен Йозеф (1726)
3. Торшен Карл (1726)

Фландрия

1. Нотобарт Оловир (1722)

«Московские торговые иноземцы»

1. Алжман Иван (1715)
2. Андрикс Болдвин (около 1682-1705?)

3. Берг Андрей (1702)
4. Бишп Иван (1719)
5. Виттнер Иван (1714-1737)
6. Бутсаант Андрей Иванов (1678-1710?)
8. Вестов (Westhoff) Павел Павлов (1705-1726?)
9. Вестов Павел Юрьев (1682-1718)
10. Вестов Павел Яковлев (1661-1712)
11. Вестов Яков Павлов (1714-1725)
12. Востова Алена (Елена) (1715-1724)
13. Востова Екатерина (1710-1724)
14. Гет Андрей (1718)
15. Елфатен Павел (1711)
16. Избрант Едлокия (1710)
17. Избрант Илос Елжарий (1677-1708)
18. Канцлер Христиан (1718)
19. Келдтерман (Kelderman) Иван (1702-1721?)
20. Келдтерман Томас (около 1670 — около 1717?)
21. Клерк Александр (1711-1720)
22. Коет Петр (70-е гг. XVIII в. — 1709)
23. Конинфелс Тимофей (1702)
24. Крофт (Crevett) Андрей (1675-1719?)
25. Мейер Петр (1716)
26. Мекр Ларинс (1701)
27. Меллер Аппа (1702-1712)
28. Меллер Варфоломей Варфоломеев (1705-1750)
29. Меллер Варфоломей Петров (1649-1702)

30. Меллер Петр Варфоломеев (1705-1748?)
31. Мизел Логин (1714)
32. Руткер Адриан (1716)
33. Рыш Александр (1714-1717)
34. Рыш Давид (1695-1717)
35. Стувин Захар (1720)
36. Тиммерман Иван (1717-1720)
37. Фрей Франц (1725)
38. фон Эффери Христиан (1709-1721)
39. Яковов Иван около (1678-1697)
40. Яковов Яков-старш. (1698-1709)
41. Яковов Яков-младш. (1716-1720)

«Санкт-Петербургские торговые иноземцы»

1. Вольф Христиан (1711-1724?)
2. ван Гувер Вилли (1723)
3. Дистервайт Борис (1716-)
4. Трескот Томас (1723)

«Торговые иноземцы» в Архангельске

1. Гоутовалов Денис (до 1711)

Происхождение и национальность не установлены¹⁶

1. Ардинос Мартын (1693)
2. Бекман Андрей (1704)
3. Витте Томас (1708)
4. Гофман Михаил (1693)
5. Грен Яков (1720)
6. Грег Борис (1693)

7. Гроф Христиан (1720)
8. Диконс Роман (1693)
9. Евангелии Андрей (1698)
10. Ег Андрей (1713)
11. Калбрехт Андрей (до 1704)
12. Клеве Ногани (1734)
13. фон Литен Иван (1693)
14. Латор Иван (1707)
15. Магер Петр (1705)
16. Миккулаев Ватнак (Бастиан) (1693)

17. Миттен Генрих-Конрад (1724)
18. Нейхарт Лаврентий (1700-1733)
19. Ольденбург Адам (1724)
20. Ратцель Генрих (1724)
21. Самраг Петр (1693)
22. Ульрих Франц (1709)
23. Хаблаг Ногани (1724)
24. Шинфельд Маттиас (1724)
25. Шуринг (1724)

1. Список составлен на основе всех источников, использованных в данной книге. Фамилии и имена даны в транскрипции, принятой в большинстве русских источников. При существенном искажении фамилий указано ее иностранное произношение, если оно известно. Имена помещены, под которыми они названы в русских документах, обычно соответствуют или созвучны их иностранным именам. Например, Андрей — Генрих, Гендрик или Генри, Анхой — Пальмиг, Артемий — Эрман, Вакрамей — Варфоломей или Вернер, Владимир — Воккер, Зола — Ариамд, Фремей — Иероним или Герман, Николай — Наклас или Клеве, Раданн — Рудольф, Тимофей — Дитрих или Дварик и т.д. (Подробнее об этом см.: *Amthager E. Die Befahrung ausländischer Vögel in Kaschoben in neuester Zeit. Wiesbaden, 1853.*)

Отмечается время деятельности каждого владельца в России в качестве самостоятельного купца. В большинстве случаев указаны самая ранняя и самая поздняя даты упоминания об этом в источниках. (Позднее иногда упоминаются всего однажды.) Как правило, учитываются торговые операции в период правления Петра I. Вместе с тем указаны появления в России в XVII в. ряда купцов, торговавших здесь в начале XVIII в. (См. Девкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2. С. 67-68). В качестве поздней даты в отношении многих купцов указаны 1725 или 1726 гг., так как их деятельность зафиксирована в помещенных документах Амстердамска и Петербурга за эти годы. Многие из них торговали в России и в дальнейшем. Если известно о их деятельности в России в 30-40-е гг. XVIII в., но торгива дата ее завершена не установлена — после которой даты ставится тире, например, (1718-1726-). Иногда известны дата смерти купца, что обозначается знаком †)

2. А.Брант около 1699 г. окончательно поселился в Лубеке. Но, по некоторым сведениям, он был выслан из Голландии (См.: *Scheffels J. Reizend en de Nederlanden in dezelfde wederkerige betrekkingen. Amsterdam, (1817. D. 2. S. 92).* Отчасти известно он принимал участие в посольстве Е.Набранта в Китай и написал об этом книгу.

3. Не исключено, что Вальдегер ван Вел и Вакрамей ван Гузен — одно и то же лицо.

4. В списке иностранных купцов, торговавших в Петербурге в 1719 г., Д.Салман значится среди голландских купцов. Но в некоторых источниках он назван англичанином.)

5. Р.Фабриус (ван Бронн) в русских источниках обычно упоминается как гамбургский купец. Точная сведений о его происхождении не имеется. Возможно, он происходил из Голландии, где фамилия ван Бронн была широко распространена (См.: *Amthager E. Die van Brijenen and ihre Sippe in Aechthal. Aus dem Leben einer Kolonie. Berlin, 1936. S. 15-16.*)

6. Гамбургские купца Фаномы (ван Сомма, фон Сомма) происходили из Нидерландов (из Юв в окрестностях Льежа). Возможно, поэтому русские источники называют их иногда голландскими купцами (См.: *Aus den Stammtafeln der Familie von Somm // Zeitschrift für Niederdeutsche Familienkunde. 1973. 48. Jahrgang. Heft 6. S. 230-231.*)

7. Е.Килл, находив в Лубеке, в некоторых источниках, в частности в архивных тимокетных книгах, упоминает среди гамбургских купцов.

8. Д.Гроф и П.Маль иногда называют английскими купцами. Возможно, они являлись уроженцами Англии, торговали долгое время в портах Курляндии.

9. В большинстве случаев здесь имеются имеются в виду представители немецкого купечества Лифляндии и Эстляндии, выдвинувшие до Северной войны в состав Швеции.

10. М.Арданкс, М.Гофман, Б.Гроф, Р.Диконс, И.фон Литен, В.Миккулаев, П.Самраг упоминаются В.В.Крестининым среди торгивавших веземцев, находившихся в Архангельске в 1693 г., без указания их национальности. И.Клеве, А.Ольденбург, Г.Ратцель, И.Хаблаг, М.Шинфельд, Шуринг, которые, по сведениям Я.Селлемея, торговали в Петербурге в 1724 г., могли быть либо голландцами, либо гамбургцами. (См. Крестинин В.В. Исторический очерк о внешней торговле Государя Императора Петра Великого, от 1693 по 1719 год // *Мемуары исторический и географический на 1795 год. С. 21-22; Scheffels J. Op. cit. D. 4, S. 218.*)

Ассортимент товаров в торговле
западноевропейских купцов
на архангельской ярмарке в 1710 г.¹

**A. Товары, проданные
западноевропейскими
купцами**

**I. Продукты ремесленного
и промышленного произ-
водства стран Западной и
Южной Европы**

Металлы

железо волоочное
железо листовое
железо прутковое
железо полочное
железо свиное
капитель медная
латунь
медь в котлах
медь волоочная
медь зеленая
медь красная
медь кружковая
медь листовая
медь пенная
медь полочная
олово в блодах
олово прутковое
проволока железная
ртуть

свиноц
сталь

Инструменты и механизмы

бурава
весы
альтерки
гвозди боченочные
гвозди мебельные
гвозди медные
гири железные
жом деревянный
кнisti
кнisti
корабельные блоки
"крут солнечный" медный
куста
молоты
нопарен
писты
пумповые снасти
скобелы
стекла зажигательные
тесты
тиски
топоры
трубы пожарные
"учинение стекляное для
позиция воздуха"
шпилья
шпилья

Оружие и боеприпасы

дробь медная
дробь свинцовая
кнопки шпажные
кремни фузейные
пистолеты
порох
фузен
шпаги

скорбела синое
сурик
умбра
черная краска
шпигель
шпихель
ямайка
ярь венеццкая
ярь-медника

Прочие химикалии²

бура
камедь
камень-карандаш
камфара
купорос турецкой
купорос черной
мастика
мышьяк белый
мышьяк черный
нашатырь
орешки черкельные
пепел английской
селитра
сулема

Краски²

бакан венеццкой
бакан простой
брусковая краска
дракомблуд
жель
киноварь
колобковая краска
крутик
курасовская краска
лавра
лазурь
мука красочная
охра
сендомента

Ткани шерстяные

кашминокы
каразен
кострыки
лоскут суконовый
покромыя суконовые
стамеды
суконы английские
суконы гамбургские
суконы голландские
суконы кармазные
суконы кафтаные
суконы-лягачные
суконы солдатские
суконы трамчатые
суконы черные
суконы шленские
трипы
штоф шерстяной
яретки двойные
яретки одинакие

Ткани шелковые

атлас
байберки
бархат гладкий
бархат трамчатый
выбойки
газ
камка
камка итальянская

обяры
парча
перкан гарусный
полутафта
сай трамчатый
саржа
тафта гладкая
тафта трамчатая
полосы гарусные
флоренки
флоры белые
флоры черные
штоф золоченый трамчатый
штоф обьяриновый
штоф полушелковый
штоф струйчатый
штоф трамчатый

Ткани хлопчатобумажные²

байка
байка полосатая
байка трамчатая
бумага
кисей

Ткани льняные

камердук
паламит
пестрель
полотно галдушное
полотно гамбургское
полотно голландское
полотно камвольное
полотно колесное
полотно лощеное
полотно настенное
полотно печатное
полотно прапериное
полотно салфеточное
полотно скатертное
полотно трамчатое
полотно фладжуное

полотно шпенское
полупаламит
тик
штоф льняной

Одежда и обувь

башмаки
бостроки
галстуки женские
галстуки палотинные
голанши "что на башмаки"
спанчи
кафтаны
кафтаны спальные
кошачи спальные
передники
рукавицы ватные
рукавицы кожаные
рукавицы шелковые
чулки ватные
чулки гарусные
чулки шелковые
чулки шерстяные
шляпы детские
шляпы пуховые
шляпы шерстяные
шуровальники женские

Галантерея

белильницы
булавки
веера
волосы накладные
готовильни
гребни роговые
гребни слоновые
запонки медные
запонки с камнем
зеркала карманные
звездки медные
золото пряденое

зубонетки
испы
каменки стеклянные
карты игральные
кисти тростяные
китовый ус
коробочки восковые
коробочки роговые
коробочки слоновой кости
кружева
ленты байберочные
ленты обьяриновые
ленты тафтяные
ленты флоренские
ленты шелковые
манжеты
мишура хлопчатая
мишура пряденая
нагильнички
наклеточники
наперстки
носки-бригвы
очки
парики
подвязки
позументы
платки палотинные
платки флорные
пластьер
пряжки железные
пряжки медные
пряжки стальные
пуговицы медные
пуговицы сложенные
пудра
светелна бумажные
табакерки
табакерки черепаховые
тесмыки
трости
трубки табачные
ширинки шелковые

шпильки
шутки
шетки

Посуда и утварь

блюда глиняные
блюда каминные
"вадерко с дырочками для чаю"
ванки
горшки чайные
замки
калфоры
колокольчики медные
коромысла
котлики
котлы
кофейники
кружки пивные
кувшины
кумки каменные
кумки фарфоровые
ложки
лоханки
мыленки
ножи
ножи перочные
ножи сладчатые
панккайла
перечницы
перья каминные
песты
поднос
подставки
рукоойники
рюмки
сахарницы
скалки
склянки
сковороды
солонцы
стаканы
стаканы деревянные

сулейки
тазы жестяные
тарелки
утюги медные
утюги железные
чайники
чашки полоскательные
чашки чайные
чернильницы
шандаты

Прочие предметы быта.

Мебель

занавески бархатные
зеркала настенные
игрушки
картины
кареты
клетки для птиц
коляски
кровати
куклы вошанные
кувшины дубовые
одеяла
перинки
"персоны в рамах"
свечи восковые
столы
стулья
стулья плетеные
сундуки
часы боевые
часы настенные
часы "столовые"
часы "стоячие"
шкафы дубовые
шкафы ореховые

Сбруя

бичи ремешные
полюны
седла

хлыстики
чепраки
шпоры

Музыкальные инструменты

гобой
рога
скрипки
струны
трубы
флейты

Съестные припасы

алкоголи
конфеты
кремля
крендели
леденец белый
леденец красный
патока белая
пиво-мом
пиво-эль
пряники
сахар голландский
сахар кенарский
сахар мягкий
сахар "ряженный"
сахар серый
соль
соль
сухари
устрицы
цукат в патоке
цукат в сахаре

бумага александрийская
бумага картонная
бумага писчая
бумага почтовая
книги
"чертежи земляные"
стекла оконные

2. Продукты сельского хозяйства европейских стран

Вина

алкан
водка венгерская
водка коришневая
водка крепкая³
водка мунгальская
пантак
ренское белое
ренское борлеус
ренское осланское
реншани
романея
сект
сект кенарский
тресер
уксус ренский
французское вино
церковное вино

Фрукты, овощи

изюм
изюм кафимский
каперсы
лимонная корка
лимоны свежие
лимоны соленые
остивы
остивы "в рассоле"
персики
померанцевая корка
померанцы
смоквы
чернослив
яблоки
ягоды вишневые
квас яблочный
масло коровье
мед-патока
окорока
сыр

3. Товары, поступающие из стран Ближнего Востока, Азии, Америки ("колониальные товары")

Пряности

гвоздика
гвоздика в патоке
имбирь в патоке
имбирь сухой
имбирь черный
кардамон
корица
корица
мускатный орех
мускатный цвет
перец
перец "шпанский"
розмарин
шафран

Прочие колониальные товары

бобры копченые
бобры-кошелоки
бобры-арцы
дерево-осенпоут
дерево-понкоут
жемчуг
кожи сухие
корень-калган
ладан белый
ладан росный
ладан серый
ладанная мука
масло деревянное
нефть
парча китайская
сандал-бразилет
сандал желтый
сандал красный
сандал синий

семя-финяел
слоновая кость
табак крошеный
табак листовой
табак носовой
травл-пуельсин
травл-шмет
фьятка-корень
шелк-сырец

Другие съестные припасы

кофе
миндаль
орехи земляные
чай
шоколад

Птицы

кандрейки
"снегири"
попутай

Б. Товары, купленные западноевропейскими купцами⁴

Продукты сельского хозяйства

воск
горох
кожи говяжьи сухие
кожи сырые
лен
масло льняное
масло конопляное
масло коровье
мед
мясо говяжье
овес
пенька-бухара

пенька полушстая
пенька чистая
перо гусиное
перо куропячье
перо утиное
пух гусиный
сало говяжье
семя льняное
семя конопляное
солод
скот убойный
хмель
языки говяжьи

Готовые изделия

брань пологовая
брань редкая
веревки
канаты
котлы железные
мыло белое
мыло пилатное
мыло яровое
пестрядь синяя
полотно вологодское
полотно парусное
рогожи
рукавицы оройковые
свечи сальные
сукна серые
сукна-чирки
холст гладкий
холст клетчатый
холст редкий
холст-хрящ
шубы белчьи

Продукты ремесла и промышленности

постуфабрикаты
кожи лайковые
козляны

коняны
кудель пеньковая
лосины
пакля
патока
пряжа льняная
пряжа пеньковая
юфть

Лесоматериалы

бревна
доски пилованные
доски тертые
дрова
смола
тес

Меха

белки
белчьи хвосты
бобровое черевье
бобрый пух
волчьи шкуры

горностаи
зачинен
коты куньи
медведи
норки
песцы

Поморские товары

сало ворванное
сало моржевое
сало тресковое
семга

Прочие продукты охоты

струя бобровая
струя кабаргина
лосинные кожи

Восточные товары

камки китайские
кожи сухие бухарские
рис

1. СПФ ИРИ, ф. 10, оп. 3, д. 145, л. 1-1367.

2. Некоторые виды красок, хмыкалий, а также хлопчатобумажных материй могли производиться и в восточных странах. В этом случае западноевропейские купцы доставляли их в Россию в качестве реэкспорта из своих стран.

3. Не исключено, что "крепкая водка" — это азотная кислота.

4. В разделе "Б" указаны только те товары, которые иноземцы покупали на ярмарке у русских купцов. Кроме того, торговые иноземцы покупали друг у друга европейские товары (обычно для собственного потребления), а также ими приобретались восточные товары непосредственно у армянских купцов — главным образом это шелк-сырец, торговля которым составляла привлекательный армянский экспорт, обходявшийся в так наз. Джудль-финскую компанию. Здесь не отмечены и купленные иностранцами товары, находившиеся в казенной монополии (позаш, смольчуг, икра и т.п.), так как эти сделки не фиксировались в выписках Архангельской таможни.

Указатель имен

Августин Е. — 316
 Аделгейт М. — 317
 Аксма Фелимон (старший) — 49, 50
 Аксма Фелимон (младший) — 49
 Акер Н. ван — 53, 72, 73, 139, 312
 Аксенов Л. — 195
 Алаторцев О. — 209
 Андриан Р. — 94
 Алексин М. — 214
 Александр Г. — 9
 Алексеев Н. — 209
 Алексей Михайлович — 24, 25, 44
 Алсман Н. — 318
 Альбрехт (Гиз) К. — 315
 Амброуз Я. — 7, 279, 281, 284, 320, 321
 Амон Н. — 110, 115, 125, 131, 208, 210, 221, 223, 232, 272, 315
 Амстель А. ван — 312
 Андреев Е. — 318
 Андреев И. — 94, 145
 Андрос Б. — 30, 65, 234, 238-240, 249, 318
 Андрикс Т. — 50
 Антонис Н. — 182
 Анна, королева — 241
 Анна Иоанновна — 30
 Анна Петровна — 36
 Ансис А. ван — 204, 312
 Апраксин П. М. — 235, 265
 Апраксин Ф. М. — 75, 247
 Апраксина — 75
 Ардинос М. — 319, 321

Арнус Я. — 119, 315
 Арнс Г. — 318
 Арман Д. — 32, 90, 94, 165-167, 170, 219, 220, 232, 240, 251, 259, 262, 267, 272, 312
 Арманс А. — 7, 279, 290
 Аузон Ф. — 94
 Афанасий, архиепископ — 65
 Аткин А. — 30, 90, 125, 181, 188, 210, 233, 236, 245, 256, 267, 272, 311
 Басенин О. — 66
 Басир А. — 120, 165, 312
 Басламова Н. А. — 284
 Баковер Н. — 311
 Балем В. — 163, 311
 Балж Р. — 312
 Балжин Н. — 153
 Бале Н. — 118, 294
 Балтина-Каминский Н. М. — 289
 Бартог Г. — 312
 Барнис М. — 312
 Барст М. — 170, 312
 Барст П. — 312
 Барсуков П. — 215
 Барту П. — 312
 Бассен Е. ван — 312
 Бассен Н. ван — 130, 312
 Бахарт Г. — 140, 312
 Бахман А. — 93
 Бекен Л. — 73, 134, 135, 315
 Бекман А. — 319
 Бекмана — 60
 Белтем Т. — 312
 Бель Е. — 91, 254, 255, 311

Бем К. — 311
 Берг А. — 153, 319
 Беркузен Д. — 50, 115, 123, 139, 209, 315
 Бескровный Л. Г. — 229, 303, 307
 Бестовые Ю. М. — 18, 288, 289
 Бест Н. — 208, 315
 Бестужев-Рюмин М. П. — 39
 Бестофр М. — 312
 Беттинг П. — 312
 Би Я. де — 98
 Бизли Ф. — 311
 Биш — 319
 Битнер Н. — 90, 171, 319
 Блант А. — 29, 67, 68, 107, 115, 152, 165, 186, 252, 311
 Блокте Р. — 311
 Блюх Л. ван дер — 312
 Бобровский А. — 214
 Бодино А. В. — 289
 Богданов М. — 151
 Богословский М. М. — 303
 Болдик А. А. — 109, 114, 119, 130, 199, 252, 272, 312
 Бодикс А. П. — 72, 73, 97, 139, 143, 180, 187-189, 233, 253, 312
 Болдик Я. — 180, 182, 188, 189, 312
 Бокман К. — 315
 Болотин Я. — 213
 Борен Р. — 255, 311
 Борнс Годунов — 24
 Борст В. — 72, 139, 143, 180, 188, 189, 191, 312
 Бори Я. — 312
 Боши Д. — 245
 Брагел М. — 154
 Брант А. — 52, 249, 285, 312, 320

Брант М. — 315
 Брант X. — 13, 32, 53, 61, 65, 67, 73, 166-169, 190, 194, 212, 213, 220, 222, 234, 228, 239, 242, 243, 245, 246, 251, 267, 272, 312
 Брант Т. ван дер — 151, 312
 Бретнер X. — 317
 Брест А. — 212, 219, 312
 Брехт А. ван дер — 312
 Брехт М. ван дер — 312
 Брокман Д. — 145, 318
 Брун Я. — 317
 Брунн Е. — 315
 Брунланд З. — 313
 Брунландт Н. — 313
 Брос Я. В. — 151
 Буж Н. де — 9, 279
 Бухар Н. — 70, 311
 Бултен Я. — 313
 Бург Иван ван дер — 53, 74, 168, 245, 313
 Бург Исак ван дер — 313
 Бустр А. ван дер — 313
 Бутенант А. — 50, 51, 193, 319
 Бывкова Т. А. — 301
 Бюстелли Н. — 42, 181, 187, 245, 264, 318
 Валкер Р. — 311
 Вальс — 311
 Ванситард — 311
 Ванс Т. — 98, 121, 311
 Варнике Е. — 149, 209, 315
 Вейгор В. — 253, 255, 311
 Вейд В. — 30, 72, 73, 139, 236, 267, 311
 Вейд ван А. — 313
 Вейсброт — 306
 Векхоль Б. — 29, 72, 240, 311
 Вегревински Я. В. — 9, 280, 301

Вен В. ван — 313, 321
Вент М. — 35, 316
Верер З. — 317
Веркулен И. — 313
Верми — 311
Верникобр И. — 313
Верникобр С. — 32, 188,
210, 252, 313
Верт Ф. ван дер — 200
Веселовский В. — 245
Вестов П.Н. — 45
Вестов П.П. — 46, 51, 93, 125,
127, 128, 171, 182, 202,
230, 234, 235, 284, 319
Востов П.Ю. — 319
Востов П.Я. — 45, 46, 65, 66,
91, 93, 95, 160, 164, 166,
167, 191, 195, 197, 202,
212, 232, 251, 259, 265,
284, 319
Востов Яков Павлов (стар-
ший) — 45
Востов Яков Павлов (млад-
ший) — 46, 195, 198, 202,
272, 319
Востова Ектерона — 46, 195,
196, 198, 202, 207, 319
Востова Елена — 46, 202, 319
Востова — 45, 46
Ветошкин И. — 188
Винкорт И. — 94
Виконс О. — 72, 130, 182,
186, 187, 193, 252, 263, 267,
311
Вистельм III — 28
Вин К. — 311
Винюс А. — 155
Виншпел Ю. — 94
Висковатов А.В. — 302, 304
Вислоухов В. — 184
Витворт Ч. — 98, 156, 241,
283, 289, 296, 306

Витцен Н. — 64, 286
Витте Т. — 319
Вихляев Н. — 182
Видзшпан-Рауанский С.Л.
— 128, 256
Волк В. — 191
Володимеров А. — 204
Володимеров Г. — 204, 207
Вольф К.Т. — 315
Вольф Х. — 47, 319
Воробьевский И. — 189
Ворошилов К. — 188
Вульф Д. — 59
Вульф О. — 29, 311
Вульф Р. — 318
Вульф Ф. — 29, 59, 311
Вульф Я. — 30, 311
Вюс — 313

Гавеман Г. — 38, 318
Гагарин А.М. — 193
Гагарин М.П. — 193
Гак П. — 313
Гамель И. — 5, 277, 280, 302
Гангель Ю. — 317
Ганге И. — 311
Гарднер Ф. — 81, 90, 181, 236,
237, 311
Гарднер Я. — 311
Гарланг Л. — 32, 64, 67, 114,
122, 165, 166, 213, 232,
267, 313
Гарланг Ю. — 32, 117, 313
Гарнак Е. — 315
Гарн Ф. — 311
Гарсейд Д. — 63
Гарсен И. — 313
Гаршан (Гарсейд) С. — 29,
30, 63, 70, 71, 73, 107, 121,
235, 241, 248, 252, 255,
263, 265-267, 272, 311
Гаскони А. — 42, 318

Гаскони Ф. — 42, 318
Гевер А. ван — 32, 91, 135,
136, 137, 313
Гевер В. ван — 32, 91, 109,
117, 232, 251, 313
Гевер У. ван — 313
Гелдстер — 317
Гей А. — 317
Геккель Ю. — 317
Гейт И. ван — 313
Герменгузен И. — 32, 109,
135, 139, 140, 186, 193,
194, 272, 313
Герменгузен Х. — 313
Геррман Х. — 317
Гертнер В. — 317
Герхард Д. — 8, 279
Гессель Я. — 313
Гет А. — 319
Гетлин Б. — 317
Гибо Л. — 318
Гиз Ф. — 35, 65, 68, 91, 94,
95, 110, 117, 123, 125,
136, 144, 149, 182, 186,
187, 194, 199, 233, 252,
254, 259, 272, 315
Гизалева А.П. — 284
Глазунов Д. — 128
Говаре (Говерс) Е. — 169, 315
Говаре И. — 315
Говертсы — 60
Гойл И. — 311
Голькова Н.Б. — 18, 300
Голлециан П.А. — 122, 123
Гольман Н. — 315
Голмейстер А. — 313
Головин Ф.А. — 65
Головина Н. — 206
Голдройде Я. — 311
Голетин П. — 248, 315
Гонтерон А. — 182

Гон И. — 311
Гонс Я. — 119, 315
Горгин А. — 313
Горн Р. ван — 313
Горн Т. — 315
Горшман А. — 313
Горшман М. — 313
Готман Н. — 315
Гоутовалло Д. — 47, 319
Гофман С. — 313
Гофман М. — 319, 321
Грайлев Я. — 317
Граф Д. — 317, 321
Гребин Г. — 203, 206, 315
Грен Я. — 319
Гренцаль И. — 318
Греф Б. — 319, 321
Греф Х. — 320
Гроссман М. — 117, 317
Грунд Г. — 203, 313
Гувер В. ван — 96, 313, 321
Гувер В. ван — 319
Гуксен Д. ван — 313
Гульа Н. — 158
Гульст А. ван дер — 52, 129,
130, 313
Гусен П. — 187
Гут Ю. — 54, 107, 311
Гут Я. — 30, 54, 107, 239, 311
Гут (Гювигт), братья — 115
Гутман Аврам — 31, 313
Гутман Адальф — 31, 60,
262, 272, 313
Гутман Андрей — 31, 109, 313
Гутман Е. — 31, 313
Гутман Иван — 90, 101, 160,
313
Гутман Исаак — 31, 129, 313
Гутманя — 60, 160, 172, 267
Гуфель К. — 29, 52, 59, 64,
67, 84, 89, 98, 107, 114,

115, 117, 119, 149, 153-162,
166, 168, 169, 191, 193,
194, 213, 235, 238, 241,
251, 256, 258-260, 264, 267,
296, 311

Давыдов И. — 232
Давыдов П. — 198
Давыдов С. — 126
Даннеберг Я. — 318
Дансер Н. — 130, 313
Дебас Е. — 92, 313
Дебас К. — 313
Дебас П. — 117, 313
Деваль — 313
Деленой С. — 199, 214, 215,
311
Делорм Ж. — 41, 318
Демкин А.В. — 7, 43, 278,
283, 320
Дем Я. — 98
Денот — 246, 311
Дерксен И. — 315
Дехтев П. — 191
Джанет Д. — 214, 318
Дибисон — 318
Диккинс Ф. — 255, 311
Диконс Р. — 320, 321
Дике А. — 61, 129, 165, 219-
222, 224, 226, 227, 245,
267, 313
Диксон А. — 317
Диксон Р. — 313
Дистерхаг Б. — 47, 171, 319
Дитлов А. — 159, 167
Долгорукий А.Г. — 193
Долгорукий Г.Ф. — 259
Долгорукий Я.Ф. — 240
Дон Ф. — 135, 318
Дорте Ф. — 64
Доршакто В.В. — 290
Дост ван дер — 313

Дрейк Н. — 311
Дружинин Н. — 160
Думанг Р. — 317
Дюкар В. — 124, 233, 311
Дюкар Г. — 163, 311

Евстагий А. — 320
Евреинов М. — 120, 128
Евсеев П. — 162
Ег А. — 320
Екатерина Иоанновна — 36
Елизавета Петровна — 30, 36
Елфрант П. — 319
Елчанский Т. — 213
Енг В. — 316
Ермолов А. — 159

Жерданс Г.Г. — 282

Загражкович М. — 154
Занг Я. ван дер — 313
Запольская Е.И. — 284, 303,
305, 307
Захаров В.И. — 291, 296, 308
Землин М.Х. — 54
Зелотарев Н. — 185
Зунбарк Б. — 315

Иван Грозный — 23, 24
Иванов Г. — 93
Иванов М. — 209
Иванов Р. — 94
Испин В. — 311
Избрант Едлоком — 319
Избрант Илес Елигарий —
50, 52, 53, 90, 226, 285,
319, 320
Измайлов И. — 206
Ильин В. — 154
Ислам Н. — 129, 128
Исааксон И. — 311
Исендорн Ф. — 313

Калов А. — 8, 279
Калбрехт А. — 320
Калер Д. — 13, 185, 212, 251,
311
Каленин Ф. — 163
Каль-Бермер П. — 214
Кампер Н. — 317
Кампрелон — 285
Кантгитер Д. — 32, 220, 232,
313
Кантгитер Кондрат (стар-
ший) — 32, 313
Кантгитер Кондрат (млад-
ший) — 313
Кант Гис — 313
Каншер Х. — 319
Карл I — 25
Карл XII — 221, 229
Карл А. — 122, 315
Каршарен — 151, 152, 159
Карс А. ван дер — 137, 313
Кардман Н.И. — 308
Калдерман Н. — 45, 46, 319
Калдерман Т. — 44, 45, 46,
53, 164, 212, 319
Калдерман Ю. — 199
Келленберг Г. — 7, 279, 282,
285
Комской М. — 191
Кервалдер Каспар (старший)
— 37, 127, 318
Кервалдер Каспар (младший)
— 47, 96, 318
Кетлин Я. — 311
Кетлевель В. — 37, 127, 171,
318
Китт Е. — 35, 51, 65, 90, 110,
117, 149, 259, 260, 316, 321
Кисенус А. — 31, 242, 251,
313

Кисенус Н. — 31, 136, 137,
223, 232, 262, 313
Кисенус, братья — 31, 64,
164, 166, 167
Карпичников А. — 183
Кирхвер В. — 10, 280
Кисляничков Н. — 160
Клево И. — 320, 321
Клерк А. — 193, 194, 319
Клик А. ван — 314
Клюк Екатерина — 314
Клюк Елской — 32, 64, 114,
121, 163, 166, 190, 197,
212, 213, 220, 223, 232,
240, 244, 251, 258, 259,
262, 267, 272, 314
Ключевский В.О. — 218
Книппер (Книпперзон) Т. —
37, 51, 259, 310
Книппер Д. — 8, 279, 280
Кобылин Т. — 188, 199
Коварильо В.А. — 18, 284
Коет П. — 50, 53, 95, 160, 195,
198, 202, 319
Коет Ю. — 50
Козелин Ф. — 315
Козляков Р.И. — 6, 120, 262,
278, 287, 288, 291-293, 297,
304, 309
Коллова И.В. — 18
Кок П. — 311
Коллинс С. — 302
Коллинс Ф. — 53, 64, 75, 139,
246, 247, 267, 272, 311
Комбат К. — 314
Конрагельс П. — 93
Конфелс Т. — 319
Копов (Копу) Н. — 315
Копов П. — 35, 72, 94, 131,
134-136, 139, 187, 214, 252,
315

Конов Ю. — 34, 35, 110, 115,
119, 123, 131, 210, 232,
251, 315
Коновов П. — 38
Константиновы — 159
Копыловский И. — 213
Копталь И. — 317
Корн Т. — 94
Корнилов Ф. — 187
Корнилова, братья — 187
Коробов Д. — 213
Коробов Е. — 160
Короцкий И. — 233
Короцкий М. — 182
Корса Е. — 138, 294
Коршуковский И. — 189
Косолов Г. — 93
Котляров И.И. — 5, 277, 302
Крауверт А. — 110, 315
Кран С. — 37, 171, 318
Краузе Ю. — 317
Кредем В. — 317
Кревич Б. — 149, 317
Крестинин В. — 187
Крестинин В.В. — 4, 5, 19,
21, 277, 280, 321
Креук Х. — 317
Крефт А. — 53, 259, 319
Криер Н. — 315
Кристен А. — 317
Кро З. — 200
Кроншель О. — 27
Кронцов П.А. — 18
Кружини И. — 184
Крылова Т.К. — 283
Кройс К. — 84
Кройс Я. — 139, 314
Кутори М. ван — 244
Кузнецов И. — 189
Кузнецов Ф. — 208
Кузнецовы — 187
Кушнер И.М. — 5, 277

Курбатов А.А. — 21, 131, 229
Курлятин С. — 199
Лави А. — 41, 285
Ланг И. — 37, 119, 171, 318
Ланг Т. — 314
Лангер Ю. — 317
Лан К. — 317
Лебон — 318
Лежен — 65, 259
Лексель И. — 311
Ленин Т. ван — 137, 314
Лерс Х. — 39, 65, 215, 318
Леттейр Я. — 314
Либс Т. — 317
Лимбург А. — 314
Линдман С. — 318
Литен И. фон — 320, 321
Лобов Ф. — 186
Лодыженский К. — 5, 277, 287
Лойд В. — 30, 46, 50, 161,
232, 233, 240, 311
Ломан Л. — 313
Лонбор А. — 315
Лопухины — 123
Лосон Я. — 311
Лодтуус Н. — 39, 318
Лодтуус Т. — 39, 53, 111,
117, 119, 318
Лукасов П.М. — 284
Лутов С.П. — 306
Львинс В. — 42
Любимов И.И. — 6, 278, 281
Любовит Ф. — 231
Любе Иван (старший) — 32,
64, 67, 91, 96, 109, 117,
119, 125, 129, 130, 164,
166-170, 184, 186, 187, 199,
212, 220-224, 227, 228, 230,
239, 240, 242-244, 246,
250-252, 254, 256, 258, 259,
262, 267, 272, 314

Любе Иван (младший) — 32,
136, 267, 314
Люфтин А. — 314
Люфтин В. — 314
Луктор И. — 320
Магер П. — 320
Магнус Я. — 317
Макхарт Р. — 64
Макхрун П. — 317
Манушкин И. — 214
Маркфельд Т. — 236, 237
Марини Н. — 110, 131, 255,
315
Маршотти Д. — 42, 139, 181,
187, 243, 264, 318
Маркс К. — 176, 298
Маролинс П. — 49
Мартин С. — 241, 311
Мартин Ф. — 316
Мартин Я. — 316
Мартисен А. — 35, 316
Мартисен П. — 35, 68, 110,
117, 316
Мартисены, братья — 35, 125
Маршак К. — 314
Матвея А.А. — 227, 258
Матвеева М. — 193
Матис А. — 316
Матшан А. — 187, 205, 314
Мешерл А. — 90, 138, 185, 199,
212, 214, 215, 232, 251, 311
Медовщиков Я. — 182
Мейбух И. — 315
Мейер Андрей, гамбургский
купец — 315
Мейер Андрей, датский ку-
пец — 111, 214, 318
Мейер Артемий — 314
Мейер Е. — 52, 136, 139, 143,
180, 182, 187, 189, 200,
207, 236, 237, 256, 267, 314

Мейер И. — 311
Мейер К. — 94, 119, 134,
145, 315
Мейер П. — 319
Мейер Р. — 32, 50, 65, 119,
202, 209, 212, 219-221,
228-230, 244, 265, 314
Мейер Христиан — 43, 318
Мейер Христофор — 316
Мейер Я. — 317
Мейс П. — 311
Мехр Л. — 319
Меллер А. — 319
Меллер В.В. — 49, 192, 193,
319
Меллер В.П. — 49, 192, 193,
200, 319
Меллер П. — 49, 192, 193,
206, 319
Меллеры — 191, 192, 194,
202, 206, 207
Мельников П.П. — 5, 278
Менаринг Родон — 29,
188, 253, 255, 311
Менаринг Роман — 29, 114,
117, 130, 211, 244, 260, 311
Мене А. — 122, 314
Меншиков А.Д. — 75, 124,
125, 144, 247
Месляков И. — 37, 127,
171, 318
Мизел Л. — 319
Миксели Н. — 190
Миксулов В. — 320, 321
Миллер Г. — 317
Миллер И. — 312
Миллер Х., гамбургский ку-
пец — 316
Миллер Х., голштинский ку-
пец — 317
Миллер Я. — 317

Миль П. — 73, 90, 233, 317, 321
Милотин А. — 80
Мингер А. — 37, 50, 219, 272, 317
Миттон Г. К. — 320
Михаил Федорович — 24
Мишов Э. — 316
Монмориллон — 318
Моис Ф. — 199
Морли Ф. — 72, 94, 186, 204, 252, 254, 312
Москотовский — 187
Музыка А. С. — 5, 277, 288, 289
Мурахов К. — 93
Мутаев Я. — 317
Мушинков Н. — 182
Муше С. — 53, 114, 117, 119, 125, 165, 209, 211, 213, 214, 251, 254, 255, 265, 312
Назров К. — 208, 210
Назров М. — 126
Нарашкин А. Л. — 123
Наталья Алексеевна — 123
Незбит Т. — 135, 240, 312
Нейман Т. — 316
Нейхардт Л. — 320
Нижаров Г. А. — 6, 278, 282, 294
Неттлстон Р. — 29, 30, 143, 247, 312
Никитин М. — 209
Николаев Л. А. — 306
Николаев М. — 210
Николаев Н. — 209
Нимандс Я. — 314
Нинорт Я. — 314
Нолл Д. Б. — 42, 139, 318
Норрис Ф. — 74
Носков А. — 166

Нотоль И. — 312
Ноттобург О. — 145, 146, 318
Нумменен Я. — 152, 317

Образцов И. — 188
Образцов С. — 185
Образцовы — 186
Османов О. В. — 291
Оттавио Г. В. — 258
Ореховский С. Ф. — 5, 6, 278, 288, 293, 294, 297
Оксен П. — 68, 318
Оландер И. — 318
Ольденбург А. — 314
Ольденбург А. — 320, 321
Опель А. — 317
Опелл Х. — 317
Ордин-Напоков А. Л. — 76
Орлов Г. — 214
Остров С. Э. — 7, 279, 281, 309
Островский Г. А. — 6, 278
Островский Г. — 186
Островский М. — 185, 186, 191
Оттоков Г. — 154
Офман С. — 314
Охорк С. — 109, 314

Павел I — 45
Павлов А. — 233
Павлов Н. — 126
Павлов К. — 164
Паллуэ Э. — 316
Пакшен И. — 314
Панкратьев И. — 182
Парнелл В. — 312
Парсонс Вейнас — 312
Парсонс Вейнас — 72, 73, 185, 186, 189, 235, 312
Парсонс Л. — 314
Паульсон Ю. — 153, 312
Пейтлинг М. — 314

Пейтлинг Т. — 120, 314
Пелутье И. — 35, 180, 191, 239, 317
Пель, братья — 31, 94, 109, 131, 149, 184, 209
Пель А. — 31, 314
Пель Д. — 31, 186, 314
Пель П. — 165, 253, 314
Пери С. — 64
Перно Ш. — 41, 318
Перцев В. И. — 281
Пестер О. — 314
Петр I — 3-6, 9, 10, 12, 16, 17, 19-22, 27-32, 34, 36, 39-41, 44, 46, 50, 51, 53-55, 59, 65, 74, 79, 80, 82-84, 87, 88, 95, 98, 103, 132, 133, 137, 144, 146, 147, 151, 159, 170, 172, 173, 179, 207, 212, 217-220, 222, 226, 229, 231, 238, 240, 242-245, 248, 250, 266, 269, 273, 274, 286, 304, 320
Пейрама Э. — 6, 278, 290
Пихомов С. Ф. — 30, 46, 281, 284
Племянинков Ф. — 228, 229
Плотников П. — 189
Плотников С. — 187
Потанкин И. — 185
Подолешников С. — 167
Подрозский В. И. — 293
Подрозский М. И. — 218
Полтов Л. В. — 285
Помзлов Г. — 186
Помзлов Ф. — 188
Потков Л. — 155
Потков Н. — 210
Потков Я. — 210
Потков Л. Л. — 291

Поппе, семья — 34, 60
Поппе А. — 316
Поппе Н. — 34, 67, 68, 94, 110, 117, 123, 144, 149, 316
Поппе Л. — 34, 316
Поппе М. — 34, 35, 65, 74, 161, 166, 167, 212, 232, 234, 240-244, 246, 251, 252, 258, 259, 267, 272, 316
Поппе Ф. — 34, 35, 72, 94, 134, 136, 187, 214, 316
Портнер В. — 312
Посомков Н. Г. — 69, 286
Потанов М. — 199
Потт А. — 314
Позан Ф. — 318
Прайс Д. М. — 7, 157, 279, 281, 285, 286, 290, 292, 295, 296
Прейс А. — 312
Прекер Э. — 317
Прен А. — 238, 316
Прен Н. — 316
Прокофьев К. — 208
Прудников А. — 186
Пулене Ф. — 312
Пуль Х. — 317
Путцлов П. — 167
Пушкина Н. Н. — 182
Пушников Л. — 189
Рагелсберг П. — 141, 318
Раскоп Н. — 235, 312
Рас В. — 224
Растер Н. — 94
Ратцель Г. — 320, 321
Рафаил, архиепископ — 123
Раш А. — 314
Резер Е. — 122, 316
Рейнгольд В. — 37, 317
Рейх — 317
Рекунд А. — 144

- Розенфелд И. — 314
 Розтоффг — 317
 Ротки И.И. — 6, 18, 120, 172, 278, 284, 288, 291-293, 298
 Роткины — 163
 Ржевский А.Т. — 193
 Родина Л. — 8, 279, 287
 Рюмишвейдер А. — 93, 110, 316
 Робинсон Д. — 152
 Робинсон Р. — 63, 64, 70, 71, 241, 312
 Ротенбау Я. — 35, 316
 Родде К. — 35, 289, 316
 Родде Т. — 35, 38, 136, 316
 Ролан А. — 203, 206, 314
 Ролан П. — 110, 115, 125, 131, 187, 232, 316
 Розенкранц П. — 314
 Розены — 60
 Рокет П. — 312
 Розиник Я. — 38, 47, 90, 236, 316
 Розманов А. — 159
 Розмановский М. — 61
 Розмановский Н. — 61, 66, 119, 220, 314
 Розман М. — 314
 Розман С. — 312
 Рос В. — 137, 203, 314
 Рос П. — 314
 Руср Я. — 316
 Русь Р. — 314
 Руткер А. — 50, 319
 Руткер Л. — 314
 Рухманова Э.Д. — 6, 278
 Рыба А. — 314
 Рытлов Т. — 312
 Рыш А. — 319
 Рыш Д. — 319
 Рышков Я. — 39, 318
 Рыжковичи — 218
 Рысьев К. — 163
 Салман Д. — 30, 314, 321
 Самарин А. — 209
 Самарат П. — 320, 321
 Сандлерс А. — 134, 145, 316
 Сандлерс Н. — 316
 Саванг Ф. — 96, 314
 Сведен Н. ван — 314
 Свеллентреbel Андрей (старший) — 32, 314
 Свеллентреbel Андрей (младший) — 32, 53, 90, 109, 123, 137, 149, 163, 190, 199, 208, 212, 232, 258, 265, 314
 Свешников Ф. — 154
 Секербакер Я. — 101, 314
 Секерс А. — 316
 Селтианов Г. — 200
 Семёнов П. — 211
 Сергеев А. — 126
 Сидорова Д. — 93
 Сидорова М. — 93
 Сник Н. — 317
 Скавен В. — 158
 Сакслен А. — 68, 318
 Спинне Н. — 110, 317
 Сакел Я. — 236, 264, 267, 312
 Сикт Я. — 312
 Соколышков И. — 204
 Солоников Г. — 209
 Соловьев О. — 168, 245
 Соловьев С.М. — 282
 Сони А. ван — см. Фансом А.
 Спелтман Я. — 29, 30, 107, 119, 170, 188, 210, 233, 235, 236, 241, 246, 252, 259, 264, 267, 312
 Станн Н. ван дер — 50, 119, 149, 314
 Ствант Н. ван — 314
 Стайлс А. — 13, 29, 50, 59, 67, 91, 107, 115, 144, 149, 221, 234, 240, 242-244, 250, 252, 259, 262, 263, 267, 272, 312
 Стайлс Б. — 312
 Стайлс Т. — 59
 Степанов З. — 126
 Стерлинг В. — 139, 233, 246, 312
 Стратфорд Т. — 158
 Стрелков Н. — 128, 131, 199, 200, 213-215, 233
 Строганов Г.Д. — 120, 233
 Строгановы — 128, 240
 Струни З. — 319
 Сухомеж Я. — 8, 20, 279, 280, 284, 285, 294, 320, 321
 Сыровицкий В.Е. — 283
 Таберт И. — 32, 219, 232, 314
 Тазер М.И. — 35, 317
 Тамме И. — 31, 51, 123, 139, 149, 182, 199, 202, 252, 254, 314
 Тамме П. — 31, 314
 Таммеса, братья — 31, 130, 184, 194, 204
 Тарловская В.Р. — 18, 300
 Тевек Н. — 115, 149, 316
 Тембурусен А. — 119, 314
 Тембурусен Г. — 314
 Тенг Н. — 158
 Терпичский — 255
 Тессинг Э. — 165
 Тессинг Я. — 212, 213, 244
 Тессинги — 60
 Тиммерман Андрей — 61, 186, 204, 314
 Тиммерман Анна — 314
 Тиммерман Н. — 61, 255, 319
 Тиммерманы — 60
 Титус Т. — 318
 Тихановский Н. — 182
 Тихонов С. — 159
 Ток И. — 35, 317
 Толк И. — 316
 Томмлен С. — 191, 233
 Тошн В. — 210
 Тошн Г. — 210
 Тошн И. — 210
 Топленников Г. — 164
 Торгал Т. — 312
 Торшен Д. — 317
 Торшен Й. — 43, 318
 Торшен К. — 43, 318
 Торшн Е. — 318
 Трескот Т. — 96, 319
 Третьяков С. — 184
 Троицкий С.М. — 6, 278
 Турчанников (Турка) А. — 93, 233
 Турчанников Я. — 205, 206
 Турчок Н. — 182
 Уамстель А. — 314
 Уистлоб К. — 23
 Уильямс Ф. — 320
 Ульямский В.А. — 282
 Уман Н. — 317
 Уманов И.Ф. — 294
 Фалк Э. — 94
 Фанбен Я. — 314
 Фабрин Р. — 316, 321
 Фандорг И. — 153, 166, 167, 195, 315
 Фандорг С. — 90, 315
 Фандорг Ф. — 180, 182, 188, 189, 315
 Фандлар П. — 315
 Фансом А. — 35, 316

Фансом И. — 316
Фансоммы — 60, 321
Фарбек И. — 314
Фармлин В. — 316
Фаруфа Н. — 32, 200, 212, 315
Фарьюс А. — 94, 95, 265, 316
Фарьюс Иван (старший) —
34, 256, 265, 316
Фарьюс Иван (младший) —
34, 265, 316
Фаттер И. — 316
Федоров И. — 94
Федотов Ф. — 233
Феннфер Х. — 317
Ферколен В. — 315
Ферколен Е. — 315
Ферколен И. — 121, 315
Филатьев Г. — 182
Финтаген Ф. — 317
Финк Е. — 316
Финк М. — 316
Фонель Я. — 38, 317
Фойт Х. — 316
Фохбрехт Б. — 316
Форстер Ф. — 312
Франк Р. — 135, 312
Фредерик IV — 132
Фрей А. — 316
Фрей Т. — 95, 316
Фрей Ф. — 319
Фрейдленс К. — 91, 315
Фрейс П. — 39, 318
Фрик Ф. — 315
Фюрст И. — 137, 215

Хаблаг И. — 320, 321
Хайд В. — 312
Харантаван Е. — 200
Харвер-Герсдорф Э. — 8, 279,
292
Харрис Э. — 158
Хвальнов И. — 185

Хвостов — 153
Хевьер А. — 120, 122, 316
Хикот Ч. — 158
Хлебников И. — 92
Хованский В.П. — 193
Хогел К. — 72, 187, 213
Холден С. — 152
Холпанель П. — 316
Хорт Г. ван дер — 315
Хроснех А. — 114, 125, 315

Цветаев Д.В. — 5, 277
Цехерс А. — 316
Цоллкофер Я. — 315

Чендлер Р. — 23
Чумаков М.И. — 4, 277

Шапошников И. — 182
Шапошниковы — 187
Шаркова И.С. — 283, 309
Шаскельский И.П. — 6, 18,
278, 282, 290

Шафиров П.П. — 124, 125,
144

Шварц К. — 93, 318
Шель Я. — 209, 316
Шереметев Б.П. — 220
Шерс И. — 107, 119, 122, 312
Шерс С. — 312
Шиг А. — 39, 132, 249, 318
Шиг И. — 39, 318

Шиффель М. — 320, 321
Шлитор А. — 35, 171, 317
Шмаудин М. — 316
Шмет И. — 163, 316
Шмидт Р. — 315

Шмидт Николай, любекский
купец — 316
Шмидт Николай, шведский
купец — 152, 317

Шмидт Я. — 94
Шорин И. — 195
Шпенфельд Л. — 317
Штеллинг Я. — 143, 316
Шудтов Л. — 316
Шуринг — 320, 321
Шуцлер — 315
Шхарбатур Д. — 315
Шхувеман Андрей (стар-
ший) — 34, 115, 316
Шхувеман Андрей (млад-
ший) — 34, 316
Шхувеман П. — 68, 316

Шегосин В. — 182, 191

Эванс Г. — 29, 30, 50, 90,
93, 94, 124, 139, 181, 187,
236, 247, 252, 253, 264,
267, 312

Эдвардс И. — 29, 30, 63, 64,
71, 236, 254, 312

Эленк Б. — 315
Эдвингер В. — 39, 141, 318

Эккель фон — 316
Элеут С.Г. — 32, 315
Элеут С.П. — 315
Элеут С.С. — 32, 91, 187, 315
Эмсалт В. — 29, 54, 90, 123,
139, 181, 187, 267, 312

Эль Т. — 107, 119, 149, 234,
272, 312

Эренс В. — 38
Эфферн Х. фон — 319
Эхт А. — 119, 316
Эшенбурх — 240, 312

Юль Ю. — 20, 222, 280, 289,
294, 302

Юнг В. де — 315
Юнг Н. де — 137, 315

Юнг К. де — 230, 315
Юнох А. — 312
Юль А.И. — 18, 305, 307, 308
Юшюнский Г. — 186

Ягор А. — 189, 205, 315
Якимов И. — 319
Якимов Яков (старший) —
160, 162, 164, 166, 167,
198, 200, 319
Якимов Яков (младший) — 319
Яковлев А. — 318
Яковлев Г. — 162
Ярт М. — 41, 318

Angermann N. — 283

Braat J. — 281
Campbell R. — 287
Dalton H. — 288
Eeghen J.H. van — 285
Hansen H.J. — 282
Koningsbrugge J.S.A.M. van —
286

Lammel B. — 290
Lehe E. van — 281
Risalit R. — 283
Scherer J.B. — 294
Schnoller G. — 285
Scott W.R. — 281
Zulden D.S. van — 303, 306,
307

Содержание

Введение	3
Глава 1 Западноевропейское купечество в России: численность, национальный состав, ассимиляция, побочные виды деятельности	19
Глава 2 Организация и условия торговли западноевропейских купцов в России.....	58
Глава 3 Торговля западноевропейских купцов в Архангельске, Петербурге, других российских портах на Севере и на Балтике	100
Глава 4 Торговые иноземцы на внутреннем российском рынке	148
Глава 5 Кредит в торговле западноевропейских купцов в России	175
Глава 6 Западноевропейское купечество — торговой и финансовый партнер российского правительства	218
Заключение	269

Примечания	277
Список сокращений	310
Приложение 1 Западноевропейские купцы в России в конце XVII — первой четверти XVIII в.	311
Приложение 2 Ассортимент товаров в торговле западно- европейских купцов на архангельской ярмарке в 1710 г.	322
Указатель имен	330

В.Н.Захаров
Западноевропейские купцы в России.
Эпоха Петра I

Художественное оформление - А.Сорокин

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 30.08.96
Формат 70X100 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,56. Уч.-изд. л. 13,96 Тираж 3000. Заказ № 389
Издательство "Российская политическая энциклопедия"
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13.
Факс. 181-0113

Отпечатано с оригинал-макета в Московской
типографии №2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6.